

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2

1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· НАУКА ·

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

МАРТ — АПРЕЛЬ

2
1977

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. С. Парсаданова.</i> Советско-польское экономическое сотрудничество в 1944—1949 годах	3
<i>И. В. Михутина.</i> К вопросу о роли правых оппозиционных группировок в политической системе стран Центральной и Юго-Восточной Европы в 1930-е годы	15
<i>Ю. Ф. Иванов.</i> Становление марксистской концепции гуситского наследия в межвоенной Чехословакии	27
<i>А. А. Титова.</i> Проблема аграрной реформы в польском сейме (июнь — декабрь 1923 г.)	39
<i>А. Улунян.</i> К вопросу о пребывании Христо Ботева в России накануне Старозагорского восстания 1875 года	52
<i>А. С. Мыльников.</i> В. Н. Татищев и «Чешская хроника» В. Гаека	59
<i>Станислав Урбаньчик</i> (ПНР). Польский язык XVI века	67

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Стефан Колафа</i> (ЧССР). Владимир Кривош и Альберт Шкарван в Петербурге и их контакты с Л. Н. Толстым	78
---	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Б. М. Руколь.</i> Zdeněk Nejedlý. Má vlast. Symfonie doby, života a díla	84
<i>И. А. Воронков.</i> Б. С. Понков. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель	85
<i>Н. Богомолова.</i> J. Kwiatkowski. Poezja Jarosława Iwazskiewicza na tle dwudziestolecia międzywojennego	87

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>И. К. Горский.</i> «Studia polono-slavica-orientalia»	88
<i>Г. Покровская.</i> «Бранко Гавелла — драма и театр»	90
<i>Карл Гутимидт</i> (ГДР). Г. П. Клепикова. Славянская пастушеская терминология (ее генезис и распространение в языках карпатского ареала)	91

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1976 г.	94
Содержание иностранных журналов	102

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. К. Мороз.</i> Научная конференция историков-полонистов во Львове	106
<i>В. М. Мокиенко.</i> Международный симпозиум по богемистике	107
<i>В. Е. Гусев.</i> На 23 конгрессе фольклористов Югославии	110

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. ВЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР,
 А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *И. И. Козловская*

В. С. ПАРСАДАНОВА

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1944—1949 ГОДАХ

Помощь СССР в восстановлении польской экономики является характерным проявлением интернациональной и классовой поддержки первым социалистическим государством народной демократии в Польше — одной из форм диктатуры пролетариата.

Помощь в хозяйственной области стала оказываться с первых дней вступления Красной Армии на польские земли.

В ходе революции, развернувшейся с началом освобождения Польши, одновременно с формированием государственных органов проводилась фактическая национализация крупной и средней промышленности. Однако у молодого государства было недостаточно сил для овладения сразу всей экономикой. Значительную часть предприятий, особенно на западных землях и в тех местностях, где еще не было польских органов власти, в соответствии с приказом Ставки от 9 августа 1944 г. принимали под свою охрану советские части. Красная Армия должна была не только охранять предприятия; но и налаживать их работу и по мере создания польских органов власти на местах, передавать им предприятия. В целом около половины крупных и средних фабрик и заводов народная власть получила из рук Красной Армии¹.

В августе 1945 г. был подписан договор, по которому СССР передал Польше юридическое право на владение всеми хозяйственными объектами, которые были расположены на западных землях, и германским имуществом, акциями и активами на всей территории Польши². Эти германские ценности были военными трофеями Советского Союза.

Благодаря усилиям рабочего класса, руководимого ППР, сразу же после освобождения началось восстановление промышленности. С октября-ноября 1944 г. работали все уцелевшие предприятия, электростанции и нефтяные промыслы освобожденной территории — «Люблинской Польши». С помощью Красной Армии восстанавливались частично разрушенные предприятия. На восстановление металлургического завода в Стале-

¹ Исключением были основные железнодорожные магистрали, которые по специальному польско-советскому соглашению до прекращения военных действий должны были оставаться в ведении советского верховного командования. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VIII. М., 1974, стр. 287—290 (далее — «Документы и материалы...»).

² Х. Ендрушак оценивает национальное богатство западных земель на 1945 г. с учетом военных разрушений в 37,4 млрд довоенных злотых. Западные земли давали в 1937 г. $\frac{2}{3}$ продукции (по стоимости), производившейся в Польше в довоенных границах (H. Jedruszak. *Zatrudnienie a przemiany społeczne w Polsce 1944—1960*. Warszawa, 1972, s. 18—19). См. также данные в кн. *Ekonomia Polski Ludowej 1944—1955*. Warszawa, 1974, s. 227.

вой Воле, например, командование Красной Армии выделило из своих фондов продовольствие для питания рабочих завода, предоставило автомашины для перевозки материалов. Из Советского Союза были получены моторы и насосы, сырье и технические материалы, необходимые для первых трех месяцев работы. На основе соглашения Польского комитета национального освобождения (ПКНО) с правительством Украинской ССР для мартенов Сталева Воля из советского города Борислава начал поступать газ. 5 января 1945 г. Сталева Воля дала первую плавку стали. Еще ранее завод начал выполнять различные ремонтные работы для советских и польских войск и изготовление запасных частей.

Огромный ущерб был нанесен гитлеровскими оккупантами транспорту и связи. 84% железных дорог Польши подверглось разрушению, практически отсутствовал подвижной состав³, не было автомашин. Польша лишилась флота. Советские войска восстановили тысячи километров железных дорог и линий связи⁴. СССР передал Польше из военных трофеев 1987 паровозов и подвижной состав стоимостью в 22 млн. долларов⁵. Польша получила автомашины и самолеты. СССР помог Польше добиться возврата ее судов, захваченных фашистской Германией (эти суда западные союзники пытались разделить как германское имущество)⁶. Польша получила от СССР в счет репараций с Германии первоначально 19 торговых и пассажирских судов стоимостью 804,5 тыс. фунтов стерлингов, затем еще 17 — общим тоннажем в 67 тыс. т⁷. Кроме того, 6 судов были подняты ЭПРОНом в ходе расчистки форватеров гданьского порта⁸. Так были заложены основы торгового флота народной Польши, создана реальная возможность выхода польских товаров на внешний рынок⁹. Советский Союз оказал также помощь в создании польского военно-морского флота. В начале апреля 1946 г. Советское правительство передало Польше безвозмездно 23 военно-морских корабля.

Однако на пути развития мореходства, а следовательно, и судостроительной и судоремонтной промышленности стояли военные разрушения. По просьбе польского правительства советские тральщики летом 1945 г. начали работы по расчистке портов Гдыня, Гданьск и Владиславов. Гданьский порт был открыт в конце июня 1945 г. 29 октября того же года было подписано соглашение между Наркоматом военно-морского флота СССР и Министерством судоходства и внешней торговли Польской Республики¹⁰. Согласно этому соглашению «Балттехфлот» взял на себя подъем

³ Немецко-фашистские оккупанты вывезли 4 тыс. паровозов и 150 тыс. вагонов (А. Н. Барковский и. Экономика Польской Народной Республики. М., 1976, стр. 19).

⁴ По неполным данным с помощью СССР в Польше было восстановлено 8 тыс. км железных дорог, более 100 крупных, 200 средних и 1000 малых мостов, 63 железнодорожные станции, 95 тыс. км линий связи (см. Н. И. Иванов. Развитие экономических связей европейских стран народной демократии. М., 1956, стр. 137).

⁵ «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Materiały i studia», t. X. Warszawa, 1973, s. 147.

⁶ О трудностях возвращения польских судов, оказавшихся в годы войны в Англии, см. A. Fiderkiewicz. Kraków, Warszawa, Londyn. Warszawa, 1970, s. 170—172.

⁷ W. Kowalski. Polityka zagraniczna Polski 1944—1947. Warszawa, 1971, s. 395.

⁸ Ср. G. Kurkiewicz. Przemysł okrętowy w Polsce Ludowej. «Kwartalnik Historyczny», 1964, № 2, s. 466. ЭПРОН — экспедиция подводных работ особого назначения.

⁹ В 1946 г. у Польши было 26 морских торговых судов (93 964 т водоизмещения) в 1947 г. — 42 (155 741 т), 1948 г. — 43 (160 407 т), которые перевезли 1769,6 тыс. т грузов. «Rocznik Statystyczny. 1949». Warszawa, 1950, s. 36. Для сравнения: морской транспортный флот межвоенной Польши насчитывал 40 судов тоннажем 120 тыс. т.

¹⁰ «Документы и материалы...», т. VIII, стр. 584—589.

судов и других объектов, затопленных в порту Гдыни, и работы по превращению этого порта в глубоководный, способный принимать океанские суда с большой осадкой. Завершение в марте 1946 г. этих работ позволило приступить к восстановлению (а фактически — строительству заново) верфей. В сентябре 1945 г. в Гданьске начался ремонт судов. Уже через год были заложены небольшие суда. 6 ноября 1948 г. было спущено на воду первое крупное польское судно «Солдек». Так было положено начало бурному развитию польского судостроения, ныне одного из ведущих в мире.

Большое значение для возрождения польской экономики имело справедливое решение вопроса о репарациях с Германии. На Потсдамской конференции руководителей трех великих держав делегация СССР обязалась удовлетворить репарационные претензии Польши из причитавшейся Советскому Союзу доли. Было принято, что в результате второй мировой войны СССР и Польша понесли пропорционально примерно равные потери¹¹. Поэтому в основу исчисления была положена численность населения, принятая как 7 : 1. В связи с этим было решено, что Польша получает 15% всех репарационных поставок из советской зоны оккупации, а также 30% комплектного промышленного оборудования, которое СССР должен был получить из оккупационных зон западных держав, оплачивая часть их. В связи с этим Польша обязывалась, начиная с 1946 г., в период оккупации Германии поставлять Советскому Союзу уголь по специальной договорной цене, равной себестоимости («без прибыли, но и без потерь», по заявлению президента Б. Берута)¹².

В ноябре 1956 г. в результате советско-польских переговоров по вопросу неурегулированных финансовых расчетов прошлых лет стороны согласились считать задолженность Польши по состоянию на 1 ноября 1956 г. по использованным суммам кредитов, предоставленных Советским Союзом, как оплату ей полной рыночной стоимости угля, поставленного в 1946—1953 гг. Советскому Союзу на основании соглашения от 16 августа 1945 г.¹³

Советско-польские экономические отношения прошли длительный путь развития. Начались они как экстренная, чрезвычайная и безвозмездная помощь частей Красной Армии и Советского правительства населению освобожденных районов Польши¹⁴. Разумеется, что указанная помощь, хотя и играла большую роль, не могла полностью разрешить все проблемы обеспечения населения продовольствием и — промышленности сырьем. Необходимо было налаживать регулярные торгово-экономические связи.

¹¹ Общая стоимость потерь, понесенных Советским Союзом в результате немецко-фашистской оккупации части территории СССР, оценивалась в 128 млрд долл. (679 млрд руб.). Военные издержки СССР составили 379 млрд долл., т. е. вторая мировая война обошлась СССР в 485 млрд. долл., или больше, чем сумма издержек США, Великобритании и Франции вместе взятых («Всемирная история», т. X. М., 1965, стр. 602). Потери Польши составили 17 млрд долл. (258 млрд довоенных злотых). (А. К а р л и н с к и й. Двадцать лет развития народного хозяйства Польши. 1944—1964 гг. Варшава, 1964, стр. 16).

¹² «Документы и материалы...», т. VIII, стр. 555.

¹³ «Советский Союз — Народная Польша». Документы и материалы 1944—1974 гг. М., 1974, стр. 204. После создания на немецкой земле первого демократического государства трудящихся в мае 1950 г. правительство СССР по согласованию с правительством Польши приняло решение сократить остающуюся к выплате сумму репарационных платежей с ГДР на 50% и рассрочить уплату остающейся части репарационных платежей на 15 лет товарами текущей продукции. В 1953 г. СССР и Польша вообще отказались от репараций.

¹⁴ 1-й Белорусский фронт и Северная группа войск поставили Польше в 1944—1945 гг. 138 тыс. *т* зерна, 74 тыс. *т* сахара, 316 тыс. *т* картофеля и овощей и ряд других продуктов. Было передано также 109 тыс. голов крупного рогатого скота, более 116 тыс. овец и свиней, 15,3 тыс. лошадей.

Первым экономическим соглашением между правительством СССР и ПКНО было подписанное 4 августа 1944 г. соглашение относительно финансово-хозяйственных вопросов, определявшее условия пребывания советских войск на территории Польши, а также формирования польских вооруженных сил на территории СССР. Советский Союз полностью брал на себя расходы по содержанию и обеспечению польских частей, созданных на советской территории в 1941—1944 г. С созданием Войска Польского СССР также обеспечивал его необходимым материально-техническим имуществом, вооружением и боеприпасами. Только с весны 1943 г. до конца 1944 г. на эти цели было израсходовано на основах беспроцентного кредита 723 млн. руб.¹⁵ В течение 1945 г. расходы существенно возросли, достигнув нескольких миллиардов рублей¹⁶.

В свою очередь ПКНО предоставил Госбанку СССР 2 млрд злотых, необходимые для уплаты за содержание Красной Армии на территории Польши, за предоставляемые ПКНО советскому командованию продовольствие, фураж, казармы и различные услуги¹⁷. Предусматривалось, что урегулирование взаимных расчетов по военно-экономическим обязательствам будет произведено после окончания войны.

Обмен нотами, явившийся составной частью указанного соглашения от 4 августа 1944 г., подтверждал суверенитет Польши в валютно-финансовых вопросах и устанавливал соотношение валюты народной Польши к рублю¹⁸. Советское правительство, предоставив Временному правительству средства в золоте и платине, гарантировало проведение в Польше в январе 1945 г. денежной реформы, ликвидировавшей последствия немецко-фашистской оккупации в денежном обращении. Наркомфин СССР по просьбе ПКНО, еще не имевшего технических возможностей, напечатал также необходимое количество денежных знаков на сумму 8,5 млрд злотых. К этому следует добавить, что еще в 1944 г. на первоначальные нужды ведомств экономики и финансов ПКНО, не располагавшего денежными знаками, СССР предоставил два займа в краковских злотых на сумму в 3,5 млн злотых и кредит в 10 млн рублей¹⁹, а также открыл счет в иностранной валюте во Внешторгбанке для производства финансовых операций вне пределов СССР и Польши.

1 октября Государственный Комитет обороны принял специальное постановление о поставках Польскому комитету национального освобождения. 20 октября 1944 г. в Люблине было заключено советско-польское экономическое соглашение, по которому СССР на основе краткосрочного беспроцентного кредита поставил освобожденным районам Польши уголь, нефтепродукты, продовольствие, сырье, автомашины на общую сумму 105 045 тыс. злотых. Польша обязалась погасить этот кредит товарами на сумму в 15 млн злотых в месяц, начав поставки спустя 30 дней после получения первых советских поставок. Однако экономическое положение страны не позволило Польше выполнить взятые на себя обязательства, и Советский Союз согласился отсрочить платежи в погашение кредита на период после окончания войны. Фактически польские поставки затянулись до конца 1947 г. и были выплачены углем. СССР свои обязательства выполнил в основном в ноябре-декабре 1944 г.

¹⁵ «Документы и материалы...», т. VIII, стр. 343.

¹⁶ «Stosunki Polski z innymi państwami socjalistycznymi Praca zbiorowa». Warszawa, 1973, s. 32—33.

¹⁷ Конкретные данные об этом см. К. К а с з м а р е к. *Wysifki ekonomiczne ludowego państwa polskiego w latach 1944—1945 na rzecz zwycięstwa nad Niemcami hitlerowskimi*. «Wojskowy przegląd historyczny», 1970, № 3, s. 34, 36—41.

¹⁸ «Документы и материалы...», т. VIII, стр. 176—178.

¹⁹ «Советский Союз — Народная Польша», стр. 147; «Gospodarka Polski Ludowej 1944—1945». Warszawa, 1974, s. 31, 138.

Победоносное завершение войны позволило экономические отношения между СССР и Польшей поставить на более планомерную основу. 7 июля 1945 г. был заключен советско-польский торговый договор на неограниченный срок. На его основе осуществляются их коммерческие отношения и поныне. Взаимные поставки согласовывались и закреплялись специальными протоколами. Трудности послевоенного восстановления народного хозяйства обеих стран обусловили краткосрочный характер взаимных поставок в 1945—1946 гг. и даже в 1947 г. Они определялись на каждый год (для 1945 г. даже только на второе — мирное — полугодие). Договор от 7 июля 1945 г. в соответствии со статьей седьмой Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве закреплял обязательства Советского Союза оказывать техническую помощь в восстановлении польской промышленности. В марте 1947 г. они были конкретизированы в специальном «Соглашении о научно-техническом сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Республикой»²⁰.

Протокол к торговому договору предусматривал, что обе стороны будут не только придерживаться принципов наибольшего благоприятствования, но и предоставлять друг другу особые льготы и преимущества, вытекающие из их географического положения как соседних стран и из интересов поддержания прочных и постоянно развивающихся экономических связей между обеими странами²¹. Был поставлен также вопрос о развитии других контактов и туризма. Предусматривалось заключение соглашений о железнодорожном сообщении, транзите, воздушных сообщениях, судоходстве по речным путям.

В соответствии с протоколом о поставках торговые обороты в 1945 г. предусматривались в 60 млн долл. с каждой стороны; по сравнению с 1938 г. объем торговли увеличился в 17 раз. В 1945 г. СССР поставил Польше 139 тыс. *t* железной руды, 35 тыс. *t* марганцевой, 14,6 тыс. *t* апатитного концентрата, 38,6 тыс. *t* нефти и нефтепродуктов, 16,6 тыс. *t* хлопка, а также зерно и продовольствие²².

Доля СССР составляла во внешней торговле народной Польши в 1944—1900%, в 1945 г. — более 90%. Огромную роль советской помощи подчеркнул в декабре 1945 г. I съезд ПНР.

Отметив более быстрые, чем в других освобожденных странах, темпы восстановления народного хозяйства Польши, съезд указал на два фактора, обусловивших это. Первый — внутренний — ликвидацию картелей и трестов, переход в государственное управление промышленности, аграрная реформа и освобождение крестьян от довоенных долгов, самоотверженность и патриотизм трудящихся масс, и второй — внешний — экономические связи с СССР, вследствие чего съезд признал «необходимым дальнейшее развитие этих отношений»²³.

В результате установления и неуклонного расширения экономических связей Польши с другими странами в последующие годы доля СССР в ее внешнеторговом обороте уменьшалась, абсолютные же цифры торгового оборота между СССР и Польшей продолжали постоянно возрастать, что видно из следующих данных. Доля СССР составляла в 1945 г. — 91,8%,

²⁰ «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», вып. XIII. М., 1956, стр. 335.

²¹ «Постановления Совета Народных Комиссаров СССР за август 1945 г.», стр. 246.

²² E. Basiński. Polska — ZSRR. Kronika faktów i wydarzeń 1944—1971. Warszawa, 1973, s. 56.

²³ «PPR. Rezolucje, odezwy, instrukcje i okólniki Komitetu [Centralnego VIII 1944 — XII 1945]. Warszawa, 1959, s. 210—211.

в 1946 г. — 25,5, в 1949 г. — 19,4, в 1967 г. — 35,2; в абсолютных цифрах это составляло 0,3; 2,3; 5,0; 20,7 млрд валютных злотых²⁴.

Советский Союз во все увеличивающемся объеме поставлял Польше промышленное оборудование, сырье, зерно и другие необходимые ей товары. Восстанавливались прерванные в межвоенный период исторически сложившиеся в XIX и начале XX в. экономические связи. Польская промышленность получала рынок сбыта для своих товаров, что впоследствии дало ей возможность организации производства крупными сериями, более выгодными и дешевыми.

С переходом в руки государства крупной и средней промышленности, с зарождением нового, социалистического способа производства польское народно-демократическое государство получило возможность руководить восстановлением и развитием народного хозяйства на плановых началах. При этом главное внимание уделялось основным звеньям: транспорту, угольной промышленности, энергетике и производству товаров народного потребления. Так, по плану трех кварталов 1946 г. в развитие транспорта и связи (железные дороги, почта, порты) вкладывалось 42% инвестиций, в угольную промышленность и энергетiku — 25%²⁵. Советская помощь, энтузиазм рабочего класса позволили уже к концу 1946 г. достичь значительных успехов: промышленное производство составило 80% довоенного, а добыча угля, свинцово-цинковых руд, производство электроэнергии, кокса, чугуна, стали, проката, цемента и сахара на душу населения превысило довоенный уровень²⁶.

Об успехах народного хозяйства свидетельствовал и рост национального дохода, который поднялся с 40% довоенного уровня до 67% в 1945 г.²⁷, и баланс Национального Польского банка, из которого явствовало, что с января 1946 г. не увеличивался долг государственного казначейства, что все административные расходы покрывались за счет текущих доходов казначейства, а инвестиции в промышленность — в основном за счет внутренних кредитов и собственных накоплений социалистической промышленности. В 1946 г. народная Польша вкладывала в восстановление 23% национального дохода, или 37,5 млрд злотых, в 1947 — 22,4%, или 106,3 млрд злотых (из них 85,3 млрд — свои, а 21 млрд за счет иностранных займов). В пересчете на единые цены это дало увеличение на 1/3 по сравнению с 1946 г. В 1948 г. на восстановление шло 20,4%, в 1949 г. — 19,4% национального дохода²⁸. В денежном выражении в ценах 1953 г. капиталовложения за 1946—1949 гг. составили 31,8 млрд злотых²⁹.

Постепенно включалась в общий хозяйственный организм страны промышленность западных земель. На ее развитие в 1946 г. было ассигновано 27% капиталовложений.

Быстрое экономическое освоение западных земель имело как политическое, так и экономическое значение. Эти районы по сравнению со «старыми» землями имели относительно более высокий промышленный потенциал, особенно в производстве средств производства. Освоение этого

²⁴ A. B o d n a г. *Problemy polityki gospodarczej Polski w 25-leciu*. Warszawa, 1964, s. 246 (цены 1969 г.).

²⁵ «Kwartalnik Historyczny», 1964, № 2, s. 380.

²⁶ И. Г. П и с а р е ц, А. К. К о з и к, В. В. М и ш и н а. Польша. Экономика и внешняя торговля. М., 1954, стр. 56.

²⁷ За 100% принят национальный доход 1938 г.; сравнение произведено в ценах 1956 г. («Z najnowszych dziejów Polski», Warszawa, 1961, s. 431).

²⁸ «Kwartalnik Historyczny», 1964, № 2, s. 381, 382. Ян Пташек дает иную цифру капиталовложений на 1947 г. — 16%. J. P t a s z e k. *Polska — ZSRR. Gospodarka, współpraca*. Warszawa, 1972, s. 16.

²⁹ Б. Б е р у т. Отчетный доклад ЦК ПОРП Второму съезду партии. М., 1954, стр. 61.

потенциала способствовало восстановлению и индустриализации всей страны.

Улучшилось положение в сельском хозяйстве. В 1946 г. выросло поголовье скота: лошадей с 45 до 51 %, рогатого скота с 33 до 38, свиней с 17 до 41 % (данные 1938 г. приняты за 100 %). Общая площадь посевов в 1945/1946 хозяйственном году составила 74 % к довоенной, а в 1946/1947 г. — 84, при этом площадь посевов на воссоединенных землях почти удвоилась³⁰. Однако значительная часть территории страны пострадала от засухи. В целом сельскохозяйственное производство в 1946 г. составило 40 % довоенного, что создало огромные трудности с обеспечением населения продовольствием.

Тяжелое положение с продовольствием еще более усугублялось из-за кулацкой агитации и саботажа сдачи хлеба государству. В результате к марту 1946 г. сельскохозяйственные поставки были выполнены в среднем по стране только на 50 % (причем бедняки и середняки выполнили поставки полностью)³¹. По произведенным расчетам Польше не хватало миллиона *t* зерна³². ЮНРРА³³, которая должна была оказать помощь, вместо обещанных 300 тыс. *t* зерна за первый квартал 1946 г. поставила лишь 30 тыс. *t*. Предлогом для проволочек послужило абсурдное заявление о якобы недоступности польских портов³⁴. 1 февраля 1946 г. руководитель ЮНРРА прислал в Варшаву письмо, в котором сообщал, что продовольственные поставки будут значительно сокращены. Документ этот был оценен правительством как «предвыборная политическая акция» в пользу оппозиционной партии Польске стронництво людове³⁵. При этом в западной печати делались прозрачные намеки, что помощь будет немедленно увеличена, если премьером станет лидер ПСЛ Миколайчик³⁶. Одновременно Польша получила отказ Англии на требование возвратить польский золотой запас (7,5 млн. ф. ст.)³⁷. Неожиданно, в мае 1946 г. правительство США отказалось предоставить Польше обещанный ранее заем в 90 млн долл., который предполагалось использовать на закупку транспорта и специально угле- и рудовозов, а также приобретение демота.

В связи с создавшимися экономическими трудностями, напряженностью платежного баланса³⁸, а также дискриминационными мерами и

³⁰ В. С. Парсаданова. Формирование Национального фронта в Польше 1944—1946 гг. М., 1972, стр. 199—201.

³¹ «Przegląd Socjalistyczny», 1945, № 2—3, s. 4.

³² «Urządztwo przemysłu...», t. II. Warszawa, 1969, s. 32.

³³ Польша представила этой международной организации помощи и восстановления ООН свою заявку на сумму 932 млн долл. По решению руководства ЮНРРА поставки были определены в 471 млн долл. Поскольку взносы (2% национального дохода не оккупированных врагом стран) на 3/4 покрывались США, то они стремились установить свой диктат в распределении поставок от имени ООН. В результате в 1946 г. Польша (24 млн чел.) получила более 70 тыс. *t* зерна, а Греция (7 млн чел.) — 500 тыс. *t*, но и там только те районы, которые не контролировались ЭАМ (народно-освободительным фронтом). ЮНРРА действовала до начала 1947 г.

³⁴ Для сравнения: в 1945 г. в польские порты вошло 887 судов, в 1946 г. — 4,5 тыс., на следующий год — 6 тыс., в 1948 г. — 10,6 тыс.

³⁵ W. G o m u ł k a. Artykuły i przemówienia, t. II. Warszawa, 1964, s. 68—69.

³⁶ «Głos Ludu», 19 IV 1946. На выборах в январе 1946 г. ПСЛ потерпела сокрушительное поражение, а Миколайчик вскоре тайно бежал из страны.

³⁷ A. J e z i e r s k i. Historia gospodarcza Polski Ludowej. 1944—1968. Warszawa, 1971, s. 78.

³⁸ В 1946 г. активизировалась торговля с другими странами, в частности с западными. Но Польша постоянно ощущала трудности в развитии своей внешней торговли, вызванные недостатком товаров для рынка, неполным еще восстановлением транспорта и портов, недостаточным количеством судов, а также отсутствием запасов валюты. Поэтому большинство соглашений носило компенсационный или расчетно-клинринговый характер, к тому же краткосрочный.

давлением Запада Польша обратилась за помощью к Советскому Союзу. 8 февраля 1946 г. в Москве было подписано советско-польское соглашение, в соответствии с которым Советский Союз поставил Польше 200 тыс. *т* зерна³⁹. В апреле в Польшу было отправлено дополнительно 300 тыс. *т* зерна, а всего в 1946/1947 гг., в засушливые и неурожайные годы для обеих стран, Польша получила от СССР в кредит 900 тыс. *т*. Голод в стране был предотвращен.

23 мая 1946 г. в Москву прибыла делегация Польской Республики во главе с президентом Б. Берутом. Во время ее четырехдневных переговоров с Советским правительством был решен ряд важнейших экономических и политических вопросов.

Прежде всего был урегулирован вопрос о взаимных финансовых обязательствах, возникших во время войны в связи с созданием, снабжением и вооружением польской армии на территории СССР в 1941—1942 и в 1943—1944 гг., снабжением Войска Польского до июня 1945 г., а также расходами польского правительства по поставкам Красной Армии в 1944—1945 гг. Коммюнике о встрече гласило: «Оба правительства пришли к соглашению об аннулировании всяких финансовых обязательств, возникших во время войны, в связи с вооружением и снабжением польской армии, включая обязательства б. правительства ген. Сикорского, равно как обязательства, возникшие в связи с поставками польского правительства для Красной Армии в указанный период».

До того как Польша создаст собственную промышленность, производящую предметы вооружения, Правительство СССР взяло на себя снабжение польской армии вооружением и боеприпасами на условиях долгосрочного кредита в счет будущих взаимных финансовых расчетов»⁴¹. Таким образом Польша освобождалась от выплаты миллиардных сумм, ибо Советское правительство считало, что этот долг Польша оплатила кровью своих сынов и дочерей, пролитой в совместной борьбе против германского фашизма и империализма.

Обсуждался также вопрос о продовольственном положении Польши и трудностях в ее финансовых расчетах по торговле с Западом. В связи с отказом Англи возратить польский золотой запас, помещенный в имперские банки в начале войны, правительство Польши обратилось к СССР с просьбой о предоставлении кредита в золоте. Советское правительство выразило готовность оказать Польше помощь в порядке кредита из собственных ресурсов золота. Во время переговоров величина займа не определялась, но был принят принцип «открытого кредита», т. е. предоставления необходимого количества золота по мере возникающих потребностей для удовлетворения наиболее насущных хозяйственных нужд Польши⁴¹. Этот заем, как и последующие займы в золоте [например, в 1947 г. — на сумму 27,8 млн долл. (147,8 млн руб.)⁴², 1949 г. — на сумму 20 млн долл. (106 млн руб.)]⁴³, стабилизировал платежный баланс Польши и позволил проводить торговые операции с капиталистическими странами. Причем, в связи с принятием правительствами США и Англи дис-

³⁹ «Документы и материалы...», т. IX, стр. 23—24.

⁴⁰ «Известия», 1946, 28 мая; «Советский Союз — Народная Польша», стр. 133. В ноябре 1946 г. СССР согласился отсрочить платежи по займу, предоставленному Польше в декабре 1944 г.

⁴¹ «Советский Союз — Народная Польша», стр. 133.

⁴² «Известия», 1947, 6 марта.

⁴³ E. Wasinski. Polska — ZSRR. Kronika..., s. 10. Позиция СССР как в поставках зерна, так и в области финансовых расчетов оказала влияние и на позицию правительства Великобритании и США. В мае 1946 г. Польша получила около 50 тыс. *т* зерна от ЮНРРА, в октябре США заявило о согласии предоставить ранее обещанный кредит в 90 млн долл.

криминационных мер против финансово-валютных операций Польши по просьбе польской стороны операции с золотом проводил СССР от своего имени. В связи с сохранившимися в Польше послевоенными продовольственными затруднениями Советское правительство оказало Польше дополнительную помощь продовольствием⁴⁴. Список товаров по взаимному товарообороту в соответствии с договором от 7 июля 1945 г. был согласован и подписан несколько раньше (12 апреля 1946 г.). Новым в подписанном протоколе было экономическое объединение — кооперирование производства ряда советских и польских отраслей промышленности: СССР передавал польским предприятиям сырье и вспомогательные материалы, а получал из Польши произведенные товары (как готовую продукцию — ткани, например, так и полуфабрикаты — прокат и т. д.). В дальнейшем по мере восстановления народного хозяйства Польши экономические связи между обеими странами все более принимают характер двусторонних отношений на взаимовыгодной основе (хотя еще долгое время польский баланс был пассивным).

Советские поставки оборудования, как правило, восполняли недостаток в оснащении польской промышленности и других областей экономики (оборудование и машины для шахт, материалы для радио- и телефонной связи, кинематографии, запасные части к автомашинам и самолетам и т. д.)⁴⁵ В целом торговый оборот между СССР и Польшей за 1946 г. составил 639 млн злотых (рост в 2,5 раза по сравнению с предыдущим годом). СССР по-прежнему занимал первое место среди торговых партнеров Польши (46% экспорта и 69,4% импорта или 59,5% всей внешней торговли), Польша была на втором месте среди торговых партнеров СССР (15,1% оборота). В 1946 г., как и в 1945 г., поставки из Советского Союза обеспечили польскую промышленность сырьем и необходимыми материалами, гарантировали работу фабрик и заводов, систематический подъем производства.

К внутренним трудностям Польши прибавились внешнеполитические — ухудшение отношений с западными державами. В начале 1947 г. после провозглашения «плана Маршалла», дополненного «доктриной Трумэна», были прекращены все поставки ЮНРРА, а сама организация распущена. Это было одним из средств давления на страны народной демократии, в том числе и на Польшу, с целью вынудить их принять «план Маршалла» и тем поставить экономику в зависимость от США. В этих условиях большое значение для улучшения экономического положения Польши имели финансово-экономические соглашения с Советским Союзом, заключенные в 1947 г.

Так, 5 марта 1947 г. в Москве было подписано советско-польское соглашение об урегулировании взаимных финансовых расчетов, в соответствии с которым была погашена задолженность правительства Польши на общую сумму свыше 280 млн руб. Кроме того, правительство СССР приняло на себя расходы на содержание польских детей в СССР в годы войны в сумме 121,7 млн, а также суммы, выданные Союзу польских патриотов в СССР в размере 8,6 млн руб.⁴⁶

Советский Союз предоставил Польше заем в золоте на сумму 27 875 тыс. долл.⁴⁷ Одновременно была достигнута договоренность об

⁴⁴ «Документы и материалы...», т. IX, стр. 157—158.

⁴⁵ По соглашению о воздушном сообщении между Москвой, Варшавой и Берлином (март 1946 г.) правительство СССР согласилось поставлять для польского гражданского воздушного флота самолеты, моторы, радиооборудование и другое техническое оборудование, а также содействовать обучению летного и технического персонала.

⁴⁶ См. «Советский Союз — Народная Польша», стр. 146—147, 148.

⁴⁷ Там же. Заем предназначался на покупку инвестиционного оборудования на Западе. («Rola Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej w świecie 1944—1974. Sesja naukowa

уменьшении наполовину поставок польского угля, причитавшихся СССР на основе соглашения от 16 августа 1945 г., решены некоторые вопросы репараций, трофеев, а также предоставления Польше вооружения и военного снаряжения в кредит. В августе 1947 г. был подписан контракт на поставку в Польшу из СССР дополнительно 300 тыс. *t* зерна в кредит ⁴⁸. Было подписано также торговое соглашение на сумму в 67 млн долларов с каждой стороны.

В 1947 г. польский народ приступил к осуществлению трехлетнего плана восстановления основных отраслей народного хозяйства. Одной из главных его задач было не только достижение довоенного уровня производства, но и значительное его превышение и на этой основе подъем жизненного уровня населения. Реализация трехлетнего плана была сопряжена с огромными трудностями, требовала большого напряжения сил всего народа. Рассчитывать на какую-либо помощь вне формировавшегося социалистического сотрудничества в условиях начавшегося осуществления «плана Маршалла» и «холодной войны» было невозможно. На поставки машин и промышленного оборудования в социалистические страны Запад наложил эмбарго. Следовательно, надо было опираться преимущественно на внутренние ресурсы страны и координацию с СССР и другими странами народной демократии. Складывающееся социалистическое сотрудничество, наличие союзного договора с СССР позволили Польше при составлении народно-хозяйственного плана не обременять экономику ассигнованиями на оборону страны.

Переход Польши к новому этапу — восстановления и развития народного хозяйства, а фактически к его коренной реконструкции привел и к изменению характера экономических связей с Советским Союзом. На смену краткосрочным годовым торговым соглашениям пришел новый тип отношений — долгосрочные соглашения. Этому способствовало и то, что Советский Союз также в основном восстановил военные разрушения и приступил к дальнейшему развитию своего экономического и оборонного потенциала.

В январе 1948 г. было заключено первое в истории Польши долгосрочное соглашение на 1948—1952 гг., первоначально рассчитанное на один млрд долларов, которое обеспечивало прочность сырьевой базы польской промышленности, как известно, на треть работающей на импортном сырье, а также поставки энергетических ресурсов (нефти) и продовольствия (зерна) ⁴⁹.

В сентябре 1949 г. СССР предоставил Польше трехлетний товарный кредит в 79,5 млн руб. на покупку такого сырья, как никель, каучук, асбест, медь и др. ⁵⁰.

В 1947—1949 гг. Советский Союз поставил Польше около 415 тыс. *t* нефтепродуктов, 2 млн. *t* железной руды, 250 тыс. *t* марганцевой руды, 596 тыс. *t* бокситов, 155 тыс. *t* хлопка, 65 тыс. *t* апатитов и другое сырье. В 1950 г. СССР удовлетворял 80% потребностей Польши в хлопке, 65% — в железной руде, 100% — в марганцевой, давал 70% импортируемых жиров. Польша оплачивала эти поставки углем (в 1950 г. он составлял 50%

dla uczczenia XXX-lecia PRL oraz wyzwolenia Wielkopolski 18—19 II 1975»), Poznań, 1975, s. 57. Для сравнения величины кредита для тогдашнего уровня международных отношений следует сказать, что он составлял более трети оборота Польши с несоциалистическими странами.

⁴⁸ «Документы и материалы...», стр. 215—216.

⁴⁹ Советский Союз продал Польше в январе 1948 г. в кредит 200 тыс. *t* зерна, что с предыдущими поставками сельскохозяйственного года составило 500 тыс. *t* («Известия», 1948, 27 января).

⁵⁰ «Документы и материалы...», стр. 422—424.

всего экспорта), цинком, содой, цементом, сахаром, тканями и др. товарами ⁵¹.

Для обеспечения программы социалистической индустриализации Польши Советский Союз поставил Польше в кредит в 1948—1952 гг. комплектное промышленное оборудование на сумму 450 млн долл. из 3% годовых вместо практиковавшихся на капиталистическом рынке 8—10%. В 1949 г. это соглашение было дополнено новым о кредите на 100 млн долл. (на тот же срок в пять лет из 2%), т. е. всего СССР поставил Польше в 1948—1952 гг. оборудования на 550 млн долл., или 2 200 млн. руб. ⁵² Это было оборудование для черной и цветной металлургии, энергетики, химии, металлообрабатывающей, текстильной промышленности. Советскими машинами оснащались 200 реконструируемых предприятий и 30 вновь строящихся. Всему миру стали известны: металлургический комбинат «Новая Гута им. В. И. Ленина» и гута «Варшава», электростанция в Скавине и т. д.

Характерной особенностью советской помощи являлось то, что она в первую очередь была направлена на развитие производительных сил Польши, способствовала не только росту производства, но и качественным и структурным изменениям в экономическом потенциале Польши, социалистической индустриализации страны, развитию социалистических производственных отношений. Об этом свидетельствовали уже итоги трехлетнего плана, который народная Польша выполнила досрочно ⁵³. В результате его выполнения не только в основном завершилось восстановление разрушенного войной хозяйства, но изменилось соотношение промышленной и сельскохозяйственной продукции в пользу промышленной ⁵⁴.

Народная Польша превращалась в индустриально-аграрную страну, изменилось соотношение между производством средств производства и средств потребления, появились новые, ранее неизвестные в Польше отрасли, такие как автомобилестроение, судостроение и т. д. Национальный доход составил в 1949 г. 175% на душу населения по сравнению с 1938 г. (при этом его составная часть, присваивавшаяся частным сектором, сократилась с 10% в 1947 г. до 6% в 1949 г.), улучшилось материальное благосостояние народа. Индекс роста средней заработной платы работников физического труда составил 207 по сравнению с 1946 г. и 107 по сравнению с 1938 г. Индивидуальное потребление выросло по сравнению с последним довоенным годом ⁵⁵.

⁵¹ «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich», t. X, s. 157.

⁵² См. «Известия», 1948, 27 января. В ноябре 1956 г. СССР и Польша, регулируя свои финансовые расчеты за предшествующие годы, согласились считать погашенной задолженность Польши по состоянию на 1 ноября 1956 г. по использованным кредитам, предоставленным Советским Союзом Польше. Замороженная в 1956 г. сумма кредитов составляла 500 млн долл. или половину полученных Польшей от СССР инвестиционных кредитов (А. К. Козик. Развитие промышленности Польши. М., 1959, стр. 358).

⁵³ «Сообщение Государственной комиссии народнохозяйственного планирования об итогах выполнения трехлетнего плана экономического восстановления 1947—1949 гг.». См. «Успехи планового хозяйства Народной Польши». М., 1952.

⁵⁴ За годы трехлетки тяжелая промышленность выросла больше, чем легкая (251 и 217%). Количество рабочих увеличилось в 2,3 раза. В 1938 г. в общей стоимости промышленной продукции на средства производства приходилось 48%, на средства потребления 52, в 1949 г. соответственно 54 и 46%. Доля промышленной продукции в общей стоимости продукции промышленности и сельского хозяйства в неизменных ценах возросла с 45,5 в 1937 г. до 65,5% в 1949 г. Стоимость сельскохозяйственной продукции приблизилась к довоенному уровню, а в перерасчете на душу населения превысила его на 19%, фактически же выросла в три раза: с 30,6% довоенной в 1945 г. до 91,5% (И. Г. Писарец и др. Там же, стр. 60—61, 86).

⁵⁵ «Nowe Drogi», 1974, № 6, s. 94—95.

Восстановление и развитие промышленности вызвало большие социальные и классовые изменения в стране, расширило социальную базу народной власти. В эти годы социалистические производственные отношения стали господствующими.

Изменения, происшедшие в характере экономических и политических отношений между СССР и народной Польшей, а также между Польшей, СССР и другими странами народной демократии за неполные пять лет позволили перейти от двусторонних экономических связей к многосторонним, к созданию в январе 1949 г. Совета Экономической Взаимопомощи, международной организации, основанной на классовой солидарности стран мировой социалистической системы.

И. В. МИХУТИНА

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРАВЫХ ОППОЗИЦИОННЫХ ГРУППИРОВОК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1930-е ГОДЫ

Коммунисты определили фашизм как открытую террористическую диктатуру наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала. Это определение сложилось в период наступления фашизма, когда, оказавшись под ударами мирового экономического кризиса на рубеже 20-х и 30-х годов, монополистическая буржуазия многих стран увидела в фашистской форме правления единственное средство сохранения капиталистического строя: фашисты стали править в такой развитой капиталистической стране, как Германия, господствовали в Италии, пытались выступить в борьбе за власть во Франции, а в ряде стран среднего уровня развития капитализма, в частности, во многих государствах Центральной и Юго-Восточной Европы установленные там ранее диктаторские режимы фашизировались, укрепляя свою экономическую базу на основе ускоренного развития государственно-монополистического капитализма и расширяя позиции в государственно-политической области. Там чрезвычайно активизировались и не допущенные к власти фашистские и полуфашистские группировки.

В таких условиях Коммунистический Интернационал выдвинул на первый план при характеристике фашизма его классовую сущность, его империалистическую основу — в социально-экономической области, а в политической — отражение интересов наиболее реакционных кругов финансового капитала¹.

Существенно также, что Коммунистический Интернационал не идентифицировал фашизм с верхушкой монополистического капитала. В резолюциях VII конгресса было отмечено, что фашизм выполняет роль «прислужника крупной буржуазии»².

Эти выводы явились результатом анализа фашизма, с одной стороны, как формы буржуазной государственной власти, а с другой — как идейно-политического явления, его основных черт, особенностей и условий возникновения. Еще на ранних стадиях развития фашизма Коммунистический Интернационал в своих документах подчеркивал связь его с крупным монополистическим капиталом, применение в интересах последнего

¹ Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня. Поворот в политике Коминтерна. М., 1975, стр. 164.

² «Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала». М., 1935, стр. 11.

новых в сравнении с буржуазно-парламентарными методов управления, включающих перестройку структуры власти и террор, направленные прежде всего на подавление революционного рабочего движения и ликвидацию всех демократических завоеваний трудящихся, и в то же время отмечал мелкобуржуазный характер массовой базы фашизма, использование которой в интересах сохранения эксплуататорского строя достигалось с помощью широкой политической, социальной и националистической демагогии³.

С момента установления фашистской диктатуры в Германии Коммунистический Интернационал предупреждал об исходившей отсюда военной угрозе. Германский фашизм действительно оказался главным виновником второй мировой войны, его жертвами стали и государства Центральной и Юго-Восточной Европы. Однако империалистические черты внешней политики в самых разнообразных проявлениях и в степени, зависящей от международно-политических позиций каждой из стран, были присущи всем диктаторским реакционно-террористическим режимам, утвердившимся в этой части Европы. Идейной основой экспансионизма в области внешней политики были крайние формы национализма, ставшего обязательной принадлежностью фашистской идеологии во всех ее разновидностях, а политическим назначением — стремление предложить массам такой выход, который, не затрагивая основ буржуазного строя, создавал бы видимость преодоления внутренних кризисных явлений капитализма.

Полное подтверждение в практике нашел вывод коммунистического движения о том, что фашизм не является обязательной стадией развития капитализма в период его общего кризиса, а возникает и приходит к власти лишь при определенных условиях. Такими условиями, отмечалось в Программе Коммунистического Интернационала, принятой VI конгрессом, были «неустойчивость капиталистических отношений, наличие значительных деклассированных социальных элементов, обнищание широких слоев городской мелкой буржуазии и интеллигенции, недовольство деревенской мелкой буржуазии, наконец, постоянная угроза массовых выступлений пролетариата»⁴.

Основные свойства фашизма, очерченные марксистской мыслью, наиболее полно проявились в Италии и особенно в Германии, хотя и здесь, прежде чем обрести законченность, он прошел известное развитие⁵, а конкретные его формы в каждой из этих двух стран не повторяли друг друга.

В других странах, ставших ареной наступления фашизма, наблюдался ряд особенностей, объяснить которые невозможно путем лишь механического сопоставления с общей схемой. Например, в большинстве государств Центральной и Юго-Восточной Европы в течение межвоенного двадцатилетия утвердились у власти диктаторские, реакционно-террористические режимы, которые постепенно, но особенно интенсивно в результате мирового экономического кризиса конца 20-х — начала 30-х годов, приобретали ряд свойств, присущих фашизму, достаточно полно проявившихся в сфере перестройки структуры власти и применения характерных для фашизма форм управления в ущерб первоначально сохранившимся

³ «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932». М., 1933, стр. 448; П. Тольятти. Лекции о фашизме. М., 1974, стр. 11.

⁴ Цит. по: Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня. Там же, стр. 155.

⁵ А. А. Галкин. Германский фашизм. М., 1967, стр. 40—48; Б. Р. Лопухов. Фашизм и рабочее движение в Италии. М., 1968, стр. 171—172, 240—242, 249—250; Г. Филатов. Вопросы истории фашизма и современность. «Коммунист», 1976, № 13, стр. 102.

элементам парламентаризма и политических свобод. Характерное для фашистов стремление опереться на массовую базу, чтобы не только присвоить себе ее политическое представительство, но и использовать массы как фактор физического воздействия в политической борьбе, было свойственно также крайне правым группировкам в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Германский и итальянский фашизм, далеко зашедшие в осуществлении своих целей как в области овладения государственной властью, так и в перестройке экономической структуры и социально-политических отношений, силой примера оказывали влияние на процесс фашизации в других странах с буржуазным строем. Интенсификация этого процесса в связи с победой национал-социализма в Германии особенно наглядна. Вместе с тем представляется, что возникновение и углубление фашистских тенденций в странах рассматриваемого района было обусловлено внутренними причинами и особенностями развития этих стран в межвоенный период. Наиболее очевидным признаком этого является факт весьма раннего перехода в ряде стран к авторитарным, террористическим методам правления, сопровождавшегося сразу или постепенно соответствующей перестройкой форм государственной власти.

В целом же вопрос об особенностях внутреннего экономического и социально-политического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы, которые рождали фашистские тенденции или благоприятствовали заимствованию фашистских политических форм извне, по-видимому, нуждается в специальном изучении. В настоящей статье будут рассмотрены лишь некоторые аспекты фашизации в странах этого района на примере Болгарии, Венгрии, Польши и Румынии.

В отличие от фашистских диктатур в Германии и Италии, которые были установлены движениями, объединившими все фашистские силы и имевшими за собой практически все главные группировки традиционных правящих кругов, в рассматриваемых странах силам буржуазной, буржуазно-помещичьей реакции и фашизма до самого конца не удалось достигнуть такой степени консолидации. В этой связи обращают на себя внимание две особенности, характерные для монархо-фашизма в Болгарии, хортизма в Венгрии, «санации» в Польше и королевской диктатуры в Румынии, составлявшие заметное отклонение от представления о фашистской диктатуре, сложившегося на примере Италии и Германии. Это, во-первых, относительная ограниченность массовой базы осуществлявших диктатуру группировок, а во-вторых, существование в оппозиции партий и организаций фашистского типа, или политических группировок, эволюционировавших к фашизму. Наиболее значительными из них в 30-е годы были партия «Национально-социальное движение» в Болгарии, «Скращенные стрелы» и ряд других национал-социалистических группировок в Венгрии, «Железная гвардия» в Румынии, в Польше — так называемый национальный лагерь (эндэция), представленный как политической партией в традиционном понимании (Народно-национальный союз, реорганизованный и переименованный в 1928 г. в Стронництво народове), так и построенными по иерархическому принципу со значительными элементами конспирации и военной дисциплиной массовыми организациями, нацеленными на подготовку и ведение политической борьбы внепарламентскими методами и средствами. Представляется, что выявление взаимосвязей этих особенностей и конкретно происхождения правой оппозиции, ее отношений с находившимися у власти реакционными группировками позволит ближе подойти к пониманию характера социально-политического развития названных стран в межвоенный период и будет способствовать определению масштаба фашистских явлений в них.

Организационное оформление правых оппозиционных сил в сравнительно крупные и ярко выраженные формации фашистского типа совершилось в 30-е годы. Однако большинство из них имело более раннее происхождение, и в прошлом, как правило, в той или иной форме было связано со становлением реакционно-террористических режимов.

В Болгарии лидером фашистской, находившейся в оппозиции к режиму группировки был А. Цанков, имевший опыт переворота 9 июня 1923 г., в результате которого он возглавил правительство военно-фашистской диктатуры. Однако тогда ему не удалось надолго удержаться у государственного руля. Разногласия с военными лидерами режима, которые располагали армией как оперативной силой в политической борьбе, при отсутствии у фашиствующих сторонников Цанкова организаций, способных в критический момент действовать силой, привели к отставке А. Цанкова в начале 1926 г.⁶ С тех пор свои помыслы овладеть государственной властью он связывал с созданием массовой организации подобной фашистским партиям в Италии и Германии. Заявку на такой именно характер политической организации выражало название образованной им в 1932 г. партии — Национально-социальное движение.

Контрреволюции, задушившей Венгерскую Советскую республику, были обязаны своим происхождением как хортизм, так и фрондировавшие с ним группировки правых экстремистов, из которых наиболее крупной была созданная отставным майором венгерского генерального штаба Ф. Салаши организация, названная в 1938 г. партией илашистов («Скрепленные стрелы»). Костяк экстремистских группировок составляли бывшие члены отрядов особого назначения — главной ударной силы контрреволюции и белого террора. Как правило, это были выходцы из средне- и мелкопоместной дворянской среды, переживавшей в ходе капиталистического развития перерождение в специфический слой мелкой буржуазии. К ним присоединились озлобленные и пропитанные духом агрессивного национализма бывшие служащие администрации отошедших от Венгрии после первой мировой войны территорий. Крайний авантюризм этих кругов и неприкрытые настроения реванша грозили в период становления хортизма международной изоляцией Венгрии, а также экономической и внутривнутриполитической дезорганизацией. Поэтому они были оттеснены на задний план более умеренной группировкой, сочетавшей террористическую диктатуру с традиционными формами буржуазной власти⁷. Не допущенные к власти экстремистские группировки активизировались в 30-е годы. Многие из них стали именовать себя национал-социалистскими, не скрывая идейного родства и политических связей с германским фашизмом.

В Польше та расстановка политических сил, при которой «национальному лагерю» принадлежала роль оппозиции диктаторскому режиму «санации», возглавляемому Ю. Пилсудским, сложилась в результате напряженной борьбы между этими двумя группировками буржуазии и помещиков. Предметом соперничества была монополия на власть, осуществление которой обеими сторонами связывалось с (в той или иной степени фашистски окрашенными) идеями перестройки государственной системы

⁶ Р. П. Г р и ш и н а. Опыт исторического сопоставления режимов фашистского типа ранней стадии развития фашизма. «Etudes Balkaniques», № 1, Sofia, 1975, p. 14, 17.;

⁷ А. И. П у ш к а ш. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, стр. 63—65. G. R á n k i. Problémy fašizmu v Maďarsku. «Prispevki k dejinám fašizmu v Československu a v Maďarsku». Bratislava, 1969, s. 92; L. T i l k o v s k i. Polityka narodowościowa na Węgrzech w okresie kontrrewolucji (1919—1945). «Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej», t. XI, 1975, s. 75.

на антидемократических, антипарламентарных, неконституционных началах.

У эндеков в 20-е годы наряду с официальной линией установления «сильной власти» путем резкого ограничения демократических институтов парламентарной системы появилась тенденция внепарламентских действий по методу итальянского фашизма, началось идейное перерождение в профашистском духе, получили развитие присущие фашизму организационные принципы, в пропаганде большое место занимала популяризация итальянского фашизма⁸. Хотя до переворота, совершенного группировкой Ю. Пилсудского в 1926 г., эндеция была руководящей силой в созданных парламентским путем правительствах, некоторые ее лидеры и тогда не гнушались связями с нелегальными заговорщическими организациями, открыто именовавшими себя фашистскими⁹.

Сторонники Ю. Пилсудского до переворота энергично выступали против системы политических партий и требовали неконституционного, в обход парламента, расширения полномочий и функций высшего командования армии¹⁰, которая при относительной узости социальной опоры этой группировки служила бы оперативной силой ее антидемократических, террористических мероприятий. В культе Ю. Пилсудского весьма отчетливо был представлен иерархический принцип общественно-политической структуры «массы — вождь», характерный для фашизма. Своим демонстративным отказом от президентского поста, предусмотренного конституцией, а также известными высказываниями на тему диктатур еще до захвата власти Ю. Пилсудский не раз давал понять, что претендует на роль диктатора, пользующегося фанатичным почитанием масс, что также было характерно для фашизма¹¹.

Представляется, что одним из решающих факторов перевеса пилсудчиков над эндецией во время переворота было широкое применение ими столь типичного для фашизма приема политической демагогии, выраженной в лозунге «санации», с помощью которого удалось в критический момент обеспечить поддержку масс, поверивших, пусть на короткое время, в его демократическое содержание.

Таким образом, в первых двух случаях выделение правой оппозиции произошло из первоначально единого лагеря контрреволюции и реакции, временно сплоченного непосредственной угрозой ликвидации капиталистического строя. В Польше переворот 1926 г. стал стимулом перехода в новое качество антидемократических тенденций, накопившихся у обеих соперничавших группировок вследствие острых противоречий экономического и социально-политического развития страны.

В Румынии при ярко выраженной внешней оппозиционности и социальной обособленности группировок фашистского типа от правящих буржуазно-аристократических кругов первые с самого начала выполняли определенные террористические функции в интересах реакционных правительств¹². Представляется, что такое своеобразное взаимодействие между находившимися у власти кругами, которые до начала 1938 г. уп-

⁸ Г. Ф. М а т в е е в. Идейно-политическое и организационное развитие польского буржуазного лагеря национальной демократии в 1921 — первой половине 1927 г. Автореферат канд. диссертации. М., 1976; R. W a p i ń s k i. Niektóre problemy ewolucji ideowo-politycznej endecji w latach 1919—1939. «Kwartalnik Historyczny», 1966, № 4, s. 862—863; A. A j n e n k i e l. Spór o model parlamentaryzmu polskiego do roku 1926. Warszawa, 1972, s. 274—280.

⁹ A. A j n e n k i e l. Ibid., s. 283.

¹⁰ Ibid., s. 291.

¹¹ «Dyktatury w Europie Środkowo-Wschodniej 1918—1939». Ossolineum, 1973, s. 205.

¹² L. P a t r a ș c a n u. Sub trei dictaturi. București, 1970, p. 60—61.

равляли в хотя и ограниченных, но конституционно-парламентских рамках, и откровенно фашистскими силами было признаком развития элементов фашизации в государственно-политической системе Румынии еще до установления режима королевской диктатуры.

В целом же на протяжении 20-х годов в рассматриваемых странах фашизм не достиг сколько-нибудь законченных форм ни в сфере методов управления и политической организации общества, ни в области функционирования этой организации, в которой правые оппозиционные силы либо были раздроблены, либо еще в многом выступали как традиционные крайне реакционные политические партии и группы.

Резким толчком к активизации фашизма во всех его проявлениях послужил мировой экономический кризис конца 20-х — начала 30-х годов. Экономический протекционизм государства в интересах монополий, ставший для буржуазии главным средством преодоления хозяйственного разлада, а также необходимость чрезвычайных мер с целью опередить революционный взрыв требовали высокой степени концентрации власти и ужесточения ее форм. Этим целям империалистической буржуазии в ряде случаев соответствовали формы и методы, предлагаемые фашизмом. В странах Центральной и Юго-Восточной Европы государственно-монополистический капитализм ускоренно формировался в условиях раннего отказа от буржуазной демократии и перехода к государственному регулированию в том числе и в экономической области, и характеризовался слиянием или тесным переплетением с аппаратом власти. Типичным было превращение политических деятелей правящего лагеря во владельцев или акционеров промышленных предприятий, земельных владений и банков. В некоторых случаях крупные промышленные и финансовые магнаты брали на себя и политические функции в государстве¹³.

Срачивание монополий с государственным аппаратом, развивавшееся здесь ускоренно под покровительством режимов, которым были не чужды некоторые черты фашизма, в свою очередь расширяло материальную основу для дальнейшей концентрации власти в интересах империалистической реакции. Процесс распространения и углубления новых антидемократических форм господства в начале 30-х годов в рассматриваемом районе наблюдался повсеместно. В Болгарии он выразился в резкой форме — в военном перевороте с введением фашистской государственно-политической системы¹⁴. В Польше проявился в принятии накануне смерти Ю. Пилсудского новой конституции, лишившей представительные органы функции управления государством и поставившей главу государства выше парламента, который в свою очередь превратился в представительство только правящего лагеря¹⁵. Сопутствовавший конституции 1935 г. новый избирательный закон практически лишил даже легальную оппозицию возможности быть представленной в парламенте. В Венгрии признаком углубления фашизации стало привлечение к исполнительной власти одной из крайне правых группировок во главе с Д. Гембешем, правительство которого наметило программу превращения Венгрии в тоталитарное государство, включавшую ликвидацию классовых организаций пролетариата, отмену права на забастовки, введение «рабочих

¹³ В. Д. Вознесенский. Царь Борис, Гитлер и легионеры. «Новая и новейшая история», 1971, № 1, стр. 81—82; М. Е р е щ е н к о. К вопросу о специфике монархо-фашистских режимов в Болгарии и Румынии накануне второй мировой войны. «Советское славяноведение», 1974, № 6, стр. 77—78, 81; J. Z a g r o w s k i. Społeczeństwo Polski międzywojennej. Warszawa, 1969, s. 141—143.

¹⁴ I. D i m i t r o w. Ewolucja dyktatury faszystowskiej w Bułgarii (1934—1939). «Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej», t. X, 1974, s. 76.

¹⁵ H. i T. J e d r u s z c z a k. Ostatnie lata II Rzeczypospolitej 1935—1939. Warszawa, 1970, s. 23.

палат», подобных фашистским корпорациям¹⁶. В Румынии установлению открытой диктатуры короля предшествовали существенные отклонения от и так ограниченной конституционной системы (королевские декреты об осадном положении в период обострения классовой борьбы пролетариата, закон «о защите государства») ¹⁷.

Нарастанию новой фашистской волны в начале 30-х годов способствовали вызванные экономическим кризисом социальные сдвиги, заметно расширившие сферу проникновения фашистского влияния. Стремительное разорение мелких и средних собственников, массовая безработица среди промышленного пролетариата, служащих и интеллигенции, аграрное перенаселение деклассировали широкие общественные слои, некоторая часть которых вследствие политической неразвитости обращалась к фашизму, привлекавшему антикапиталистической демагогией и новизной методов, суливших выбитым из привычной колеи людям немедленные результаты.

При этом правящие группировки в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, которым самим были не чужды фашистские идеи и приемы, не могли рассчитывать на расширение массовой базы за счет добровольного притока в ряды своих сторонников представителей обездоленных экономическим кризисом слоев. К 30-м годам, уже находясь у государственного руля, они не сумели приобрести или растеряли те внешние черты, которые делали, например, германский фашизм в пору его борьбы за власть привлекательным для таких категорий населения. Социально-классовый облик диктаторских режимов, установленных в ряде стран рассматриваемого района, проявился значительно раньше, в течение 20-х годов, в период их утверждения у власти. Они без особой маскировки выступили как политическое представительство верхушки эксплуататорских классов. В Венгрии доминирующее положение в системе хортизма принадлежало группировке, представлявшей интересы финансового капитала и земельной аристократии¹⁸. Псевдодемократический туман, окутавший польскую «санацию» в момент захвата власти, вскоре сменился отчетливо обрисованным сговором пилсудчиков с представителями крупного капитала и консервативно-помещичьими кругами¹⁹. В Болгарии сам факт, что переворот, приведший к установлению режима фашистского типа, был направлен против демократического правительства мелкобуржуазной крестьянской партии Земледельческий союз, свидетельствовал о глубокой политической дифференциации в рядах болгарской буржуазии. Выявлена также прямая связь между фашистскими силами, совершившими переворот в 1923 г., и возникшей в Болгарии в годы первой мировой войны крупной государственно-монополистической организацией — Дирекцией по снабжению и общественному планированию²⁰.

Проведение, например, хортизмом или «санацией» в период кризиса начала 30-х годов экономической и социальной политики в интересах крупных собственников также не способствовало популярности этих режимов в пострадавших от кризиса «низах» буржуазного общества.

В таких условиях роль организатора деклассированных кризисом слоев и их соответствующей идеологической и политической обработки

¹⁶ «История венгерского революционного рабочего движения», т. 2. М., 1973, стр. 159, 183.

¹⁷ «История Румынии», т. 3. М., 1971, стр. 189.

¹⁸ А. И. П у ш к а ш. Там же, стр. 58—59; G. R á n k i. Ibid., s. 92—93.

¹⁹ J. Z a r n o w s k i. Struktura i podłoże społeczne obozu rządzącego w Polsce w latach 1926—1939. «Najnowsze dzieje Polski 1914—1939», t. X, 1966, s. 69.

²⁰ С. Р а д у л о в. Народният сговор и генезисът на българския фашизъм (1921—1923). «Известия на Института по история на БКП», т. 33. София, 1975, стр. 374—377.

взяли на себя правые оппозиционные силы. Заметное место в политической жизни своих стран в 30-е годы заняли те их группировки, которые смогли учесть происходившие в обществе социально-психологические процессы и с помощью новых типично фашистских приемов, к тому времени уже эффективно применявшихся в Германии, стремились укрепить свою общественную платформу.

В Венгрии активизации оппозиционных группировок фашистского профиля способствовало то обстоятельство, что агрессивный национализм и требования территориальной ревизии, всегда бывшие наиболее звучной нотой программной партитуры экстремистов, в международной обстановке 30-х годов стали выглядеть легко удовлетворимыми и, следовательно, привлекательными для все новых слоев буржуазного общества. Самой значительной среди оппозиционных ультраправых группировок оказалась организация нилашистов. Их мировоззрение, так называемый хунгаризм, включало идею «национал-социалистского крестьянского государства» с ярко выраженной фашистской социальной структурой. Программа предусматривала установление гегемонии в Дунайском бассейне, а в отдаленной перспективе — завоевание мирового господства в конкурентной борьбе с германским фашизмом (последнее по тактическим соображениям широко не рекламировалось)²¹.

Вначале последователи Ф. Салаши, как и большинство родственных им группировок, опирались на привычные для себя кадры дворянско-офицерского происхождения, реакционное чиновничество и интеллигенцию. Но опыт нацизма, для ознакомления с которым главы нилашистов посещали гитлеровскую Германию, подсказал им необходимость проникновения в среду рабочих, городской и деревенской бедноты. Специфическая критика капитализма, организация ряда забастовок в промышленности и сельском хозяйстве создали нилашистам определенное влияние в полупролетарских, люмпенизированных слоях города, среди неорганизованных рабочих новых отраслей промышленности и государственных предприятий, где пролетариат был лишен возможности иметь свои организации, среди поденщиков и сельскохозяйственного пролетариата²². Все это превратило партию нилашистов, претендовавшую на единовластие в фашистском государстве, в опасного соперника хортистского правительства.

Среди неоднородных в политическом и организационном отношении фашистских сил в Румынии самой крупной и динамичной была «Железная гвардия», ярко выраженная партия фашистского типа, оформившаяся в 30-е годы из экстремистской организации «Легион архангела Михаила». Со времени своего зарождения это движение внешне выглядело как представительство средних слоев и низов буржуазного общества. Своим быстрым развитием в 30-е годы оно было обязано тому, что в момент обострения кризиса социально-политической системы капитализма обладало, кроме лозунгов воинствующего шовинизма, нетипичной для традиционных буржуазных партий программой, содержащей критику либерального капитализма, парламентаризма и буржуазной демократии, широко использовало радикальную фразеологию в сочетании с живучими в отсталых слоях трудящихся, особенно среди крестьян, реакционными идеями монархизма и религиозной мистики. Наряду с мобилизацией реакционного студенчества, чиновничье-интеллигентских слоев, разорявшихся ремесленников и торговцев, уголовников и других деклассирован-

²¹ А. И. П у ш к а ш. Возникновение и крах фашизма в Венгрии. «Новая и новейшая история», 1970, № 3, стр. 57—59.

²² «История Венгрии», т. 3. М., 1972, стр. 311; G. R á n k i. Ibid., s. 95—98; M. L a c k o. Fašisticke smery v Maďarsku 1933—1934. «Prispevki...», s. 110—114.

ных элементов, фашистские главарь «Железной гвардии» много делали для привлечения на свою сторону политически отсталых рабочих и крестьян, которых рассчитывали превратить в общественную опору движения²³.

Поражение, понесенное от пилсудчиков, ускорило процесс перестройки «национального лагеря» в Польше. В его идеологии, программных целях, политической практике и организационной структуре все отчетливее стали проявляться признаки фашизации. В концепции «национальной революции», ведущей к «надклассовому» государству, в котором право и власть осуществлялись бы национальной олигархией, обнаруживалось стремление к тоталитарным государственным и политическим формам, воплощение которых лидер и идеолог энденции Р. Дмовский находил в нацистском государстве. Он приветствовал установление в Германии фашистской диктатуры как начало переворота в Европе, который ускорит «национальную революцию» в Польше²⁴.

Основным методом политической борьбы стало признаваться грубое насилие: переворот с целью захвата власти, террор против политических противников. Этому соответствовали характерные для фашизма структура и организационные принципы вновь создаваемых формаций «национального лагеря»: иерархическое руководство и строгая дисциплина, расширение сети военизированных отрядов и конспирация.

К тому времени существенно изменился социальный облик этой группировки. Ведущие круги крупной буржуазии и помещиков перешли на сторону «санации», в которой увидели власть, выражающую их интересы. Зато «национальный лагерь» пополнил свои ряды за счет многочисленных категорий мелкой и средней буржуазии, положение которой сильно пошатнулось²⁵. Благодаря политической активизации главным образом этих групп населения, он, несмотря на острую внутреннюю борьбу, продолжал быть крупной политической силой²⁶. Но среди рабочих и крестьян влияние энденции оставалось ограниченным. Не удалось проникнуть в пролетарскую среду и выделившейся из этой группировки типично фашистской партии Национально-радикальный лагерь, которая, претендуя на новизну политических лозунгов, не скупилась на демагогию с оттенком критики капитализма и бесцеремонно жонглировала радикальной и псевдореволюционной терминологией.

Подобным образом и в Болгарии группировка А. Цанкова, стремившаяся в 30-е годы представить себя совершенно новой политической организацией с якобы близкими трудящимся целями и возглавить массовое движение по образцу национал-социалистского в Германии, не смогла привлечь на свою сторону сколько-нибудь значительные слои рабочих и крестьян. Приверженцами партии Национально-социальное движение стали только специфические слои мелкой буржуазии — чиновничество, агенты полиции, бывшие кадровые военные, а также люмпены и другие деклассированные элементы²⁷.

Неспособность фашистских группировок в Болгарии и Польше создать сколько-нибудь крупные оперативные силы, какими в других странах были массовые фашистские движения, по-видимому, в большой мере

²³ Н. И. Лебедев. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1968, стр. 54—60; L. Patrascanu. Ibid., p. 51—57.

²⁴ R. D m o w s k i. Pisma, t. VIII. Czestochowa, 1938, s. 444.

²⁵ J. Terej. Idee, mity, realia. Warszawa, 1971, s. 134—135.

²⁶ J. H o l z e r. Mozaika polityczna Drugiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1974, s. 387—388.

²⁷ «История на България», т. III. София, 1964, стр. 271—272; В. Мигев. Утвърждаване на монархо-фашистката диктатура в България през 1935—1936 и «цанковото движение». «Исторически преглед», 1967, № 6, стр. 64.

была связана с антифашистской позицией крестьянских партий в этих странах, пользовавшихся большим политическим и организационным влиянием в болгарской и польской деревне.

Независимо от специфики подвергавшихся фашистскому влиянию социальных слоев и от форм и степени их мобилизации фашистскими и профашистскими силами, этот процесс в рассматриваемый период занял значительное место в политической жизни стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Группировкам правой, фашистской и профашистской оппозиции в нем принадлежала такая роль, которую не могли не признать ее находящиеся у власти соперники. Тех и других сближали антикоммунизм, ненависть к демократии, стремление разрушить классовые организации пролетариата. В том, что фашиствующие оппозиционные группировки направляли недовольство «низов» буржуазного общества в русло правого экстремизма, правящие круги видели одно из средств борьбы против революционного и демократического движения, существенно дополнявшее их собственные меры. Взаимодействие правительств и правой оппозиции на этом поприще проявлялось в разнообразных формах.

В Румынии королевская клика не только сквозь пальцы смотрела на кровавые злодеяния легионеров из «Железной гвардии», но и прибегала к их услугам для расправы с неудобными политиками²⁸. Подобную роль неофициального инструмента полицейского аппарата выполняли в Болгарии цанковцы и другие полулегальные организации фашистского типа, которые не раз вместе с полицией участвовали в разгоне антифашистских выступлений трудящихся, в слежке за рабочими и демократическими организациями²⁹.

В Польше и Венгрии власти попустительствовали террористическим актам против коммунистов, не препятствовали налетам на помещения легальных организаций рабочего класса и расистским погромам, чинимым нилашистами и боевиками из Национально-радикального лагеря³⁰.

В известном смысле полезной для правившей в Болгарии группировки была оппозиционная тактика цанковцев, которые после неудачных попыток обеспечить себе участие в системе монархо-фашистской диктатуры взяли курс на использование в своих целях нефашистской буржуазной оппозиции. Присоединение к блоку либеральных и демократических партий, которого добивались цанковцы, грозило бы срывом получавшей все большее признание политики антифашистского единства демократических сил и народного фронта³¹.

Печатная и устная пропаганда правой оппозиции нигде, как правило, не встречала препятствий со стороны правительств.

В конкретных политических обстоятельствах правящие группировки искали способов прямого включения правой оппозиции с ее массовой базой и специфическими приемами идейного и психологического воздействия в созданную ими систему власти. Эта тенденция особенно резко проявлялась в те периоды, когда находившиеся у власти группировки прибегали к все новым элементам тоталитарного устройства государства.

²⁸ Н. И. Лебедев. Там же, стр. 63; L. Patrasanu. Ibid., s. 61.

²⁹ Л. Б. Валев. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1964, стр. 93—95.

³⁰ «История венгерского революционного рабочего движения», стр. 224; F. Kaliczka. Z zagadnień jednolitego frontu KPP i PPS w latach 1933—1934. Warszawa, 1967, s. 319—326; J. Kowalski. Komunistyczna Partia Polski 1935—1938. Warszawa, 1975, s. 366, 405.

³¹ В. Мигев. «Цанкового движение» и развитието на монархо-фашистката диктатура в България през 1937—1939. «Годишник на Софийския университет», т. LXII. София, 1969, стр. 339.

В Польше сближение эндеции и «санации» и сотрудничество последней с ярко выраженными фашистскими группировками «национального лагеря» наступило в период резкого ограничения пилсудчиками элементов парламентаризма и их попыток заменить многопартийную политическую структуру монополией спешно создававшейся правительственной партии Лагерь национального объединения³².

В Болгарии группировка двора в период становления монархо-фашистской диктатуры использовала поддержку «движения» А. Цанкова и допустила его представителей в правительство³³.

Особую заинтересованность в привлечении на свою сторону фашистской оппозиции правительства проявляли в тех случаях, когда первая составляла реальную конкуренцию в своих притязаниях на власть. Так, быстрое превращение нилашистов во влиятельную политическую силу (вместе с другими национал-социалистскими группировками — 25% голосов на выборах 1938 г.)³⁴ заставило хортистов неоднократно предлагать Ф. Салаши сотрудничество на почетных для него условиях³⁵.

Расправа королевской диктатуры с верхушкой «Железной гвардии» во главе с ее «капитаном» К. Кодряну в 1938 г. и полицейские меры против кровавого террора легионеров не имели целью ликвидацию фашистского движения, а были направлены только против его претензий на единовластие. Режим королевской диктатуры стремился обезглавить «Железную гвардию» и подорвать ее самостоятельную роль. В известной степени достигнув этого, его лидеры включили организацию «железногвардейцев» в правительственную партию «Фронт национального возрождения» (вскоре преобразованную в «Партию нации»). «Железногвардейским» лидерам достались тогда некоторые правительственные должности, но они считали это только началом своего восхождения к власти³⁶.

Характерно, что в тех случаях, когда силы фашистской оппозиции, опираясь на определенную платформу «снизу», а иногда также на мощную поддержку извне, превращались в реального претендента на власть, действенным средством нейтрализации опасности в распоряжении правящих группировок было практическое применение программных принципов соперников. Так, заметный успех «Железной гвардии» на парламентских выборах 1937 г. — 15,6% голосов и третье место в парламенте в обстановке падения престижа традиционных партий и политического кризиса, очевидно, ускорил введение королевской диктатуры, которая на протяжении своего существования все полнее превращалась в тоталитарную власть фашистского типа, установление которой было программной целью «Железной гвардии». В свою очередь утрата «Железной гвардией» программной перспективы лишила ее личины идейного противника режима и привела к сокращению влияния в массах³⁷.

В Болгарии подобная ситуация сложилась на ранней стадии деятельности Национально-социального движения и предшествовала установлению монархо-фашистской диктатуры. Превентивной мерой против стремления сторонников А. Цанкова сделать свою партию правящей послужил военный переворот 1934 г.³⁸ Его последствия во внутривластной области оказались однотипными с программными установками Националь-

³² J. T e g e j. Ibid., s. 149—150; H. i T. J e d r u s z c z a k. Ibid., s. 234—235.

³³ В. М и т е в. Утвърждаване..., стр. 62—81.

³⁴ G. R á n k i. Ibid., s. 97—98.

³⁵ А. И. П у ш к а ш. Возникновение и крах фашизма в Венгрии, стр. 58.

³⁶ «История Румынии», т. 3, стр. 260.

³⁷ L. P a t r a ş c a n u. Ibid., p. 159.

³⁸ В. Г е о р г и е в. Буржоазите и дребнобуржоазните партии в България 1934—1939. София, 1971, стр. 52.

но-социального движения, что не могло не затруднить дальнейшую политику цанковцев.

Хортистское правительство в период кульминации нилашистского движения стремилось вывести его из игры путем ускоренной фашизации собственной политики. Осуществлением ряда мер в духе программных требований нилашистов — дальнейшим ограничением роли парламента и политических партий, применением расистского законодательства, началом внешнеполитической экспансии — правящей группировке удалось расколоть массовую базу экстремистов и ослабить их политическое влияние³⁹.

Классовую и политическую однотишность господствовавших и оппозиционных правых группировок подчеркивает факт повсеместно происшедшего накануне второй мировой войны сближения их внешнеполитических позиций на платформе прямой ориентации на фашистскую Германию или обусловленного антисоветскими, империалистическими мотивами выбора такой линии внешней политики, которая объективно благоприятствовала агрессивным целям гитлеровцев. При этом о степени фашизации тех или иных правых группировок вряд ли оправданно судить только по характеру их взаимоотношений с германским нацизмом, ибо гитлеровцы в своей внешней политике руководствовались иными, чем чисто идейными, соображениями и не всегда хотели видеть у власти в других странах копировавшие национал-социализм и прямо зависимые от Германии группировки. В других случаях ориентация реакционных, отмеченных печатью фашизма группировок на гитлеровскую Германию была невозможна из-за государственных противоречий на почве территориальных претензий последней.

Таким образом, крайне правые силы в рассматриваемых странах, которые в 30-е годы оформились в типично фашистские или полуфашистские отдельные от правительственных партий, занимали специфическое положение однотишных, но не слившихся с господствующими группировками компонентов государственно-политических систем, образованных фашизировавшимися террористическими диктатурами. Противоречия между ними не носили принципиального характера, и острота их зависела от степени претензий на единовластие и шансов их реализации. Конфронтация фашистских группировок с режимами не имела ничего общего с оппозицией революционных сил и тех буржуазных партий, которые отстаивали принципы парламентаризма и демократических свобод.

Правая оппозиция, используя свои специфические средства и методы, несла известные функции в интересах существующего строя, выполнение которых полностью или в значительной степени совпадало с целями правительств — это террор и подавление коммунистического и демократического движения, аккумуляция недовольства политически неразвитых «низов» и обработка их в фашистском духе.

В ряде случаев группировкам фашистской оппозиции в обстановке соперничества с правящими кругами принадлежала роль своеобразного катализатора, ускорителя фашизации государственного строя.

³⁹ G. R á n k i. Ibid., s. 98.

Ю. Ф. ИВАНОВ

СТАНОВЛЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ГУСИТСКОГО НАСЛЕДИЯ В МЕЖВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Гуситское движение первой половины XV в. оставило глубокие следы в жизни чешского народа. Борьба масс за свое социальное и национальное освобождение всегда являлась ярким примером для прогрессивных и демократических сил чешского общества. И не случайно в эпоху чешского Возрождения к гуситской тематике обращались идеологи поднимающейся национальной буржуазии. История гусизма позволяла лидерам чешского национального движения воспитывать в народе патриотизм, который они использовали в конкурентной борьбе с немецкой буржуазией. Особенно большое внимание гусизму уделял глава либеральной чешской партии Ф. Палацкий, для которого гусизм был не только церковной реформацией, но прежде всего национальным движением, славной страницей чешской истории¹.

К истории гусизма обращались и представители радикально-демократического крыла чешской буржуазии в революции 1848 г. Э. Арнольд², например, видел в гусизме крестьянскую войну и надеялся, что напоминание об этом событии поможет народу подняться на новую борьбу³. Тогда же К. Сабина — идейный руководитель радикально-демократического течения в революции 1848 г. — назвал свой сборник биографий борцов за свободу «Табор»⁴ в память революционного крыла гуситского движения.

Но по мере развития классовых противоречий капиталистического общества буржуазия, страшая пролетариата, переходит на контрреволюционные позиции и вместе с этим меняется ее отношение к гусизму. В последней четверти XIX в. и в начале XX в. в Чехии преобладает понимание гусизма как преимущественно правственного движения, сочетающегося с церковной реформацией⁵. И, наконец, наиболее реакционные слои

¹ F. P a l a c k ý. Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě, d. III. Praha, 1850.

² E. A r n o l d. Děje husitů s zvláštním vzhledem na Jana Žižku. Praha, 1848.

³ Э. Арнольд восхвалял революцию. Он писал: «Подобно тому, как буря очищает воздух, так и восстание очищает человеческий разум, устраняет злоупотребления, низвергает ложных идолов, чтобы права людей, воля и неоскверненная чужеземцами национальность могли расцвести на алтаре патриотизма». E. A r n o l d. Ibid., s. 3—4.

⁴ «Табор». Praha, 1848.

⁵ Так изображали гусизм В. Новотный и В. Кибаль, монографии которых представляют наиболее крупный вклад в буржуазную гуситологию. См. V. N o v o t n ý. M. Jan Hus, život a učení, d. I. Praha, 1919; V. K y b a l. M. Jan Hus, život a učení, d. II. Praha, 1923.

крупной монополистической буржуазии старались опорочить гуситское движение в глазах народных масс, представить его как проявление разбойничьих инстинктов и страсти к разрушению. В период существования Чехословацкой буржуазной республики такой социальный заказ, исходящий от кругов империалистической буржуазии, выполнял Й. Пекарж⁶. Для пропаганды своих взглядов Пекарж использовал журнал, который он редактировал с 1892 г. Им были написаны учебники по чехословацкой истории 1920—1945 гг. для всех средних школ страны, в которых утверждалось, что гуситское движение сыграло отрицательную роль в социально-экономическом развитии страны и привело к усилению крепостного права.

Попытку объяснить сущность гуситского движения с материалистических позиций предпринял З. Неедлы. Формирование З. Неедлы как историка проходило в атмосфере упадочных тенденций чешской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Но они не коснулись ученого, переживавшего пору становления. Он воспринял все лучшее, что было накоплено чешской историографией: от Ф. Палацкого — огромный интерес к гуситству, от Я. Голла — внимание к источникам как основе исторического исследования. З. Неедлы без колебания отверг взгляды Й. Пекаржа и его единомышленников, отрицавших роль народных масс в прогрессивном развитии и считавших кульминационными фазами развития чешской истории периоды торжества реакции. Основным вкладом З. Неедлы в исследование гусизма является своеобразная трилогия о гуситской песне⁷. Работы посвящены раскрытию роли народных масс на различных этапах гуситского движения. Книги писались в начале творческого пути, когда их автор еще не усвоил марксистской методологии. Но они сыграли немалую роль в выработке материалистической концепции гусизма, поскольку З. Неедлы не ограничивался сообщением фактов, а старался объяснить причинно-следственные связи событий и явлений. Он отчетливо сознавал, что под религиозной формой гуситского движения скрывалось вполне определенное социальное содержание⁸. Ученый тогда же разрушил легенду, перешедшую в буржуазную историографию от классовых врагов таборитов, о том, что гуситы были абсолютно враждебны всякой культуре и по-варварски относились к искусству. Он показал, что в период гуситского движения народ создавал свою собственную, более близкую и понятную культуру⁹. Неедлы определил социальную функцию гуситской

⁶ J. P e k a ř. *Zižka a jeho doba, d. I—IV*. Praha, 1927—1933. Завершение монографии было приурочено к 500-летию поражения таборитов у Липан (30 мая 1434 г.), событию, которое Й. Пекарж охарактеризовал следующим образом: «День победы объединенных чешских партий над войском таборитов и сирот — счастливейший день нашей истории». «*Národní politika*», 27 V 1934. Эта статья была перепечатана в кн. J. P e k a ř. *Z duchovních dějin českých*. Praha, 1941, s. 109.

⁷ Z. N e j e d l ý. *Dějiny předhusitského zpěvu*. Praha, 1904; е г о ж е. *Počátky husitského zpěvu*. Praha, 1907; е г о ж е. *Dějiny husitského zpěvu za válek husitských*. Praha, 1913.

⁸ Особенно ярко эту мысль З. Неедлы сформулировал в брошюре, направленной против Й. Пекаржа, «Спор о смысле чешской истории», изданной в 1914 г.: «То, что гуситское движение долго оценивали только с религиозной точки зрения, являлось исторической ошибкой, которая лишила движение свойственной ему полнокровной жизнеспособности» (цит. по кн. Z. N e j e d l ý. *O smyslu českých dějin*. Praha, 1952, s. 63).

⁹ Z. N e j e d l ý. *Dějiny husitského zpěvu*, s. 129. Аргументы были убедительны, и либеральные буржуазные историки повторяли их в своем споре с Й. Пекаржем, например, К. Крофта. См. K. K r o f t a. *Zižka a husitská revoluce*. Praha, 1937. До З. Неедлы аналогичную попытку предпринял историк литературы Я. Волчек. Но его аргументация была несравненно слабее. См. I. V l č e k. *Dějiny české literatury, d. I—III*. Praha, 1897—1902.

песни как фактора, способствующего мобилизации народных масс для борьбы¹⁰.

Тем самым он углубил понимание природы гуситских войн. Правда, в то время З. Неedly отчетливо еще не осознал классовую природу гусизма, классовый характер выступлений Гуса.

Воззрения З. Неedly резко изменились после Великого Октября в России. Ученый сразу же оценил значение социалистической революции для судеб своей родины и всей мировой истории. Безоговорочно приняв революцию, З. Неedly использует в своих работах материалистическую методологию исторического исследования. Исторические условия 20-х годов нынешнего столетия во многом благоприятствовали развитию революционной идеологии. Наконец-то была установлена независимая Чехословацкая республика, но ее создание не принесло классового мира. И передовая интеллигенция должна была решить, по какую сторону баррикады ее место. Ученый в 1922 г. решительно заявил о близости своих воззрений взглядам коммунистов. Гуситское движение для него — символ борьбы, символ прогресса. И, критикуя буржуазные взгляды Й. Пекаржа, он писал в 1920 г.: «Мещанину нравится все маленькое, все „красивенькое“, все, что не вызывает душевных бурь, что позволяет ему жить, сохраняя полное душевное спокойствие... Не в вихре гуситской революции,¹¹ а в эпохе рококо видел наш мещанин идеал счастливой жизни»¹¹. Неedly написал несколько работ, посвященных Яну Гусу и значению гуситских традиций для пролетариата Чехословакии¹². В них автор по-новому подошел к изучению идейного наследия, оставленного Гусом. Он принял те установки, которые были даны Ф. Энгельсом в работе «Крестьянская война в Германии», в связи с критикой идеалистических концепций буржуазных ученых, серьезно веривших в то, что за богословскими перебранками средневековья не крылось социального содержания¹³. Используя методологию исторического материализма, З. Неedly старается проникнуть в суть учения чешского магистра, скрытого за привычной для того времени религиозной фразеологией. Он тогда еще не смог обосновать определенные классовые позиции Гуса. Но в противоположность буржуазным ученым, показывавшим Гуса религиозным проповедником и моралистом, З. Неedly выявил его стремление к более справедливому общественному устройству.

В зрелом возрасте, подводя итог своим исследованиям о Яне Гусе, историк констатировал: «Я знаю Гуса очень хорошо, так как занимаюсь им и его произведениями уже с молодости; меня всегда поражало, как мало Гус был теологом, как мало занимался вопросами существования и сущности бога. Зато его глубоко трогал и интересовал народ и страдания народа...»¹⁴.

¹⁰ Этому вопросу посвящена большая часть «Истории гуситской песни».

¹¹ З. Неedly. Святоянская эстетика. В сб. Марксистская литературная критика в Чехословакии. 20—30-е годы. М., 1975, стр. 24—25.

¹² Z. Nejedlý. Hus a naše doba. Praha, 1919; его же. M. Jan Hus a jeho pravda. Praha, 1920; его же. M. Jan Hus a jeho význam socialisti. Praha, 1925.

¹³ Напомним это место: «Немецкая идеология,— писал Ф. Энгельс,— несмотря на опыт последнего времени, все еще продолжает видеть в борьбе, положившей конец средневековью, одни только яростные богословские перебранки. По мнению наших отечественных знатоков истории и государственных мудрецов, если бы только люди того времени могли столкнуться между собой относительно небесных вещей, то у них не было бы никаких оснований ссориться из-за земных дел». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 359—360.

¹⁴ З. Неedly. Коммунисты и национальные традиции. В кн. Зденек Неedly выдающийся общественный деятель и ученый. М., 1964, стр. 27.

Книги З. Неедлы о Гусе и гуситской песне явились хорошей основой для дальнейшего исследования учения великого чешского проповедника и истории гуситского движения в целом. В этих работах много материала не только о Гусе, но и о других деятелях того времени. В трилогии о гуситской песне З. Неедлы уделил внимание Якоубеку из Стржибра, который вплоть до возникновения Табора занимал позицию, близкую к позиции Гуса¹⁵. В этой же работе он впервые попытался выяснить роль Яна Желивского как главы радикальной партии в Праге, призывавшего к революционным действиям.

Отдавая должное заслугам З. Неедлы, мы, однако, не можем согласиться с его отдельными суждениями. Мнение З. Неедлы о том, что прославленный чешский магистр был «революционером нового времени»¹⁶ или что «Гус является законченным революционером, а вовсе не реформатором»¹⁷, что он стоял за новое общество, а отнюдь не за церковное переустройство — весьма уязвимо. Прежде всего отметим, что в определении «революционер нового времени» отсутствует классовая характеристика. А затем вспомним, что Ян Гус действовал не в новое время, а в средние века. Он вовсе не стоял за революцию, не стремился к ниспровержению феодализма, а выступал против отдельных, наиболее вопиющих несправедливостей современного ему общества, оставаясь на позициях бюргерства, идеологом которого он являлся¹⁸. Эти ошибки проистекали прежде всего из-за неразработанности вопроса с материалистических позиций, а также полемической увлеченности автора, борющегося с односторонним пониманием Гуса и гусизма буржуазными учеными. Неедлы приходилось протирать новые пути исследования.

Чехословацкие коммунисты с момента возникновения КПЧ (май 1921 г.) начали борьбу за марксистскую концепцию национальной истории вообще и за материалистическую трактовку гуситского движения в частности, поскольку история гусизма служила не только научным, но и политическим целям¹⁹. На первых порах эта борьба разворачивалась медленно. Коммунисты не могли пройти мимо того, что буржуазные толкования национальной истории служили целям господствующих классов, что взгляды многих рабочих на важнейшие события почти не отличались от буржуазной точки зрения. Поэтому для партии рабочего класса было важно дать марксистское объяснение ключевых проблем истории Чехословакии²⁰. У партии тогда не было кадров профессиональных историков. Публицисты-коммунисты и партийные работники, включившиеся в спор о гусизме, строили свои статьи и выступления на уже имеющейся литературе. В тех условиях этого казалось достаточно. Фактов было добыто много и следовало их осмыслить с позиций исторического материализма. В 20-е

¹⁵ См. Z. Nejedlý. Dějiny husitského zpěvu..., s. 61. Но только Якоубек никогда не был так связан с народом, как Гус.

¹⁶ Z. Nejedlý. Hus a naše doba. Praha, 1946, s. 24.

¹⁷ Ibid., s. 25.

¹⁸ Исследуя идейное наследие магистра, марксистские гуситологи пришли к убеждению, что Гус «выступал не против феодального гнета как такового, а лишь против злоупотреблений феодалов и поборов со стороны католической церкви» («История Чехословакии», т. I. Под ред. Г. Э. Санчука и П. Н. Третьякова. М., 1956, стр. 147); Г. И. Липатникова отмечает: «Учение Гуса как представителя бюргерской ошшоциции феодализму представляет собой попытку реформационным путем в рамках существующего строя установить справедливые общественные отношения». Г. И. Л и п а т н и к о в а. Ян Гус (к 550-летию со дня гибели). «Вопросы истории славян», вып. 2. Воронеж, 1966, стр. 22.

¹⁹ Не случайно З. Неедлы утверждал: «Скажи мне, как ты судишь о гусизме, и я скажу тебе, кто ты есть». (Z. Nejedlý. Spor o smyslu českých dějin. Praha, 1914, s. 29). Перепечатано в кн. Z. Nejedlý. O smyslu českých dějin. Praha, 1952, s. 16.

²⁰ См. Z. d. Nejedlý. O smyslu českých dějin. Praha, 1952.

годы популярностью среди марксистов пользовалась книга К. Каутского «Предшественники новейшего социализма»²¹, напечатанная в конце прошлого века. В книге много фактов, много точных наблюдений. Но ее автор модернизировал историю Чехии начала XV в. и обнаружил в ней среди горожан капиталистов, а в городах — капиталистическое производство, что дальнейшими исследованиями не подтвердилось²². Концепции К. Каутского придерживался и чехословацкий коммунист, поэт С. К. Нейман в статье «Гус, Табор и коммунисты»²³, направленной против клерикальных кругов, которые, искажая суть учения Гуса, создавали ему культ святого, противопоставляли Гуса гуситскому движению и принижали значение последнего. У них «Гус стал всем, гуситское движение ничем», — писал С. К. Нейман²⁴. Не Ян Гус определил характер движения. Оно было обусловлено экономическими и политическими отношениями. «Гуситское движение обошлось бы и без Гуса, потому что каждый гусит являлся Гусом в миниатюре, но Гус без гуситского движения не являлся бы великим, просто бы он умножил собою ряд церковных писателей», — говорил с полемическим задором Нейман²⁵. Он стремился подчеркнуть роль народных масс, роль непосредственных производителей в разворачивании гуситских событий. Верно показывая обусловленность движения экономическими и политическими отношениями, автор не смог в них до конца разобраться. Он всецело доверился в этом вопросе К. Каутскому и по существу ограничился изложением его взглядов. С. К. Нейман нашел в Чехии XIV — начала XV в. капиталистов, городской и сельский пролетариат, который он считал главной силой гусизма²⁶. Такое «осовременивание» гуситской эпохи не позволило автору вскрыть полностью специфику средневекового движения. Но он все же настойчиво проводит мысль, что хотя борьба чешского народа в XV в. велась в религиозной форме, однако в ее основе лежал протест против общественных отношений²⁷.

Нейман подробно останавливается на целях движения. По его мнению, это радикальная реформация и национальное движение. В то же время он понимает, что гуситское движение переросло рамки реформации и явилось борьбой за социальную справедливость, сочетающуюся с выступлением против немецкого элемента в стране, так как немцы занимали господствующее положение в городе, университете и церкви. Поскольку в буржуазной пропагандистской литературе того времени старались доказать, что народ на гуситское движение подбили иностранные агитаторы²⁸, С. К. Нейман подчеркнул, что гусизм возник на внутренней основе, а не вызван иностранным влиянием, хотя оно и имело место и помогло гуситству оформиться²⁹. Нейман не отрицает заслуг Гуса перед историей. Магистр показан реформатором и патриотом. Автор указывает на его заслуги

²¹ К. Каутский. Предшественники новейшего социализма. Собр. соч., т. III. М.—Пг., 1923, стр. 203.

²² Чехословацкие историки А. Клима и И. Мацурек считают, что процесс разложения феодальных отношений и рост капиталистических элементов начался в Чехии не ранее XVI в. См. А. Клима, И. Мацурек. Вопрос о переходе от феодализма к капитализму в Центральной Европе (XVI—XVIII вв.). В сб. Средние века, т. 10. М., 1961.

²³ S. K. Neuman. Hus. Tábor a komunisté. «Proletkult», roč. II, č. 22, 27 VI 1923, s. 337—348. Далее цит. по сб. O marxistickou koncepci národních dějin, d. I. Praha, 1971.

²⁴ S. K. Neuman. Ibid., s. 28.

²⁵ Ibid., s. 29.

²⁶ Ibid., s. 22.

²⁷ Ibid.

²⁸ Буржуазный историк В. Халоупецкий посвятил доказательству этой идеи довольно обширную брошюру. V. Chaloupecký. Selská otázka v husitství. Bratislava, 1926. Особое внимание обратить на стр. 5.

²⁹ S. K. Neuman. Ibid., s. 26.

в развитии чешского языка, в деле уравнивания прав чехов и немцев в университете. Однако показать классовую позицию Гуса автору оказалось не под силу из-за неправильной трактовки эпохи как времени начала развития капитализма. И его слова о том, что табориты пошли дальше Гуса³⁰, читателю приходится принимать на веру, поскольку учение самого магистра в статье не раскрывалось.

Указывая на наличие в гуситском движении двух течений, радикального во главе с Табором и умеренного во главе с Прагой, автор относил к умеренному высшую шляхту, покушавшуюся на церковное имущество, часть низшей шляхты, богатое купечество, большую часть ремесленников. Все это соответствует истине. Но автор отнес сюда и капиталистов, которых в Чехии не существовало. Ошибка Неймана явилась следствием влияния теории К. Каутского.

С. К. Нейман обратил внимание на то, что радикальное течение было представлено в основном крестьянством — самым многочисленным классом чешского общества. Автор был абсолютно прав, заявляя: «Крестьянство было радикальным потому, что угнеталось шляхтой без различия католической или гуситской»³¹. Причем Нейман отмечал, что в борьбе с феодальными землевладельцами участвовало все крестьянство, а не только его беднейшая часть, как думали позднее некоторые авторы³².

Вопрос о влиянии дифференциации крестьянства на его борьбу с феодализмом сложный. В работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов» В. И. Ленин писал: «...крепостное право стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу к купцу; от него страдали и купец-фабрикант и рабочий, и кустарь и мастерок. Между всеми этими людьми только та связь и была, что все они были враждебны крепостничеству: за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм»³³. Как видно из текста, Ленин имеет в виду время, когда уже налицо были значительные элементы капитализма и, следовательно, в среде крестьянства возникла глубокая социальная дифференциация. Оказывается, и она не мешала солидарности всех слоев в борьбе с феодализмом. «Когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство»³⁴, — писал В. И. Ленин.

Таким образом, Нейман трактовал данный вопрос в полном соответствии с мыслями Ленина. Но Нейман ошибался, когда добавлял: «С крестьянством шла часть городского пролетариата и часть низшей шляхты»³⁵. Ошибался он, выдавая средневековый плебс за пролетариат, что не совпадает с трактовкой низшего слоя средневекового города Ф. Энгельсом³⁶.

³⁰ Ibid., s. 33.

³¹ Ibid., s. 35.

³² Развернутую критику подобных взглядов в чехословацкой историографии 50-х годов нынешнего столетия см. П. И. Резонов, Г. Э. Санчук, А. И. Озолин. Гуситское движение в новых работах чешских и словацких историков. «Вопросы истории», 1954, №6.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 306.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

³⁵ S. K. Neuman. Ibid., s. 35.

³⁶ Ф. Энгельс указывал: «Городская плебейская оппозиция того времени состояла из весьма смешанных элементов... С одной стороны, это были обедневшие цеховые бюргеры, все еще связанные своими привилегиями с существующим городским строем, с другой — выброшенные из своих насиженных мест крестьяне и уволенные слуги,

Заслугой Неймана явилось то, что он подробно объяснил, почему шляхта в основном пошла к чашникам, хотя ее представители были также среди таборитов и католиков. Победа крестьян неизбежно бы отразилась на доходах шляхты с земли. Но одновременно победа принесла бы уничтожение панов, с которыми у шляхты были серьезные противоречия. С другой стороны, победа панов означала покорность крестьян, что привлекало шляхту, хотя это обстоятельство вело к увеличению политического веса крупных феодалов в ущерб мелким. Поэтому шляхта колебалась и шла часто за тем, кто в данное время побеждал. Это место работы очень важно, так как неверная трактовка роли шляхты вкупе с недооценкой роли крестьянства ведет к ошибочным представлениям о природе гуситских войн, что наблюдается в современной буржуазной литературе³⁷.

Автор останавливается на военном искусстве Яна Жижекки. Но, главное, он старается определить политическую роль предводителя таборитов, о которой буржуазная наука умалчивала, представляя его внеклассовым военным вождем³⁸. В статье говорится, что Жижекка занимал середину между правым и левым лагерем. Такую позицию, по мнению автора, занимало и большинство гуситского рыцарства. Эта точка зрения прочно вошла в марксистскую литературу вопроса.

Неймана очень интересовала и проблема крайне левых течений среди таборитов. Он правильно обратил внимание на то, что в эти крайне левые группы таборитов входили бедняки, желавшие раздела имущества богатых. В ходе гуситских войн они приобрели для себя орудия и средства производства, обобществить которые было невозможно, поскольку их коммунизм был всецело потребительский и не касался производства, остававшегося по-прежнему мелким. Заполучив же в свои руки землю, бедняки отходили от аскетически-мистического потребительского коммунизма. Нейман проследил историческую обреченность раннего коммунизма, не соответствовавшего уровню экономического развития³⁹. Он указал, что большинство таборитов относились к этому течению безучастно⁴⁰. Обществу имущества существовала благодаря военной организации и блестящим победам. Таким образом, теоретически была обоснована закономерность поражения бедноты на Таборе⁴¹. Причины поражения таборитов Нейман видел прежде всего в усталости народа и измене шляхты, полностью перешедшей на сторону умеренной партии. Коренные причины, связанные с положением крестьянства, нуждающегося в руководстве со сто-

которые еще не могли стать пролетариями. Промежуточное положение между теми и другими занимали подмастерья...». К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 7, стр. 355.

³⁷ F. G. N e u m a n n. John Žižka and the Hussite Revolution. Princeton, New Jersey, 1955. Автор утверждает, что в Чехии начала XV в. отсутствовали экономические причины для крестьянского восстания, поскольку крестьяне тогда жили в достатке, какой имели затем лишь в XIX в. (стр. 42). Поэтому Жижекка в своей борьбе опирался преимущественно на мелкую шляхту и бюргерство (стр. 449—450), которые были «носителями национальной идеи».

³⁸ W. W. T o m e k. Jan Žižka. Praha, 1879; E. C h a l u p n y. Žižka. Praha, 1924.

³⁹ S. K. N e u m a n n. Ibid., s. 39.

⁴⁰ Ibid., s. 38.

⁴¹ Нейман в этом вопросе всецело придерживался взглядов Ф. Энгельса, который писал: «Стремление выйти за пределы не только настоящего, но и будущего могло быть лишь фантастическим, лишь насилем над действительностью, и первая же попытка осуществить его на практике должна была отбросить движение назад, в те узкие рамки, которые только допускались тогдашними условиями». Далее Ф. Энгельс показывает, чем объяснить удачу введения общности имущества в 1420 г. Это удалось сделать «лишь в качестве чисто военной меры». К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 7, стр. 363—364.

роны буржуазии, а в новых исторических условиях — пролетариата⁴², автор не раскрыл. Несмотря на некоторые недостатки статья представляла несомненный интерес, поскольку в ней ставились важные в теоретическом отношении вопросы, связанные с историей гуситского революционного движения. Работа вносила существенный вклад в становление марксистского понимания сущности гусизма.

Тогда же с брошюрой «Табор» выступил один из основателей Коммунистической партии Чехословакии — К. Крейбих⁴³. Основой брошюры послужила та же самая книга Каутского. Автор пытается выяснить роль таборитской бедноты в развитии революционных действий, прослеживает распространение идеологии хилиазма на наиболее радикальные слои общества, указывает на Табор, как на образец мужественной борьбы патриотически настроенных масс.

Надо иметь в виду, что коммунистам в буржуазной Чехословакии было трудно публиковать свои работы. Но они упорно преодолевали все преграды и изыскивали возможность излагать свои взгляды на гусизм, создавая, что это служит делу воспитания пролетариата на героических традициях чешского народа.

В 30-е годы обострились классовые противоречия в стране в связи с длительным экономическим кризисом. С приходом в Германии к власти нацистов в Чехословакии разворачивается антифашистская борьба. 4 июля 1937 г., т. е. в канун очередной годовщины злодейской казни Яна Гуса (15 июля 1415 г.), отмечавшейся в условиях нарастания фашистской опасности со стороны Германии, «Руде право» — центральный орган чехословацких коммунистов — опубликовала статью одного из руководителей КПЧ Я. Швермы «Гус, Табор и наше время»⁴⁴. Статья направлена против тех чехословацких ученых, которые видели в гусизме только национальное движение, борьбу за чешское влияние в университете, за усиление чешского элемента в Праге, сопротивление немецкому влиянию, злоупотреблениям римской курии в стране. Не отрицая, что все это действительно имело место, Шверма подчеркнул, что гуситство прежде всего было «революционным движением широких трудящихся масс чешского народа»⁴⁵. Народ тогда боролся против феодального строя⁴⁶, против крупных феодалов, эксплуатировавших массы. Автор разъясняет, что церковь также являлась крупнейшим и богатейшим феодалом, а потому гуситское движение было направлено и против нее. В статье показано, что таборитская партия состояла главным образом из крестьян, выступавших против крепостного права.

Я. Шверма особо подчеркнул, что крупные феодалы хотя и были чехами, однако выступали против всего народа и объединились с международной реакцией не потому, что им претило принятие причастия «под обоими видами» (т. е. хлебом и вином) у гуситов, а затем, «чтобы сохранить

⁴² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 239—240.

⁴³ K. Kreibich. Tábor. Praha, 1923.

⁴⁴ J. Šverma. Hus, Tábor a naše doba. «Rude právo», 4 VI 1937. s. 156. Цит. по сб. O marxistickou koncepci národních dějin, sv. II. (Ян Шверма погиб 10 ноября 1944 г. в Высоких Татрах во время участия в Словацком восстании).

⁴⁵ Ibid., s. 190.

⁴⁶ В связи с этим хочется привести современную постановку вопроса: «...следует различать объективное содержание и направленность крестьянских войн и те непосредственные задачи и цели, которые ставили перед собою повстанцы. Объективно, конечно, крестьянская война была направлена против феодализма, ибо подрывала его основу — феодальную собственность на землю. Но ограниченность кругозора крестьян не позволяла им осознать это как задачу, стоящую в национальном масштабе, как целеустремленное программное требование». Л. Черепнин. Крестьянские войны в России периода феодализма. «Коммунист», 1973, № 13, стр. 79.

свои владения, свои привилегии, свою силу»⁴⁷. Мысль о том, что классовые интересы выше национальных, в тех условиях была весьма актуальной. В статье ставится вопрос о причинах поддержки международной реакцией чешских феодалов. Крестоносцы двинулись в Чехию, чтобы разгромить революционный очаг, который влиял на оживление крестьянских движений в соседних странах.

Автор рассматривает причины победы гуситского движения на первых этапах. Оно побеждало потому, что дало людям лучшую жизнь и свободу. Таборитам было за что воевать и что защищать. Гуситы отразили крестовые походы потому, что твердо подавляли внутренних врагов⁴⁸. Это была новая мысль. Никто из буржуазных авторов ее не высказывал, да и не мог высказать. Она была навеяна опытом революционных событий XIX и особенно XX в.

Я. Шверма затронул вопрос и о причинах, приведших в конце концов к поражению гуситов. Он видел их в общей слабости крестьянских движений. Автор говорит, что крестьянское движение само по себе не может победить, ибо в XV в. не созрели ни экономические, ни классовые условия для этого⁴⁹. Естественно, что Я. Шверма, подобно другим деятелям КПЧ, не имел возможности изучать историю гусизма по источникам и брал необходимые сведения из наиболее обстоятельных работ буржуазных авторов, а также у К. Каутского и у З. Неядлы, который, как мы видели, гусизм несколько «осовременивал». Я. Шверма представлял Гуса гораздо радикальнее, чем он был в действительности, а гуситское движение казалось ему социальной революцией. Отчасти такая трактовка объясняется и той ролью, которую играла гуситская традиция в развертывании классовой борьбы. Не случайно автор в заключении указывает, что в условиях XX в. носителем гуситских традиций явился рабочий класс.

Дальнейшее развитие марксистской трактовки гусизма связано с именем чехословацкого коммуниста К. Конрада (1908—1941). Он не успел завершить свою работу, пав в борьбе с немецким фашизмом. Но и то, что он сделал, оставило заметный след в историографии. К. Конрад тщательно изучал марксистскую литературу, связанную с гуситской проблематикой. Внимательно изучал К. Конрад такие произведения, как «Немецкая идеология» К. Маркса, «Крестьянская война в Германии» Ф. Энгельса и другие труды основоположников марксизма-ленинизма. Он внимательно следил за культурной и научной жизнью в СССР⁵⁰. Работы советских историков, в том числе обобщающий труд, каким явился первый советский учебник для вузов по истории средних веков⁵¹, многое ему дали для понимания марксистской концепции исторического процесса.

Материалы, собранные К. Конрадом, теперь изданы⁵². Ряд статей о гусизме К. Конрад успел опубликовать в различных коммунистических изданиях⁵³. Он обратил внимание на необходимость тщательного изучения социально-экономических условий возникновения гусизма. Ученый скрупулезно штудировал все то немногое, что было написано по этому поводу буржуазными историками.

⁴⁷ J. Šverma. Ibid., s. 189.

⁴⁸ Ibid., s. 190.

⁴⁹ Ibid., s. 191.

⁵⁰ «Přehled dějin československo-sovětských vztahů v období 1917—1939». Praha, 1975, s. 197, 224, 229.

⁵¹ «История средних веков», т. I. Под ред. А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского и О. Л. Вайнштейна. М., 1938.

⁵² K. K o n r a d. Dějiny husitské revoluce. Praha, 1964; е г о ж е. Svoboda a zbraně. Praha, 1949.

⁵³ K. K o n r a d. Dvě brožury o husitství; е г о ж е. Rok po Pekařove smrti; е г о ж е. Zdenek Nejedlý jako historik husitství. В сб. O marxistickou koncepci národních dějin, sv. II. Praha, 1971.

В рецензиях на труды о Гусе и публицистических выступлениях К. Конрад подчеркивал социальную направленность его учения и характеризовал проповедника в качестве идеолога бюргерства. Такое определение классовых позиций Гуса в чехословацкой историографии, основанное на методологических указаниях Ф. Энгельса и изучении советских работ, давалось впервые.

Интересна статья К. Конрада «Немцы в чешских революциях»⁵⁴. Автор показывает в ней, что гуситам был свойствен интернационализм. Он приводит слова Яна Гуса о том, что ему «добрый немец милее плохого родного брата»⁵⁵ и другие высказывания магистра, ясно показывающие, что ему была чужда национальная ограниченность. В гуситской Праге, обращает внимание автор, жило немало немцев, разделявших гуситские идеи. Прага приняла двух немецких эмигрантов из Дрездена: Микулаша и Петра. Они были более радикальны, чем Гус. Автор предположил, что и среди таборитов имелись немцы, поскольку многие из них еще ранее были подвержены влиянию вальденской ереси, распространившейся на юге Чехии вместе с немецкими колонистами. Подчеркивая притягательную силу революционной практики радикального крыла гуситов, К. Конрад отмечает влияние гуситского движения на Германию в первой половине XV в. и в период Реформации. В частности, он приводит высокую оценку Ульрихом фон Гутеном чешского полководца Жижки. Конрад прослеживает приемы гуситской агитации среди войск Сигизмунда. Статья имела политическое звучание, так как в то время, в самый канун мюнхенского стовора, гитлеровцы и их генлейновская агентура внутри Чехословакии разжигали немецкий шовинизм и античешскую истерию. В печати, подведомственной Геббельсу, приводились фальсифицированные исторические аргументы против чехов, якобы свидетельствующие о том, что гуситские отряды опустошали немецкие земли. О чехословацкой армии гитлеровцы говорили не иначе, как о «гуситской солдатне». И то, что коммунисты разоблачали фальсификаторов истории, имело большое политическое, научное, воспитательное значение. Нельзя не учитывать, что историки в Чехословакии играли в обществе огромную роль, они всегда непосредственно участвовали в политической жизни народа. В частности, политическое звучание имел спор вокруг подложных Краледворской и Зеленогорской рукописей, и вопрос об их подлинности различно толковался политическими партиями чешской буржуазии. Т. Масарик, проводя свою политическую линию по созданию чехословацкого буржуазного государства, открыл дискуссию о смысле чешской истории. Борясь с революционными традициями чехословацкого народа, Й. Пекарж оболгал таборитов, а Яна Жижку представил рыцарем-разбойником, которому гуситское движение открыло неограниченные возможности для полного проявления грабительских наклонностей. К. Конрад негодует, что буржуазия использует память о Яне Жижке для раздувания национализма и шовинизма, что уже в младших классах средних школ детям преподносят извращенный образ славного полководца⁵⁶.

Такое соединение истории с политикой отразилось в трактовке К. Конрадом значения и характера гуситского движения. Он считал, что это была революция и не просто революция, а «Великая революция чешской

⁵⁴ К. К о н р а д. Nemci v českých revolucích. «Tvorba», 15 VI 1938, č. 28. В сб. O marxistickou koncepci národních dějin.

⁵⁵ К. К о н р а д. Ibid., s. 195. Очевидно, К. Конрад цитировал по памяти, так как слова Гуса звучат несколько иначе: «Добрый немец лучше худого чеха».

⁵⁶ К. К о н р а д. Швейк и Обломов (1935). В сб. Марксистская литературная критика, стр. 250.

истории»⁵⁷. Переоценка гусизма чувствуется и в его словах о том, что «Мюнцер и крестьянская война в Германии исторически далеко отстали от уровня гуситской революции»⁵⁸. С такой трактовкой гусизма были согласны и другие чехословацкие историки, вставшие на марксистские позиции. Зд. Неедлы тоже считал гуситское движение революцией, в которой участвовала буржуазия. Как только гуситская революция начала затрагивать привилегии богатого мещанства, буржуазия «объединилась против народа с контрреволюцией, с панамии»⁵⁹. С попыткой представить гуситское движение как революцию, мы согласиться не можем. Ф. Энгельс дал гуситскому движению строго научное определение: «Национально-чешская крестьянская война против немецкого дворянства и верховной власти германского императора, носившая религиозную окраску»⁶⁰. Объективное содержание и направленность крестьянской войны гораздо уже целей и задач социальной революции⁶¹.

К. Конрад полемизировал не только с открытым реакционером Пекаржем, но и с выступавшим против последнего Я. Славиком. В 30-е годы Славик много писал по различным историческим вопросам, в том числе и по гусизму⁶². В своих рассуждениях этот ярый враг Советского Союза прикрывался марксистской терминологией. На деле эклектически объединил позитивистско-релятивистские представления о невозможности объективного исторического познания и оценки описываемых исторических событий и явлений. Он извратил смысл гуситских войн, выдвинув утверждение, что народ поднялся на борьбу не вследствие ухудшения условий жизни, а наоборот — из-за относительного улучшения положения масс, когда они стали стремиться к дальнейшему благосостоянию⁶³. К. Конрад был решительно не согласен с данным тезисом, и стал собирать материал для всестороннего анализа положения городского и сельского населения чешского общества на рубеже XIV—XV вв. Он установил, что переход к денежной форме феодальной ренты повлек за собой ухудшение положения зависимого крестьянства, эксплуатация которого усилилась⁶⁴. Однако историк успел только наметить общие подходы к теме. Завершить исследование он не успел. Интерес к нему у Конрада был столь велик, что даже в фашистском застенке он продолжал думать над тем, как на чешском крестьянстве отразилось прекращение массовой немецкой колонизации: не сложилась ли здесь обстановка, сходная с английской после «черной смерти» — эпидемии чумы 1348 г., приведшей к вздорожанию рабочих рук⁶⁵.

Идея К. Конрада, что ключ к решению вопроса о характере гуситского движения надо искать в социально-экономическом развитии Чехии, крепла.

⁵⁷ K. K o n r a d. Nečo o dějinách a politice. «Tvorba», 28 I 1938, č. 4. Цит. по сб. O marxistickou koncepcí národních dějin, s. 207.

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Z. N e j e d l ý. Komunisté dediči velkých tradic českého národa. Praha, 1950. Цит. по сб. O marxistickou koncepcí národních dějin, s. 315.

⁶⁰ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 6, стр. 180.

⁶¹ Методологические проблемы, встающие перед исследователем в связи с изучением истории крестьянских войн, раскрыты в статье Л. В. Ч е р е п н и н а «Крестьянские войны в России периода феодализма». См. «Коммунист», 1973, № 13.

⁶² I. S l a v í k. Husitská revoluce. Praha, 1934; e r o ж e. Nový názor na husitství. Praha, 1923.

⁶³ Ibid., s. 28.

⁶⁴ K. K o n r a d. Dějiny husitské revoluce, s. 77, 85.

⁶⁵ J. J a n o u š e k. Kurt Konrad. Praha, 1956, s. 135. Кстати, попытка такого сопоставления навязна той оценкой «черной смерти», которая давалась в первом советском учебнике средних веков.

Марксисты выяснили, что гусизм является прежде всего яркой вспышкой классовой борьбы, выявили классовый характер выступлений Гуса, показали обусловленность национального вопроса классовыми отношениями в обществе. Они, подчеркивая национальный характер гусизма, не забывали и его интернациональное значение; поставив ряд проблем и попытавшись их объяснить, подготовили условия для более глубокого, монографического исследования отдельных аспектов гуситского движения на основе марксистского подхода к изучению источников. Уже в 1940/41 учебном году З. Неedly на основе марксистско-ленинской методологии прочитал свой первый курс по гусизму в Московском университете. Ученый при подготовке курса воспользовался чехословацкой марксистской публицистикой и трудами советских историков ⁶⁶.

Эти работы служили делу воспитания масс в духе ненависти к эксплуатации и всякого рода угнетению. Руководитель КПЧ К. Готвальд говорил: «Наши борцы за свободу против немецких оккупантов шли по стопам Табора. В традициях Табора и национального Возрождения строим мы и наше новое народное государство» ⁶⁷. В сохранение славных традиций таборитов внесли свою лепту и перечисленные в статье марксистские авторы, отстаивавшие свои взгляды в борьбе с реакционными тенденциями буржуазной историографии.

⁶⁶ Подробнее см. Г. Э. С а н ч у к. Гуситское движение в советской историографии. В сб. Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973, стр. 49—51.

⁶⁷ К. Г о т в а л ь д. Значение творчества Алоиза Ирасека. В кн. Клемент Готвальд. Избранные произведения, т. II. М., 1957, стр. 279.

А. А. ТИТОВА

ПРОБЛЕМА АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В ПОЛЬСКОМ СЕЙМЕ (июнь — декабрь 1923 г.)

Позиция польских политических партий в сейме по вопросу об аграрной реформе в ноябре 1922 — мае 1923 г. была освещена в нашей статье, опубликованной в книге «Проблемы всеобщей истории» (Издательство МГУ, 1976). Здесь рассматривается дальнейшая борьба в сейме по этому вопросу.

В конце мая 1923 г. в Польше к власти пришло правоцентристское правительство, возглавляемое лидером партии Польские стронництво людова (ПСЛ) - «Пяст» В. Витосом. Его состав¹ и программа деятельности определялись соглашением между ПСЛ - «Пяст» и правыми партиями, так называемым Ланцкоронским пактом.

Блок ПСЛ-«Пяст» с буржуазно-помещичьими кругами вызвал решительный протест демократических сил, а также левых в самом ПСЛ-«Пяст». Группа депутатов во главе с Я. Домбским, получившая наименование «Едність людова», мотивируя свой выход из ПСЛ-«Пяст», заявила, что буржуазно-помещичьи силы навязали партии свой политический курс и ПСЛ-«Пяст», идя им на уступки, предав дело аграрной реформы, перестало быть крестьянской партией².

1 июня 1923 г. Витос выступил в сейме с заявлением, в котором, между прочим, упомянул, что проведение аграрной реформы является одним из важнейших пунктов программы деятельности его кабинета. При этом премьер указал, что в целях быстрого и окончательного решения проблемы правительство намерено внести лишь необходимые поправки к существующему законопроекту. Предусматривая ежегодную парцелляцию 200 тыс. га помещичьей земли, Витос, в частности, говорил о необходимости установления умеренных цен на землю в случае как добровольной, так и принудительной парцелляции, что позволило бы безземельным и малоземельным крестьянам приобретать ее на приемлемых для них условиях³. При этом имелось в виду укрепление позиций польской нации за счет национальных меньшинств. Польская колонизация восточных окраин и расширение осадничества рассматривались в качестве важнейших методов решения аграрной проблемы в стране⁴.

¹ В состав правительства входили, в частности, четыре представителя депутатского клуба ПСЛ-«Пяст» и семь представителей от правых партий. M. Pietrzak. *Rządy parlamentarne w Polsce w latach 1919—1926*. Warszawa, 1969, s. 325, 326.

² «Pisma ulotne stronnictw ludowych w Polsce. 1895—1939». Zehr. i oprac. S. Kowalczyk i A. Luczak. Warszawa, 1971, s. 170.

³ «Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Okres I. Sprawozdanie stenograficzne z 41 posiedzenia» (далее — SRP, Spr. st.), t. 9.

⁴ «Piast», 27 V 1923; W. Witos. *Moje wspomnienia*, t. III. Paryż, 1965, s. 36—38, 44—46.

Нечеткость положений правительственной программы по аграрному вопросу не была случайной. Она давала лидерам ПСЛ-«Пяст» некоторую свободу маневра. Прибегая к радикальной фразеологии, они осуществляли на практике союз с правыми силами. Выступая в дискуссии по ехресе премьера, один из лидеров ПСЛ-«Пяст» мотивировал этот союз необходимостью «позитивных действий»⁵.

Правые партии — Народно-национальный союз (ННС, эндеция) и Христианско-национальная партия (ХНП), выражая вотум доверия правительству, особенно подчеркивали, что парцелляция должна преследовать цель создания экономически сильных хозяйств⁶. Партии центра — Народно-католическая партия (НКП) и Национальная рабочая партия (НРП) также заявили о своей поддержке политической линии правительства⁷. Позиция НРП по аграрному вопросу была уточнена в конце июня 1923 г. в связи с публикацией в печати части тайного «Ланцкоронского пакта», посвященной земельной реформе. Председатель сеймового клуба партии С. Ваховяк, в частности, заявил: «Я считаю, что аграрный пакт между ХЕН и „Пястом“... невыполним и не будет выполнен... Сегодня землю может приобрести богатый, на войне и во время войны нажившийся, крестьянин. Рабочий же идет по миру. Поэтому я считаю, что только справедливая аграрная реформа, предусматривающая во всей полноте интересы сельскохозяйственного рабочего, может обеспечить решение проблемы»⁸.

Аграрная программа правительства подверглась также критике со стороны представителей левых крестьянских партий. Они отмечали прежде всего неконкретность, расплывчатость этой программы, которая фактически сводилась к шаблонному обещанию парцелляции. Характеризуя действительную позицию правоцентристского правительства на основе политических устремлений поддерживавших его партий, депутат от ПСЛ-«Вызволене» С. Тугутт говорил в сейме, что обещанная земельная реформа будет осуществляться путем развития частной парцелляции и сокращения до минимума инициативы и контроля государства за ее проведением. Такой способ решения аграрного вопроса означал бы удовлетворение интересов немногочисленной прослойки деревенских богатеев, которая не являлась социальной основой крестьянского движения. Домбский подчеркивал, что основу соглашения между ПСЛ-«Пяст» и правыми партиями составляют национализм и отказ от крестьянской программы⁹.

По мнению левых людовцев, отказ от аграрной реформы, замена ее частной парцелляцией земли и явное усиление националистических тенденций в политике правительства могли вызвать революционные выступления. Рассматривая аграрную реформу как средство разрядки социальных конфликтов, Тугутт, в частности, указывал: «... количество безземельных и малоземельных, имеющих менее 2 га земли, составляет только в бывшем Королевстве Польском и бывшей Галиции 6 млн человек вместе с членами их семей. И тот факт, что такое количество населения не будет охвачено аграрной реформой, значит почти то же, что улечься спать на кровать, под которую подложен динамит. Я считаю, что отказ от подобного рода экспериментов является вопросом не каких-либо стремлений или социальных взглядов, а безопасности всего государства»¹⁰. Подобные предостережения содержались в письме, адресованном группой Домбско-

⁵ SRP, Spr. st. 42, t. 18—23.

⁶ Ibid., 6, 42, t. 6, 59—60.

⁷ Ibid., t. 53—54, 72—73.

⁸ Цит. по «Ruch robotniczy i ludowy w Polsce 1914—1923». Warszawa, 1961, s. 470.

⁹ SRP, Spr. st. 42, t. 13—14, 78—79, 96—99.

¹⁰ Ibid., t. 14.

го председателю партии и депутатского клуба ПСЛ-«Пяст» Витосу. В нем говорилось, что «атмосфера аналогии насилия как средства ведения политики будет способствовать умножению антиконституционных актов, которые поколеблют основы порядка в Польской республике, а безрассудная политика на окраинах создаст условия территориального уменьшения Польши»¹¹.

Позитивная программа левых крестьянских партий сводилась к требованию парцелляции земли государством в соответствии с основными принципами закона от 15 июля 1920 г.¹² Значительное место в ней занимал вопрос о военных осадниках. Необходимость предоставления льгот и государственной помощи колонистам особенно подчеркивалась в выступлениях представителей клубов «Едність людова» и Радикальной крестьянской партии (РКП)¹³.

Польская социалистическая партия (ППС) рассматривала создание правоцентристского кабинета как начало нового наступления реакции на социальные завоевания рабочего класса, демократические права и свободы трудящихся, как усиление шовинизма в стране. Выступая в сейме по поводу ехресе премьера, ее представитель Е. Морачевский назвал кабинет Витоса правительством не проведения, а ликвидации аграрной реформы и подчеркнул, что классовые интересы помещиков, составляющих базу крупнейших клубов коалиции, исключают ее осуществление на основе постановления от 10 июля 1919 г. «Невозможно, — говорил депутат ППС, — с одной стороны стремиться к переменам и реформам, а с другой — заключать союзы с теми, кто противодействует всяким переменам и реформам»¹⁴.

ППС предприняла меры к объединению оппозиционно настроенных демократических сил. Этому способствовала активизация деятельности коммунистов, направленной на создание единого фронта борьбы против реакции¹⁵. В начале июня 1923 г. ЦИК ППС выступил с воззванием «К трудящимся городов и деревень!», в котором содержалась платформа объединения сторонников демократии, предусматривавшая защиту республиканского строя, демократических прав и свобод, светского образования, равноправия и свободы культурного развития национальных меньшинств, социальных завоеваний пролетариата, обеспечение земель безземельных и малоземельных крестьян¹⁶. В конце июня 1923 г. Главный совет ППС поручил ЦИК и парламентскому клубу партии проводить консультации с «подлинно демократическими партиями в случае возникновения необходимости совместного или одновременного выступления»¹⁷.

Депутаты Украинского и Белорусского клубов использовали всякую возможность для выступления в защиту крестьянского в своем подавляющем большинстве населения восточных районов страны. Выражая вотум недоверия правительству, депутат Белорусского клуба Б. Тарашкевич расценивал политику лидеров ПСЛ-«Пяст» как предательство интересов широких масс народа, защиту интересов небольшой прослойки зажиточного крестьянства¹⁸. Один из депутатов Украинского клуба, в частности, говорил: «Мы знаем, что даст нам настоящее правительство в области социальных реформ, и в особенности в сфере преобразования аграрных отношений. Мы знаем, что за счет нашего украинского крестьянина оно

¹¹ Цит. по Т. R e k. Ruch ludowy w Polsce, t. II. Warszawa, 1947, s. 138—139.

¹² SRP, Spr. st. 42, I. 86, 96.

¹³ Ibid., I. 87, 97.

¹⁴ Ibid., I. 26, 33.

¹⁵ «Z pola walki», 1923, № 3, s. 148—150.

¹⁶ «Robotnik», 12 VI 1923.

¹⁷ Ibid., 1 VII 1923.

¹⁸ SRP, Spr. st. 42, I. 73, 74.

хочет удовлетворить земельный голод, который испытывает польский крестьянин. Мы знаем, что с приходом к власти этого правительства колонизация, захват земель у украинского народа пойдут широкой волной»¹⁹.

КРПШ разоблачила реакционную сущность правоцентристского блока. Уже в конце мая 1923 г. А. Варский опубликовал статью под названием «Земля для крестьян», в которой подверг всестороннему анализу сложившуюся в результате консолидации правых сил политическую обстановку в стране. В статье прежде всего указывалось, что политический курс нового правительства означает отказ от аграрной реформы и усиление колонизации национальных окраин. В связи с этим А. Варский обращал внимание на тесное переплетение социальной и национальной проблем и подчеркивал, что задача пролетариата состоит в том, чтобы объединить и возглавить крестьянское и национальное движение. Он писал: «Было бы неслыханной ошибкой, если бы коммунисты не поняли вытекающих из этого обязанностей, если бы они не стремились к разрыву революционными методами пакта „Хьены“ и „Пяста“, медленно с удвоенной энергией и со всей ясностью выдвинув лозунг „Земля крестьянам без выкупа!“»²⁰.

Стремясь укрепить союз ПСЛ-«Пяст» с правыми партиями, правительство пыталось отменить неудобные помещикам постановления, содержащиеся в аграрных законах. Одной из первых мер в этом направлении была замена Главного земельного управления министерством аграрной реформы. При этом устранялись от участия в проведении аграрной реформы широкие массы населения, непосредственно в ней заинтересованные. Это достигалось путем ликвидации гминных и повятовых земельных комиссий, значительного ограничения компетенции Главной и окружных комиссий, сокращения до одной трети представителей малоземельного и безземельного населения в них и передачи большей части парцелляционных работ в руки частных учреждений²¹. Референтом по этому вопросу в сейме выступал депутат ННС — крупнейшей буржуазно-помещичьей партии — Рымар. Он рассматривал земельные комиссии как препятствие на пути проведения аграрной реформы²². Эта точка зрения была поддержана представителями ПСЛ-«Пяст» и христианских демократов (ХД), которые мотивировали свою позицию стремлением упростить процедуру парцелляции²³.

Левые партии оценили эту меру правительства, как посягательство на демократию и саботаж аграрной реформы²⁴. Представители национальных меньшинств требовали привлечения местного населения к проведению аграрной реформы и подчеркивали, что от урегулирования земельного вопроса на окраинах зависит отношение их населения к польскому государству²⁵.

ПСЛ-«Вывольене» и «Едність людова», критикуя проект большинства сеймовой комиссии, отмечали, что ослабление контроля общественности за проведением аграрной реформы будет способствовать распространению различного рода злоупотреблений и коррупции. Они подчеркивали также, что новое законодательство направлено на обеспечение в первую очередь интересов зажиточных слоев крестьянства, что его целью является стремление создать видимость решения аграрной проблемы²⁶.

¹⁹ Ibid., t. 1. 72.

²⁰ «Nowy Przegląd», t. II, 1923 (reedycja). Warszawa, 1958, s. 10—12.

²¹ «Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Okres I. Druki» (далее — SRP. Dr.), № 409, 597, 656.

²² SRP, Spr. st. 54, t. 1. 34—39.

²³ Ibid., 56, t. 1. 15—22, 22—25.

²⁴ Ibid., 54, t. 1. 39—48, 48—53, 53—56.

²⁵ Ibid., t. 1. 61—66; 56, t. 1. 32, 50.

²⁶ Ibid., 54, t. 1. 49, 55, 56.

Аналогичной была оценка этого мероприятия правительства представителем ППС Я. Квапиньским, который, в частности, отметил, что для нового законодательства характерна противоречивость, обусловленная позицией тех сил, которые, идя на сближение с ПСЛ-«Пяст», с одной стороны, вынуждены были согласиться на аграрную реформу, а с другой — стремятся создать условия, исключающие ее проведение²⁷. ППС считала целью земельной реформы увеличение размеров карликовых хозяйств путем безвозмездной конфискации помещичьих земель сверх необходимого для существования минимума и их парцелляции среди беднейшего крестьянства²⁸. Это означало отход ППС от ее программного лозунга обобществления земли.

На принципиально иных позициях стояла КРПП. Продолжая линию апрельского (1923) пленума ЦК партии, коммунисты в своей практической деятельности руководствовались лозунгом «Земля — крестьянам!». Они решительно выступили против ликвидации гминных и повятовых земельных комиссий как органов проведения аграрной реформы, против частной парцелляции, и в июле 1923 г. вновь огласили в сейме проект земельного закона²⁹, предусматривавший конфискацию всех частных земельных владений свыше 60 га и передачу их безземельным и малоземельным крестьянам без выкупа. Парцелляции подлежали также государственные, монастырские и церковные земли. Аграрная реформа должна была проводиться земельными комиссиями, которые избирались беднейшими слоями деревни. Высшим органом по вопросам, касающимся аграрного устройства, должна была стать Главная земельная комиссия.

Последовательно борясь за создание единого фронта демократических сил с целью защиты повседневных интересов трудящихся, КРПП вновь выдвинула лозунг рабоче-крестьянского правительства. В августе 1923 г. коммунисты обратились к ППС, ПСЛ-«Вызволене» и всем трудящимся Польши с призывом объединить свои усилия в борьбе за создание рабоче-крестьянского правительства, которое, в частности, должно было осуществить конфискацию помещичьей земли и передачу ее безземельным и малоземельным крестьянам без выкупа³⁰.

Несмотря на сопротивление оппозиции сейм принял проект ликвидации местных земельных комиссий³¹.

Проводимая в интересах имущих слоев финансовая и налоговая политика правительства привела к быстрому росту инфляции. В результате этого сократилась реальная заработная плата и покупательная способность прежде всего рабочих и служащих. Инфляция отрицательно сказалась и на материальном положении крестьянства, особенно его беднейших слоев. Экономический хаос, гиперинфляция и быстрый рост цен вызвали волну забастовочного движения в стране. Крестьяне протестовали против дороговизны, нерегулярного снабжения, злоупотреблений администрации.

В начале августа в сейм был внесен разработанный министром С. Осецким («Пяст») проект закона о парцелляции и осадничестве, который предусматривал решение аграрного вопроса в духе «Ланцкоронского пакта»³².

Правые силы, в определенной степени связанные постановлениями «Ланцкоронского пакта» по вопросу об аграрной реформе, стремились,

²⁷ Ibid., t. 41.

²⁸ Ibid., t. 44, 45.

²⁹ Ibid., t. 56—60.

³⁰ «Nowy Przegląd», (reedycja), t. II, s. 242—246.

³¹ «Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1923», № 71, p. 556; № 90, p. 706.

³² SRP. Dr. № 719.

однако, затормозить ее проведение. Председатель сейма М. Ратай отмечал в своем дневнике: «Дело аграрной реформы, ради которого главным образом „Пяст“ пошел на создание (парламентского. — А. Т.) большинства, не двигается в комиссии, так как правые не спешат»³³. Выступая в октябре 1923 г. в сейме, представитель ННС вынужден был признать наличие аграрного перенаселения в стране и заявить о стремлении своего клуба приобщиться к решению земельной проблемы. На первое место им выдвигалось требование «надлежащего раздела земельной собственности»³⁴. Если учесть, что ННС был одним из соавторов «Ланцкоронского пакта», то станет ясно, что «надлежащей», с точки зрения энциции, могла быть только частная и добровольная парцелляция земли. Кроме того, в качестве средств решения аграрного вопроса энциция предлагала такие меры, как развитие промышленности, урегулирование эмиграции и отток избыточного сельского населения в городское ремесло, где оно должно было потеснить еврейское население³⁵.

К осени 1923 г. произошли существенные изменения в политической ориентации центра сейма. НКП примкнула к правым, а НРП перешла в оппозицию правительству и подвергла резкой критике его экономическую, финансовую и социальную политику. Представители НРП отмечали, что целью правительства является экономическое усиление зажиточных слоев деревни. НРП добивалась решения аграрного вопроса с учетом интересов прежде всего сельскохозяйственных рабочих и малоземельных крестьян³⁶. Ее программа предусматривала обязательное финансирование аграрной реформы государством и предоставление долгосрочных кредитов для обеспечения вновь создающихся хозяйств необходимым инвентарем. Следует отметить, что обращение НРП, действовавшей главным образом в среде промышленного пролетариата, к аграрной проблеме было вызвано, во-первых, переходом в оппозицию правительству, во-вторых, соображениями тактики. Представители партии заявляли, что без поддержки НРП и других рабочих партий, следовательно — без выполнения их требований, никакой аграрный закон сеймом принят быть не может³⁷.

Активизировалась деятельность сеймовых представительств левых крестьянских партий. Они резко критиковали антикрестьянскую аграрную политику правительства. Выступая в сейме, Я. Домбский указывал, что самая важная реформа, проведением которой Витос оправдывал создание правящего большинства и настоящего правительства, т. е. аграрная реформа, не продвинулась ни на шаг вперед. Единственной парцелляцией, которую премьер до сих пор успешно проводил, подчеркивал Домбский, являлась парцелляция его собственного клуба³⁸.

Выдвинутая крестьянскими партиями ПСЛ-«Вызволене» и «Едність людова» в начале лета идея об их политическом и организационном объединении в целях совместной борьбы за аграрную реформу, претворялась в жизнь. В сентябре 1923 г. решение по этому вопросу было принято руководящими органами обеих партий. Одновременно депутатскими клубами ПСЛ-«Вызволене» и «Едність людова» было рекомендовано развернуть кампанию по консолидации демократических сил с целью «предотвращения грозящей государству катастрофы»³⁹.

³³ M. R a t a j. Pamiętniki. 1918—1927. Warszawa, 1965, s. 174.

³⁴ SRP. Spr. st. 69, t. 6, 7.

³⁵ Ibid., t. 7, 11—13.

³⁶ Ibid., t. 19.

³⁷ Ibid.

³⁸ Ibid., t. 58.

³⁹ «Wyzwolenie», 23 IX 1923.

Определенным шагом на этом пути было совместное заявление депутатов ПСЛ-«Вызволене», «Едність людова» и ППС по вопросу аграрной реформы, сделанное 3 октября в сейме. В нем законопроект министра Осецкого расценивался как свидетельство отказа от основных принципов постановления 1919 г. и подчеркивалось, что предусмотренная законопроектом частная парцелляция не улучшит аграрной структуры, а защита крупной земельной собственности от принудительного выкупа делает нереальной ежегодную парцелляцию 200 тыс. га земли. Исходя из этого, депутаты левых партий потребовали от правительства в двухнедельный срок разработать новый законопроект в соответствии с принципами постановления 1919 г.⁴⁰

Состоявшийся в сентябре — октябре II съезд КРПП, решения которого свидетельствовали о переходе партии на ленинские позиции, в том числе и по аграрному вопросу, принял резолюцию о союзе пролетариата и крестьянства, представляющую собой программный документ. КРПП еще раз подчеркивала, что буржуазно-помещичье правительство не в состоянии ликвидировать земельного голода, а все существующие крестьянские партии пытаются решить эту проблему так, чтобы не поколебать основ буржуазного строя. Вследствие этого аграрная проблема в Польше может быть решена только революционным путем, а залогом победы революции является союз рабочих и крестьян⁴¹.

Программа партии, принятая II съездом, определяла содержание аграрной революции в Польше, исходным моментом которой был анти-помещичий фронт борьбы подавляющей массы крестьянства. Она предполагала конфискацию всех помещичьих, церковных и монастырских земель со всем живым и мертвым инвентарем и передачу их крестьянским советам, в состав которых должны были входить представители различных категорий крестьянства, кроме кулаков. Крестьянские советы должны были осуществлять безвозмездное распределение земли среди крестьян, и в первую очередь — среди безземельных и малоземельных. Программа предусматривала также национализацию лесов и оказание государственной помощи сельскому хозяйству, расширение сети сельских школ, введение местного самоуправления, освобождение беднейшего населения от уплаты налогов, обеспечение его строительными материалами, прекращение военного и гражданского осадничества на белорусских и украинских землях.

КРПП указывала, что пролетариат выступает выразителем не только собственных классовых интересов, но и интересов всей нации. Исходя из того, что борьба за власть между пролетариатом и буржуазией является борьбой за трудящиеся массы, партия в качестве основного лозунга текущего момента вновь выдвинула лозунг рабоче-крестьянского правительства и разработала детальную программу его деятельности. Она содержала экономические и политические требования, отвечавшие интересам рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции и национальных меньшинств⁴².

Осуществляя тактику единого фронта, КРПП обратилась ко всем рабочим и крестьянским партиям, и прежде всего — к ППС и ПСЛ-«Вызволене», с призывом объединить свои усилия в борьбе против реакции на основе разработанной коммунистами программы деятельности рабоче-крестьянского правительства⁴³. Руководство парламентского представительства партий — Союза пролетариата городов и деревень (СПГГД)

⁴⁰ Ibid., 14 X 1923.

⁴¹ M. K o s z u t s k a. Pisma i przemówienia, t. II. Warszawa, 1961, s. 243—245.

⁴² KPP. Uchwały i rezolucje, t. I. Warszawa, 1953, s. 193—198, 200—210.

⁴³ Ibid., 243—251.

направило президиуму и делегатам XIX конгресса ППС письмо, в котором отмечалось, что аграрная политика правительства лишала безземельное и малоземельное крестьянство каких-либо надежд на получение земли. Союз предлагал включить в повестку дня XIX конгресса ППС вопрос о земельной реформе, создать из представителей всех рабочих партий совместный комитет борьбы против реакции⁴⁴. Однако ППС отвергла какое бы то ни было сотрудничество с коммунистами⁴⁵.

В ноябре состоялось объединение ПСЛ-«Вывольене» и «Едности людовой». Подчеркивая значение объединения левых крестьянских партий, резолюция, принятая накануне этого события съездом ПСЛ-«Вывольене», гласила: «Опасность упадка и полной ликвидации крестьянского движения является в настоящее время столь значительной, что только совместные усилия, общая борьба всего народа могут предотвратить несчастья, грозящие не только крестьянству, но и всей Польше»⁴⁶. Политической платформой созданной партии, которая получила название «Союз крестьянских партий ПСЛ-„Вывольене“ и ПСЛ-„Едность людова“» (СКП), стала программа партии «Вывольене». Объединение левых крестьянских партий было встречено с одобрением их рядовыми членами. На митинге крестьян, состоявшемся в Варшаве в день общего съезда, была принята резолюция, которая содержала критику политики правительства Витоса и приветствовала создание СКП⁴⁷. Объединительный съезд ПСЛ-«Вывольене» и «Едности людовой» приветствовала делегация рабочих-коммунистов, которая заявила, что рабочие видят в крестьянстве своего ближайшего союзника в борьбе против угнетения и эксплуатации, в борьбе за рабоче-крестьянское правительство⁴⁸.

Обострение политической обстановки в стране и борьбы в сейме по аграрному вопросу способствовало активизации выступлений представителей национальных меньшинств. Особенно острой критике подверглись мероприятия правительства Витоса в аграрной области. Депутаты Украинского и Белорусского клубов квалифицировали их как проявление политики физического уничтожения местного населения восточных воеводств, противоречащей конституции Польской республики и постановлениям Версальского трактата о правах надменьшинств⁴⁹.

Между тем обстановка в стране резко обострилась. В ответ на забастовку государственных служащих правительство объявило о милитаризации железных дорог и ввело полевые суды. В связи с этим экономические забастовки стали приобретать политический характер. В ряде промышленных центров юго-востока страны — Кракове, Бориславе, Тарнове — в начале ноября дело дошло до вооруженных столкновений между рабочими и полицией, в результате чего погибло 40 человек. Ноябрьские события потрясли всю страну.

12 декабря, после обсуждения в аграрной комиссии сейма, проект закона о парцелляции и осадничестве был вынесен на рассмотрение палаты депутатов⁵⁰. Проект предусматривал ежегодную парцелляцию 220 тыс. га государственной и частной земельной собственности в течение 10 лет. Максимум землевладения должен был составлять в промышленных районах и пригородах соответственно 30 и 60 га, в остальных

⁴⁴ H. W a l e c k i. Wybór pism, t. II. Warszawa, 1967, s. 101—105.

⁴⁵ M. N i e d z i a ł k o w s k i. Odpowiedź komunistów. «Robotnik», 4 XI 1923.

⁴⁶ «Wyzwolenie», 2 XII 1923.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ A. F i d e r k i e w i c z. «Dobre czasy». Wspomnienia z lat 1922—1927. Warszawa, 1958, s. 135.

⁴⁹ SRP, Spr. st. 71, t. 13.

⁵⁰ SRP. Dr. № 719, 901.

частях страны — 180 га, на окраинах — до 400 га. Допускалось сохранение владений размером до 1120 га. Наряду с государственной parcelляцией могла проводиться добровольная parcelляция и свободная продажа земли самими собственниками и parcelляционными товариществами. Частные имения подлежали принудительному выкупу лишь в том случае, если добровольная parcelляция не обеспечивала предусмотренной законом ежегодной квоты. Разрешалось увеличение крестьянского хозяйства за счет покупки parcelлируемой земли до 25 га на территории этнографической Польши и до 45 га на окраинах. Кроме того, предусматривалось возобновление военного осадничества на территории восточных воеводств.

Проект комиссии принципиально не отличался от проекта министра С. Осецкого. Но в нем по сравнению с министерским проектом увеличивался максимум помещичьего и крестьянского землевладения и в большей мере учитывались интересы помещиков и кулаков. Поэтому оппозицией новый проект был расценен как очередная попытка правящего блока подменить аграрную реформу законом, который бы санкционировал частную parcelляцию земли.

Выступая с критикой законопроекта, представитель СКП Ю. Понятовский назвал преступлением передачу parcelляции частным учреждениям, указывая, что «дикая» parcelляция предоставит возможность получить землю не тем, кто в ней больше всего нуждается, а тому, кто за нее может больше заплатить. Считая оптимальной верхней границей землевладения 180 га, Понятовский осудил попытку правительства создать лазейку для сохранения крупного помещичьего землевладения. Позицию своего клуба по этому вопросу он аргументировал, в частности, тем, что при установлении максимума землевладения, предусмотренного законопроектом, закон теряет смысл, так как не обеспечивает необходимого для parcelляции и определенного проектом запаса земли. Рассматривая 45-гектарное крестьянское хозяйство как оплот экономического и политического консерватизма, Понятовский подверг критике стремление авторов законопроекта увеличить число кулацких хозяйств. Он предложил установить единый максимум землевладения на всей территории страны. Оценивая проект аграрного закона в целом как шаг назад, который перечеркивает все, до сих пор существовавшие принципы проведения земельной реформы, председатель СКП предложил комиссии разработать новый вариант⁵¹.

Еще дальше в критике проекта пошел представитель РКП ксендз Э. Оконь, который назвал его карикатурой, пародией на аграрную реформу. Он остановился на социальном, политическом и экономическом аспектах аграрной проблемы в стране. В заключение своего выступления Оконь огласил декларацию, в которой потребовал ликвидировать в течение двух лет все помещичьи имения свыше 50 га и создать «здоровые крестьянские хозяйства, предусматривая в первую очередь интересы солдат и инвалидов войны»⁵².

Подобным было отношение и ППС к законопроекту о parcelляции и осадничестве. Я. Квапиньский заявил, что этот проект свидетельствует о предательстве его авторами миллионных масс крестьянства и является ничем иным, как принятием подачки от помещиков. В декларации ППС по аграрному вопросу предусматривался максимум землевладения в 180 га, остальные земли должны были быть безвозмездно переданы государству. Размер parcelлы определялся в 5—15 га в зависимости от качества земли. Parcelлы могли приобретать в первую очередь сельскохозяйствен-

⁵¹ SRP, Spr. st., 86, l. 34—42; Dr. № 901, s. 15—16.

⁵² SRP, Spr. st. 88, l. 38—46.

ные рабочие, которые в результате парцелляции теряли работу, мелкие арендаторы земли данного имения, владельцы соседних карликовых хозяйств, затем — другие категории безземельного и малоземельного населения. Земля бесплатно передавалась сельскохозяйственным рабочим, проработавшим в данном имении не меньше 25 лет; остальные категории крестьянства могли купить землю у государства на условиях долгосрочного кредита. Реформа должна была проводиться государственными учреждениями под контролем представителей сельскохозяйственных рабочих, мелких арендаторов и малоземельных крестьян. Парцеллы не подлежали дроблению, земля не могла быть предметом частных торговых операций. Будучи сторонницей установления общественного контроля над производством, в том числе и сельскохозяйственным, ППС, учитывая наличие огромной массы карликовых хозяйств, соглашалась на увеличение частной собственности. Свою заинтересованность в проведении аграрной реформы она обосновывала тем, что земельный голод гонит крестьянство в города, где оно на рынке рабочей силы выступает серьезным конкурентом по отношению к городскому пролетариату, способствует удешевлению рабочей силы и тем самым ухудшает положение промышленных рабочих⁵³.

Примыкавшие в своей критике проекта к левым, представители НРП прежде всего отмечали, что закон рискует остаться на бумаге, так как в нем не предусматривается финансирование планируемых аграрных мероприятий. Однако в отличие от левых партий НРП ограничилась общим требованием «такого закона о парцелляции и осадничестве, который бы полностью гарантировал обеспечение жизненных интересов сельскохозяйственных рабочих и малоземельных крестьян»⁵⁴.

Депутаты Украинского и Белорусского клубов разоблачили буржуазно-помещичью сущность и националистическую направленность проекта. Они указывали, что парцелляция и осадничество не решают аграрной проблемы, так как не ведут к социально-экономической перестройке общества, что осадничество вредно не столько как средство колонизации, сколько как мероприятие, лишаящее земли малоземельное население окраин. Представители нацменьшинств расценивали законопроект как провокацию, которая преследует цель посеять рознь между польским, с одной стороны, и украинским и белорусским крестьянством — с другой. В связи с этим депутат Украинского клуба говорил в сейме: «Вы выкопали колоссальных размеров ров между одним и другим народами, такой ров, что лучшие польские силы будут вынуждены трудиться на протяжении нескольких десятков лет, чтобы согласовать требования одного и другого народа»⁵⁵. Требования, которые выдвигали депутаты Украинского и Белорусского клубов, сводились к устранению из законопроекта положений, дискриминирующих малоземельное население окраин. Так, были внесены поправки, ограничивавшие максимальные размеры крестьянского хозяйства 25 га по всей территории страны и предусматривавшие ликвидацию военного осадничества⁵⁶.

Следует отметить, что белорусские депутаты, солидаризируясь с депутатами Украинского клуба, шли дальше них в требованиях по аграрному вопросу. Высказываясь против законопроекта в целом, они считали, что аграрная реформа должна заключаться в конфискации помещичьих земель и их разделе среди крестьян без выкупа⁵⁷.

⁵³ Ibid., 86, t. 11—20.

⁵⁴ Ibid., 88, t. 12, 27.

⁵⁵ Ibid., 87, t. 57—61; 88, t. 32—35.

⁵⁶ SRP. Dr. № 901, s. 20.

⁵⁷ SRP, Spr. st. 88, t. 35.

Правые партии в основном одобряли законопроект. Представитель ННС заявлял в сейме: «Я должен еще раз подчеркнуть, что этот закон, возможно, и не вполне отвечает всем тем принципам, какие признает партия, которую я представляю. Но он является результатом компромисса, поэтому обе стороны, которые заключили этот компромисс, должны были пойти на уступки друг другу ради одной цели, а именно — чтобы в Польше могло существовать правительство, опирающееся на польское (парламентское. — *А. Т.*) большинство»⁵⁸. Исходя из этого, правые силы рассматривали законопроект как шаг вперед в решении аграрной проблемы в стране. 200 тыс. га земли они считали значительным количеством предназначенной для парцелляции земли, а установление высокого дифференцированного максимума землевладения рассматривалось ими как защита экономически развитых хозяйств. В качестве одного из достоинств законопроекта отмечалось увеличение в результате парцелляции прослойки сельской буржуазии⁵⁹.

Вместе с тем делались различного рода оговорки. Один из лидеров Христианско-национальной партии считал необходимым предварительные консультации с Ватиканом по вопросу о парцелляции церковных земель⁶⁰. Его поддержали представители НКП и ХД⁶¹. Эндещия, опасаясь серьезного конфликта с помещиками, пыталась оттянуть принятие аграрного закона. Представитель ННС в сейме прямо заявил, что проведение земельной реформы будет зависеть от состояния государственных финансов⁶². Смысл этого заявления был раскрыт в выступлении представителя Народно-католической партии. Логика его рассуждений была такова. Страна переживает глубокий финансовый кризис, что не позволило авторам проекта включить в него постановления, касающиеся финансирования аграрной реформы. Без государственных кредитов земельная реформа невозможна, так как нет гарантии, что беднейшие слои крестьянства получат землю. В этой ситуации необходимо отложить решение аграрного вопроса до тех пор, пока не будет решена финансовая проблема⁶³.

Таким образом, позиция правых сил свидетельствовала о том, что они не склонны были идти на уступки своему партнеру по блоку — ПСЛ-«Пяст» в решении аграрной проблемы.

ПСЛ-«Пяст» добивалось принятия законопроекта сеймом. Сделать это в условиях резкой оппозиции слева и саботажа аграрной реформы правыми силами было задачей сложной. Выступая в сейме, представитель ПСЛ-«Пяст» заявил: «...веря в вашу добрую волю по отношению к аграрной реформе, я вынужден обратиться к вам с призывом поспешить тому, чтобы она была проведена в жизнь как можно быстрее»⁶⁴. Однако это обращение было адресовано главным образом левым партиям. Видя в них основных противников проекта, ПСЛ-«Пяст» пыталось затушевать буржуазно-помещичий характер закона. Так, представитель партии в сейме особенно подчеркивал, что допускаемый проектом максимум землевладения в 1120 га ликвидируется, если не обеспечивается ежегодный парцелляционный контингент. Отстаивая максимальный размер увеличенного в результате парцелляции крестьянского хозяйства в 45 га, он говорил: «„Пяст“ является представителем не богатых крестьян, но стремится к тому, чтобы крестьянин в Польше был богатым». При этом

⁵⁸ Ibid., 86, I. 23.

⁵⁹ Ibid., I. 20—29; 87, I. 28—37.

⁶⁰ Ibid., 86, I. 29, 30.

⁶¹ Ibid., I. 46—48; 87, I. 30, 31.

⁶² Ibid., 86, I. 27.

⁶³ Ibid., I. 42—45.

⁶⁴ Ibid., 87, I. 80.

подчеркивал, что parcelлируемую землю в первую очередь должны получить малоземельные крестьяне и сельскохозяйственные рабочие⁶⁵. Однако, если сопоставить это с принципом вознаграждения землевладельцев и защитой частной parcelляции, то станет ясно, что на деле аграрная реформа в духе ПСЛ-«Пяст» была выгодной лишь зажиточным слоям деревни.

В ходе обсуждения законопроекта о parcelляции и осадничестве произошел очередной раскол ПСЛ-«Пяст». 14 декабря группа депутатов этой партии во главе с Я.Брылем и Я.Павловским покинула ее парламентский клуб и создала самостоятельную фракцию под названием «Польский союз людовцев» (ПСЛ). Лидеры этой оппозиционной группы в свое время были активными сторонниками соглашения с правыми партиями и создания на этой основе правительства польского парламентского большинства⁶⁶. Причиной выхода группы депутатов из парламентского клуба ПСЛ-«Пяст» было невыполнение правыми постановлений «Ланцкоронского пакта», касавшихся решения земельной проблемы, их не удовлетворял реакционный характер законопроекта о parcelляции и осадничестве. На заседании депутатского клуба партии они заявили: «Мы пошли на создание (польского парламентского. — А.Т.) большинства веря, что сумеем осуществить требования народа, особенно мы рассчитывали на то, что имущие классы решатся на жертвы в деле аграрной реформы. До сих пор пакт осуществлялся за наш счет, так как мы поддерживали требования правых, предусмотренные соглашением...; мы не можем далее нести ответственность за подобное положение»⁶⁷.

Раскол в депутатском клубе ПСЛ-«Пяст» имел далеко идущие последствия. Он ликвидировал парламентское большинство, на которое опиралось правительство Витоса, вынужденное вследствие этого подать в отставку. Одновременно с отставкой правительства была прервана в сейме дискуссия об аграрном законодательстве. Вопрос о земельной реформе был вновь отложен.

Распад польского парламентского большинства и отставка правоцентристского правительства вызвали нападки со стороны правящего блока в адрес оппозиционеров. В частности, лидер оппозиции Брыль обвинялся в преувеличенных политических амбициях, в конкуренции с Витосом, в стремлении отомстить последнему за то, что не получил в его правительстве министерского портфеля, наконец, в стремлении вести политическую борьбу ради самой борьбы⁶⁸. Не исключая возможности стремлений личного, престижного или карьеристского характера отдельных деятелей, в том числе и депутата Брыля⁶⁹, необходимо подчеркнуть, что основной причиной второго за полугодовой период раскола в депутатском клубе партии была ее политика, рассчитанная на решение земельного вопроса в союзе с реакционными буржуазно-помещичьими силами. Эта политика не пользовалась поддержкой значительной части избранных по списку ПСЛ-«Пяст» депутатов сейма. Она вызвала сопротивление части партийного руководства и рядовых членов партии на местах⁷⁰.

⁶⁵ Ibid., t. 70.

⁶⁶ M. R a t a j. Ibid., s. 161.

⁶⁷ Ibid., s. 174.

⁶⁸ S. G ł a b i ń s k i. Wspomnienia polityczne. Pelplin, 1939, s. 534, 535; M. R a t a j. Ibid., s. 174; W. W i t o s. Moje wspomnienia, t. III, s. 27; SRP, Spr. st. 159, t. 24. Ср. «Roczniki dziejów ruchu ludowego», t. V, 1963, s. 371.

⁶⁹ «Robotnik», № 110, 25 IV 1923.

⁷⁰ M. S t a ń s k i. Rozwój ruchu ludowego na Pomorzu Gdańskim. 1920—1926. Poznań, 1960, s. 114—119; W. C h u d a ń s k i. Ruch ludowy w województwie pomorskim. 1920—1939. Warszawa, 1970, s. 70—72.

Таким образом, приход к власти правоцентристского правительства и его реакционный политический курс, направленный на достижение внутренней стабилизации за счет ограничения прав и свобод трудящихся, привел к обострению политической борьбы в стране, прежде всего по вопросу об аграрной реформе. Попытка правительства решить аграрную проблему путем расширения масштабов парцелляции и продажи земли, усиления колонизации восточных окраин привела к активизации деятельности и кристаллизации позиций по этому вопросу различных политических групп и партий. Левые партии противопоставили законопроекту предложения, которые касались прежде всего способа проведения парцелляции, размеров землевладения и т. д. Из критических выступлений представителей левых партий складывался конкретный образ аграрной реформы, что являлось определенной предпосылкой к разработке нового проекта земельного закона.

Сопrotивление левых сил привело к отставке правоцентристского кабинета. Попытка протащить в сейме реакционный законопроект потерпела провал. Однако противоречия в левой оппозиции препятствовали объединению демократических и революционных сил в целях совместной борьбы за демократическую аграрную реформу. Не были изжиты антикоммунистические настроения, свойственные левым партиям, не соглашавшимся на какое-либо сотрудничество с революционными силами.

А. УЛУНЯВ

К ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ ХРИСТО БОТЕВА В РОССИИ НАКАНУНЕ СТАРОЗАГОРСКОГО ВОССТАНИЯ 1875 ГОДА

12 августа 1875 г. в Бухаресте под председательством П. Хитова состоялось заседание Народного собрания, созванного Болгарским революционным центральным комитетом (БРЦК) из представителей местных комитетов Болгарии и эмигрантских комитетов в Румынии. Собрание приняло решение о всеобщем восстании в Болгарии, для подготовки которого был избран новый состав БРЦК из пяти человек (так называемый «Комитет пяти»): Д. Ценович — председатель, Др. Шопов — кассир, д-р Хр. Чобанов — член комитета, Хр. Ботев — зам. председателя и Ив. Драсов — секретарь¹. По решению «Комитета пяти» в Болгарию для организации и руководства восстанием были направлены Ст. Стамболов — в Стара Загору, С. Танасов — в Сливенский р-н, П. Волов и М. Сарафанов — в Тырново, Ст. Драгнев — в Ловеч. На Н. Обретенова, И. Драгостинова и И. Х. Димитрова возлагалась задача поднять восстание в Русуке, Шумене, Разграде и Варне².

В решении собрания предусматривалась помощь повстанцам болгарскими четами, которые будут сформированы в эмиграции под руководством П. Хитова и Ф. Тотю и переправлены в Болгарию. Чтобы вызвать панику в среде противника и отвлечь его внимание, группе из шести человек во главе с Ст. Заимовым, среди них находился и Г. Бенковский³, было поручено поджечь столицу Османской империи — Константинополь.

20 августа 1875 г. Ботев по заданию «Комитета пяти» выехал в Россию для сбора средств среди болгарской эмиграции, приобретения оружия и встречи с Ф. Тотю, которому вез письмо от БРЦК с просьбой приехать в Румынию и заняться формированием чет. Ботев посетил Кишинев, Николаев, Одессу, где развернул широкую кампанию по сбору средств и закупке оружия. Имелись сведения о возможном уходе в отставку офицеров русской службы, болгар по национальности, готовых выехать в Болгарию для участия в восстании⁴. Один из офицеров русской армии, бол-

¹ Последовательность фамилий дается по протоколу Народного собрания от 12 VIII 1875. См. «Освобождение Болгарии от турецкого ига». Сб. док., т. I. М., 1961, стр. 70; распределение должностей — по кн.: Е. З. Волков. Христо Ботев (На заре балканского революционного коммунизма). М.—Пг., 1923, стр. 196; Д. Косев. Новая история Болгарии. М., 1952, стр. 371.

² А. Бурмов. Български революционен централен комитет 1868—1877. София, 1950, стр. 138—140.

³ Н. Обретенов. Спомени за българските въстания. София, 1970, стр. 180; З. Стоянов. Записки по българските въстания. Съчинения, т. I. София, 1965, стр. 190, 191; Ст. Заимов. Миналото, очерци и спомени. София, 1969, стр. 11, 12.

⁴ Хр. Ботев. Съчинения. Ред. и коментарь отъ А. Бурмов, том първи. София, 1948, стр. 255; Хр. Македонски. Записки на Христо Н. Македонски 1852—1877. София, 1973, стр. 152.

гарин И. Кишельский пожертвовал на подготовку восстания 300 руб. и 30 револьверов⁵.

30 августа 1875 г. Ботев из Николаева в письме к М. Грекову, который в то время учительствовал в болгарском с. Преслав Бердянского уезда, выражал удовлетворение своей поездкой в Россию и надежду, что в скором времени в Болгарии вспыхнет восстание, а воеводы Хитов и Тотю с четами переправятся к повстанцам. В том же письме он по секрету сообщал о готовящемся поджоге Константинополя «в 30—40 местах». Закачывая письмо, Ботев уведомлял Грекова, что после возвращения в Бухарест он выедет в Петербург⁶. Во время своего пребывания в Николаеве Ботев посетил Т. Н. Минкова, управляющего южно-славянским пансионом. Видный деятель болгарской буржуазной эмиграции в России Минков поддерживал тесные связи со славянофильскими кругами и Азиатским департаментом МИД России.

Для понимания роли Минкова в болгарском национально-освободительном и революционном движении и выяснения вопроса о деятельности Хр. Ботева в России накануне Старозагорского восстания 1875 г. обратимся к письмам Минкова от 29 января 1876 г. товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу и от 31 января 1876 г. военному министру Д. А. Милютину, до настоящего времени не известным советским и болгарским ученым. В этих письмах Минков в связи с возникшим Восточным кризисом излагал свои соображения о политическом положении в славянских странах Балканского полуострова. В письме к Гирсу Минков, в частности, рассказал и о своей встрече с Ботевым. «В августе месяце приезжал ко мне, — писал Минков, — член революционного комитета г-н Ботев и объявил, что восстание назначено на 17 сентября и спрашивал моего совета. Он сообщил мне, что до 50 человек болгар отправились в Константинополь, чтобы поджечь его в разных местах, что будет служить сигналом восстания в провинциях. Я не одобрил этого и доказал г-ну Ботеву, что мы, болгары, чрез подобный поступок упадем нравственно в глазах Европы, потому что при пожаре потеряют не турки, а европейские капиталисты, следовательно негодование Европы против болгар будет неизбежно. Г-н Ботев одобрил мое мнение, вызвал из Константинополя одного болгарина и убедил его отказаться от принятого намерения — сжечь Константинополь»⁷ (выделено мною. — А. У.).

Судя по письму Минкова, поджог столицы Османской империи был отменен по политическим соображениям. Однако представляет интерес, кого же Ботев вызвал в Одессу.

В болгарской и советской исторической литературе причину несостоявшегося поджога Константинополя некоторые авторы объясняют отсутствием материальных средств для окончательного завершения готовящейся диверсии⁸, другие — вообще не касаются причины отмены⁹.

⁵ А. Б о я д ж и е в. Иваница Данчев. Варна, 1901, стр. 26, 27.

⁶ Х р. Б о т е в. Съчинения..., стр. 255, 238.

⁷ «Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Балканском полуострове», вып. VI. СПб., 1911, стр. 3.

⁸ З. С т о я н о в. Записки..., стр. 190, 191; А. Б о я д ж и е в. Там же, стр. 54, 55; Д. Т. С т р а ш и м и р о в. История на Априлското въстание, т. I. Пловдив, 1907, стр. 183—187; И в. А в д о н о в. Из спомените ми от турско време. Пловдив, 1927, стр. 71, 72; С. А. Н и к и т и н. Революционная борьба в Болгарии в 1875—1876 годах и Апрельское восстание. Сб. Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1953, стр. 20, 22; «История Болгарии», т. I. М., 1954, стр. 280—281; «Освобождение Болгарии...», т. I. М., 1961, стр. 90, 91; К. Н. Д е р ж а в и н. Христо Ботев. М., 1962, стр. 285; К. К о с е в, Н. Ж е ч е в, Д. Д о й н о в. История на Априлското въстание 1876. София, 1976, стр. 179.

⁹ Н. О б р е т е н о в. Там же, стр. 180; Х р. М а к е д о н с к и. Там же, стр. 150; М. Д и м и т р о в. Там же, стр. 133—135; Н. С. Д е р ж а в и н. История Бол-

Сведения Минкова из его письма Гирсу о причине отмены поджога Константинополя в какой-то мере совпадают со сведениями болгарских ученых Д. Страшимирова и А. Бурмова. Так, например, известно, что в Константинополь должен был направиться курьер БРЦК Ил. Вылчев, с деньгами для группы Заимова, однако, поездка не состоялась, а Бенковский, который выехал из Константинополя в Браилу с целью выяснения причины задержки Вылчева, послал в Константинополь телеграмму, что Вылчев не приехал и «этим был положен конец всей затее»¹⁰, или как писал Бурмов, константинопольская группа получила телеграмму из Бухареста с указанием «ничего не предпринимать и вернуться обратно»¹¹. К сожалению, болгарские ученые не пишут, от кого исходило решение отменить поджог, когда была послана телеграмма в Константинополь, а самое главное, кто явился инициатором отмены поджога. Ведь поджог, судя по письму Минкова к Гирсу, должен был служить сигналом к восстанию в провинциях. О том, что сигналом к восстанию «послужат пожары укрепленных городов, в коих сосредотачивается окружное турецкое управление», сообщал 11 сентября 1875 г. в своем донесении секретарь русского генерального консульства в Руцук И. П. Крылов русскому послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву¹². О поджоге как о сигнале к восстанию писал и Обретенов, участник заседания 12 августа 1875 г. в Бухаресте, на котором было принято решение о восстании¹³. Сообщение Крылова совпадает со сведениями Минкова о готовящемся поджоге Константинополя. Следовательно Ботев действительно говорил Минкову о поджоге, и мы можем поверить Минкову, что Ботев назвал 17 сентября днем восстания в Болгарии. О том, что Ботев, доверял Минкову и посвятил его в планы БРЦК, можно судить по его письму Грекову, в котором он просил последнего проявить инициативу в сборе денег для предстоящего восстания и отсылать их Минкову¹⁴. Что же касается осведомленности Крылова, то русское генеральное консульство в Руцук получало информацию от жителя Руцука Обретенова, непосредственно участвовавшего в революционном движении¹⁵. О связях Обретенова с драгоманом (переводчиком) генерального консульства в Руцук Д. Карамихайловым сообщается в воспоминаниях самого Обретенова, которому Карамихайлов помог бежать в Румынию после провала Старозагорского восстания¹⁶. Донесение Крылова из Руцука свидетельствует, что, пользуясь услугами осведомителей, русские консульства в Болгарии имели довольно точное представление о деятельности «партии действия». Так, например, русский консул в Адрианополе И. А. Иванов в своем донесении Игнатьеву от 15 августа 1875 г., анализируя создавшееся положение в Болгарии в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине, писал: «Если, таким образом, болгарский народ еще в массе не готов на дело освобождения, то некоторые отдельные развитые личности из болгар смотрят восторженно на вос-

гари, т. IV. М.—Л., 1948, стр. 159; Д. Косев. Новая история Болгарии. М., 1952, стр. 371; А. Бурмов. Христо Ботев и неговата чета. София, 1974, стр. 40; К. А. Поглюбок. Очерки истории болгаро-русских революционных связей. Кишинев, 1972, стр. 209; И. В. Унджиев, Ц. В. Унджиева. Христо Ботев. Живот и дело. София, 1975, стр. 544, 546.

¹⁰ Д. Т. Страшимиров. Там же, т. I, стр. 185, 213.

¹¹ А. Бурмов. Български революционен централен комитет..., стр. 142.

¹² А. Улунян. Нови документи за революционата дейност на Л. Каравелов, В. Левски, Хр. Ботев и П. Хитов из руските дипломатически архиви. «Исторически преглед», № 5, 1969, стр. 88.

¹³ Н. Обретенов. Там же, стр. 180.

¹⁴ Хр. Ботев. Съчинения..., стр. 255.

¹⁵ А. Улунян. Там же, стр. 86.

¹⁶ Н. Обретенов. Там же, стр. 183, 194—196; «Освобождение Болгарии...» т. I, стр. 93.

стане в Герцеговине и по их мнению настала та минута, в которую Россия, наконец, исполнит свою нравственную обязанность относительно угнетенных соплеменных с нею славянских народов. Лица эти уверены, что Россия, обладая теперь замечательно сильным дипломатическим положением и тройными, в сравнении с прежними, военными силами, конечно, никогда не решится потерять своего влияния на славян, не оказав им и теперь деятельной помощи...

Такого рода убеждения были мне сообщены между прочим одним из весьма развитых болгар, объехавшим на прошедшей неделе всю Фракию и особенно делавшим свои наблюдения в Сливно, Ямболе и Эски-Загре»¹⁷.

Русскому генеральному консульству в Руцуке было также известно, что по решению БРЦК от 12 августа 1875 г. в Болгарию направились Обретенов, Волов, Стамболов. 31 августа Крылов доносил Игнатьеву: «Трое эмиссаров прошли страну в направлении от Руцука до Варны, от Тернова, Балкан и Адрианополя до Константинополя (имена их генеральному консульству известны, и в этом факте я не сомневаюсь). Настроение страны найдено ими благоприятным для восстания... Эмиграция решилась произвести вооруженную попытку в Болгарии. Хитов назначен главным воеводой...»¹⁸. В то время, когда Крылов писал свое донесение, местопребывание Ботева, выехавшего в Россию по комитетским делам, оставалось неизвестным.

В болгарской и советской исторической литературе до настоящего времени неясным остается вопрос о местопребывании Ботева с 30 августа до 20 сентября 1875 г.¹⁹. Нам представляется, что этот срок можно сократить — с 31 августа по 17 сентября 1875 г., исходя из следующих фактов. Известно, что Ботев 30 августа, находясь в Николаеве, написал письмо Грекову, а 20 сентября русский консул в Галаце А. С. Ромашенко в своем донесении генеральному консулу в Бухаресте И. А. Зиновьеву сообщал, что «двое из болгарских предводителей Тотю и Ботев, в среду прибыли из Одессы и отсюда тотчас выехали в Бухарест...»²⁰. Среда — это 17 сентября, следовательно уже с этого числа известно местонахождение Ботева!

Таким образом, остается невыясненным местопребывание Ботева с 31 августа по 17 сентября 1875 г. В ряде исследований болгарских и советских ученых по истории революционного движения в Болгарии в 1875 г. вопрос о продолжительности пребывания Ботева в России накануне Старозагорского восстания 1875 г. и о его местонахождении в период восстания вообще опускается²¹. Советские ученые академик Н. С. Державин и Л. В. Воробьев в своих монографиях о Ботеве, пишут, что Ботев вернулся из России до начала восстания, но не аргументируют это ссылками на источники²². Известный ботевовед болгарский академик М. Димитров мотивирует долгое отсутствие Ботева в Бухаресте его поездкой в Константинополь²³. Этому же мнению придерживаются проф. Ив. Унджиев и советский ученый К. Н. Державин. Лишь Е. З. Волков писал, что Ботев

¹⁷ «Архив внешней политики России», ф. Посольство в Константинополе, 1875, д. 1021, л. 70—73.

¹⁸ «Освобождение Болгарии...», т. I, стр. 92.

¹⁹ М. Димитров. Там же, стр. 135, 136; Ив. Унджиев, Цв. Унджиева. Там же, стр. 551.

²⁰ М. Димитров. Там же, стр. 136.

²¹ Д. Страшимиров. Там же, т. I, стр. 181—215; А. Бурмов. Болгарски революционен централен комитет..., стр. 138—142; Д. Косев. Новая история Болгарии. М., 1952, стр. 317—377; С. А. Никитин. Там же, стр. 19—22; К. Косев, Н. Жечев, Д. Дойнов. Там же, стр. 177—224.

²² Н. С. Державин. Там же, т. IV, стр. 159; Л. В. Воробьев. Христо Ботев. М., 1953, стр. 125.

²³ М. Димитров. Там же, стр. 136—137; Ив. Унджиев, Цв. Унджиева. Там же, стр. 549—554; К. Н. Державин. Там же, стр. 282.

находился в России до своего возвращения в Бухарест, но, к сожалению, он не подтверждает это документальными данными ²⁴.

В настоящее время болгарская историческая наука по вопросу местонахождения Ботева с 31 августа по 17 сентября располагает только материалами допроса турецким судом Заимова, арестованного в период Апрельского восстания 1876 г. В своих показаниях Заимов утверждал, что Ботев приезжал в сентябре 1875 г. в Константинополь для встречи с Игнатиевым. Показания Заимова о Ботеве упоминаются в воспоминаниях И. Данчова ²⁵ и М. Балабанова ²⁶. Учитывая стремление Заимова избежать смертной казни, болгарские историки признают, что Заимов мог вести суд в заблуждение, давая ложные показания ²⁷. Основательное сомнение в показаниях Заимова вызывает и то, что впоследствии в своих воспоминаниях, а также публицистических выступлениях по поводу биографии Хр. Ботева, написанной З. Стояновым, Заимов не упомянул о поездке Ботева в Константинополь ²⁸. О несоответствии показаний Заимова действительности приводит убедительные доводы болгарский ученый И. Митев ²⁹. Однако акад. Димитров, признавая, что других материалов о поездке в Константинополь и встрече Ботева с Игнатиевым нет, а сведения Заимова единственные и очень скудные, в то же время считает вполне вероятной и возможной поездку Ботева в Константинополь для встречи с «первым политиком и дипломатом на востоке» Игнатиевым. Димитров аргументирует это долгим отсутствием Ботева в Бухаресте ³⁰, а Унджиев даже считает, что «все эти соображения не дают нам основания отрицать поездку Ботева в Константинополь и встречу с графом Игнатиевым» ³¹.

Постараемся по имеющимся у нас документальным данным определить местопребывание Ботева с 31 августа по 17 сентября 1875 г., так как это имеет немаловажное значение для воссоздания истории подготовки Старозагорского восстания в Болгарии.

«Комитет пяти» энергично взялся за подготовку к восстанию. По его решению Ботев направился в Россию по маршруту Кишинев—Одесса—Николаев. В письме из Николаева от 30 августа Ботев сообщил Грекову, что «уже три дня как я в Николаеве с миссией комитета. Объехал Кишинев, Одессу, Николаев...». Заканчивая письмо, Ботев писал: «Я еду в Бухарест, а оттуда в Петербург» ³². Однако в Бухарест Ботев не вернулся и не написал в БРЦК, куда намерен направиться, но на адрес БРЦК, вернее редакции газеты «Знаме», Ботев послал телеграмму из Николаева, на которой нет дат отправления и получения. До настоящего времени дата телеграммы не установлена ³³. Исходя из письма Грекову от 30 августа можно определить, что Ботев находился в Николаеве с 28 августа.

²⁴ Е. З. Волков. Там же, стр. 198.

²⁵ И. Данчов. Живот и поборническата му дейност в свръзка с движението на Ботевата чета през 1869—1876. Варна, 1901, стр. 28—38.

²⁶ М. Д. Балабанов. Страница от политическото ни възраждане. София, 1904, стр. 5.

²⁷ И. Димитров. Там же, стр. 135—137; Ив. Унджиев, Цв. Унджиева. Там же, стр. 550.

²⁸ Ст. Заимов. Миналото. Етюди върху «Записките» на Зах. Стоянов. София, 1895.

²⁹ И. Митев. К вопросу о роли Стояна Заимова в болгарском освободительном движении. «Вопросы истории», М., 1959, № 9, стр. 153.

³⁰ М. Димитров. Там же, стр. 136.

³¹ Ив. Унджиев, Цв. Унджиева. Там же, стр. 551.

³² Хр. Ботев. Съчинения..., стр. 255.

³³ Впервые ботевская телеграмма была опубликована З. Стояновым в 1888 г. в книге «Христо Ботев. Опит за биография». См. Хр. Ботев. Съчинения..., стр. 254, 538.

В телеграмме, предназначенной для БРЦК, Ботев сообщал, что «в среду 27 августа встречался с одесскими» (имеются в виду болгарские эмигранты в Одессе), следовательно, 27 августа Ботев находился в Одессе. Не исключено, что после упомянутого письма Грекову от 30 августа, он послал телеграмму в Бухарест. О том, что после 30 августа Ботев мог находиться в России, в Николаеве, свидетельствует, во-первых, указание им обратного адреса в Николаеве (по-видимому, он надеялся на ответ из Бухареста), во-вторых, из письма Грекову мы знаем, что оружие Ботев должен был взять в Одессе, следовательно он намеревался выехать в Одессу?! Эти строки из Ботевского письма подтверждаются известным нам письмом Минкова от 29 января 1876 г. Вот отрывок из письма: «Желая, чтобы разговор мой с г-м Ботевым не шел вразрез с действиями вашего правительства, — писал Минков Гирсу, — я объявил Ботеву, что служебные дела призывают меня в Одессу в канцелярию Одесского учебного округа; *со мной отправился и Ботев в Одессу* (выделено мною. — А. У.). Цель моей поездки заключалась в том, чтобы предупредить П. А. Лицберга и командующего войсками о причине приезда Ботева: узнать как должен я поступить в этом случае, и не имеют ли они каких-либо инструкций. Сообщил командующему войсками свое мнение, которое он одобрил. После разговора с вышеупомянутыми личностями сумел доказать Ботеву, что не так и не с такими средствами делается восстание и что подобное восстание ухудшит, а не улучшит положение болгар. При этом прибавил, что трудно помочь и родному брату, если он плохо ведет свои дела; точно так же ни одно правительство не вправе по закону международных прав помогать нам, пока не доведем дело свое до того, чтобы заслужить всеобщее участие; наконец, указал ему на несостоятельность болгарского революционного комитета, на ничтожные средства, которыми они располагают, и на этнографическое и географическое положение Болгарии. Пусть, прибавил я, не восторгаются восстанием герцеговинцев, Болгария не имеет таких гор и таких соседей, как Герцеговина, т. е. храбрых и отчаянных черногорцев и образованных и сведущих в военных делах австрийских славян.

Что же касается подстреканий Сербии к восстанию Болгарии... Пусть прежде Сербия покажет пример, и мы готовы будем переносить с нею все, а пока Сербия покойна, благоразумнее и нам оставаться покойными...»³⁴.

Минков, учитывая стремление русского правительства ограничить районы Восточного кризиса на Балканах и мирным путем добиться урегулирования восстания в Боснии и Герцеговине, что полностью соответствовало его убеждениям, старался оказать влияние на Ботева, как представителя БРЦК, доказывая несвоевременность и неподготовленность предстоящего восстания в Болгарии. Эти же вопросы затрагивает Минков и в письме к Милютину от 31 января 1876 г. «Я старался, — писал Минков, поставить себя так, чтобы мое слово: „восстать или не восстать“ имело бы влияние. Чтобы исполнить первое, я могу распоряжаться и из Николаева, но чтобы исполнить второе, мне кажется, необходимо будет самому отправиться за границу. Дорожа своею народною честью, я сумею уверить ваше высокопревосходительство, что ничего не сделаю без согласия России, чтобы этим не подать повод врагам славян сказать, что Россия доверяет болгарам, а они злоупотребляют доверием...»³⁵.

Приведенные выше отрывки из писем Минкова позволяют констатировать, что управляющий южнославянским пансионом пользовался авторитетом среди деятелей болгарского национально-освободительного и

³⁴ «Особое прибавление...», вып. VI, стр. 4.

³⁵ «Особое прибавление...», вып. VI, стр. 2.

революционного движения, а письмо Минкова Гирсу дает нам ответ на остававшийся до сих пор неизвестным вопрос о местопребывании Ботева после 30 августа.

О поездке в Одессу и его стараниях получить оружие пишет и Романенко в донесении русскому генеральному консулу в Бухаресте Зиновьеву от 20 сентября 1875 г.: «...Говорят также, что Ботев ходатайствовал о выдаче ему каких-то 12 тыс. ружей, но что Одесский градоначальник отказал ему»³⁶.

Итак, все усилия Ботева достать оружие в Одессе были безрезультатны. Этого можно было вполне ожидать, если вспомнить беседу Минкова с Ботевым о несвоевременности восстания и связях Минкова с официальными должностными лицами русской администрации. Но потерпев неудачу в Одессе, Ботев не выехал из России, а направился в Кишинев совместно с Ф. Тотю и посетил Киприяновский монастырь, о чем свидетельствует записная книжка Хр. Ботева, в которой отмечены расходы на дорогу³⁷. О вторичной поездке Ботева в Кишинев и посещении Киприяновского монастыря в надежде получить от болгарских настоятелей монастыря материальную помощь в пользу национально-освободительного движения пишет и советский историк К. А. Поглубко в своей недавно вышедшей монографии³⁸.

Итак, Ботев с третьей декады августа и до середины сентября 1875 г. находился в России. Начав свой путь в Россию по маршруту Кишинев — Одесса — Николаев, он вновь вернулся в Одессу, далее вторично в Кишинев и через Одессу направился в Галац-Бухарест. Таким образом, исходя из всего вышесказанного, подтвержденного документальными данными, можно констатировать несостоятельность бытующей до настоящего времени в исторической литературе версии о поездке Ботева в Константинополь в сентябре 1875 г.

³⁶ М. Димитров. Там же, стр. 136.

³⁷ Хр. Ботев. Съчинения..., стр. 265.

³⁸ К. А. Поглубко. Христо Ботев и Россия. Кишинев, 1976, стр. 158.

А. С. МЫЛЬНИКОВ

В. Н. ТАТИЩЕВ И «ЧЕШСКАЯ ХРОНИКА» В. ГАЕКА

Хотелось бы обратить внимание на два взаимно связанных вопроса — на вклад замечательного русского историка В. Н. Татищева в изучение общеславянской проблематики и на возникший при этом любопытный пример типологического схождения в оценке древнейшей истории чешского народа В. Н. Татищевым и Г. Добнером. Последнее имеет и определенное принципиальное значение.

Несомненно, что некоторые, сходные по времени, явления культуры у разных славянских народов являются следствием не только прямых либо даже опосредствованных двух- или многосторонних связей, но и социально-типологической общности или, по крайней мере, близости объективных социокультурных условий. При этом непосредственное взаимодействие национальных культур может играть минимальную роль, а подчас и вовсе отсутствовать. Изучение подобных ситуаций имеет существенное значение для более полного понимания механизма историко-культурного развития вообще.

Биография В. Н. Татищева отмечена чертами, присущими многим деятелям русской науки и культуры петровского и послепетровского времени. Судьба была то благосклонна, то жестока к Татищеву, чья жизнь богата внешними событиями и приключениями. Он был отнюдь не заурядным человеком — не случайно он привлекал к себе внимание А. С. Пушкина, которому приписывается очерк «О Татищеве»¹.

В развитие русской исторической науки В. Н. Татищевым был внесен существенный вклад. «Он впервые в России подготовил публикацию исторических источников, положил начало исторической географии, написал „Историю российскую“, применив впервые критический метод исследования источников с учетом всех достижений тогдашней исторической науки»². Наиболее плодотворными в этом смысле были 30—40-е годы XVIII в., когда критицизм В. Н. Татищева достиг максимального развития. «К русским и иностранным источникам и произведениям, имеющим отношение к русской истории, — замечал С. Л. Пештич, — Татищев всегда подходил с точки зрения рационалистической критики их»³. О прекрасной осведомленности В. Н. Татищева в важнейшей европейской исторической и философской литературе хорошо известно. Об этом свидетельствовала,

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. Изд. 2, т. 7. Критика и публицистика. М., 1958, стр. 607—614. В основе статьи, найденной среди бумаг А. С. Пушкина в писарской копии, лежит очерк В. Н. Берха «Жизнеописание тайного советника Василия Никитича Татищева, бывшего советника берг-коллегии и начальника всех сибирских горных заводов» (стр. 726).

² «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. Под ред. М. Н. Тихомирова, М. А. Алшатова и А. Л. Сидорова. М., 1955, стр. 180—181.

³ С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. 2. Л., 1965, стр. 145.

например, критическая переработка им «Лексикона» И. Гюбнера. По этому поводу Страленберг писал И. Фришу 12 марта 1725 г. следующее: «Он взял на себя труд составить примечания ко всем статьям о России в *Staats und Zeitung Lexicon* Гюбнера. Татищев сам напишет об этих примечаниях Гюбнеру, обещая ему их переслать. Если бы у меня было время, я списал бы для вас копию этих примечаний, так как в них очень много интересного, в словаре не осталось ни одной статьи, в которую Татищев не внес бы свои исправления»⁴.

Можно лишь сожалеть, что этот, судя по всему, интересный труд не сохранился.

«Вообще, следует отметить, — писал С. Л. Пештич, — что русский исследователь был в курсе достижений новейшей исторической мысли своего времени»⁵. Как показало изучение наследия Татищева, особое воздействие на формирование его исторических взглядов из авторов XVIII в. оказали Лейбниц и Хр. Вольф⁶.

Передовой для того времени метод научного исследования, применявшийся В. Н. Татищевым, был, несомненно, органически связан с общим характером его мировоззрения. Он был одним из видных идеологов прогрессивных слоев русского дворянства, выступавшего за развитие петровских реформ⁷.

Свои воззрения на задачи исторической науки В. Н. Татищев изложил в обширном предисловии к «Истории российской». Указав, что историческая наука изучает события человеческого прошлого, он пояснял: «Причины же всякому приключению разные, яко от бога или от человека». При этом В. Н. Татищев подчеркивал патриотические задачи исторического исследования, с помощью которого «неприятелей наших... басни и сущие джи к поношению наших предков вымышленные обличатся и опровергнутся». Отсюда он делал вывод о первостепенной важности для каждого народа разработки своей национальной истории.

Историю русского народа В. Н. Татищев рассматривал не изолированно, а в связи с историей других, прежде всего славянских, народов. Не подлежит сомнению, что В. Н. Татищев едва ли не первым из русских историков-профессионалов нового времени ввел чешскую тему в круг истории русского народа (особенно в разделы, посвященные начальному периоду истории России). В свое время, например, крупнейший знаток истории чешско-русских связей А. В. Флоровский отметил упоминание В. Н. Татищевым имени Яна Гуса, ссылки на примеры русско-чешских контактов и указание на «повреждение» чешского языка в XVII в.⁸

К сожалению, в литературе эти интересные наблюдения развития не получили. Но можно ли ограничиться простой констатацией таких упоминаний? В сущности упоминание каких-либо сюжетов или источников иностранного происхождения тем или иным автором в равной мере может носить и случайный и закономерный характер. И потому существенна не столько констатация подобных ссылок и упоминаний, как бы любопытны сами по себе они ни были, а выяснение причин, контекста и целей их появления. И характерно, что недавно, в связи с полемикой вокруг вопро-

⁴ А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по истории России. В кн. В. Н. Татищев. История российская, т. I. М.—Л., 1962, стр. 8.

⁵ С. Л. Пештич. Там же, стр. 143.

⁶ Там же, стр. 132. Автор ссылается при этом на труды Б. Н. Сыромятникова «Традиционная теория русского исторического развития» (рукопись, хранящаяся в ГИИ), Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» (М., 1941, стр. 51—64) и на «Историографию истории СССР» (М., 1961, стр. 78, 80).

⁷ «История философии в СССР», т. I. М., 1968, стр. 279.

⁸ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I. Прага, 1935, стр. 50; т. 2, 1947, стр. 86, 417, 450.

са об использовании В. Н. Татищевым летописных материалов, один из чехословацких историков справедливо отметил необходимость более основательного, чем до сих пор, изучения татищевских известий по чешской истории⁹.

Знание истории чешского народа В. Н. Татищев обнаружил сравнительно рано, о чем, например, свидетельствуют такие его труды начала 1730-х годов, как «Примечания на книгу, учиненную г-ном Стралембергом, имянуемую северно-восточные страны Европы и Азии, печатанной в 1730 г. в Стокгольме» и «Разговор о пользе наук и училищ» (1733). В последней работе подчеркивалась роль книгопечатания в распространении образованности и «света истинного разума». Для Татищева Ян Гус — среди тех, кто боролся против средневекового мракобесия, за свободу мысли, против всевластия католической иерархии и папской власти. Кроме Виклефа и Гуса, среди тех, кто выступали против папы римского и «не боясь проклятия его истину доказали», В. Н. Татищев называет еще Г. Гроция, Пуфендорфа, Декарта, Коперника, Галилея и Араго¹⁰.

Но если подобные ссылки могут быть сочтены за случайные, то неоднократные упоминания в «Истории российской» имени чешского историка XVI в. Вацлава Гаека и его труда «Чешская хроника» (впервые изданного на чешском языке в Праге в 1541 г.) имели совершенно иной характер уже потому, что необычна судьба этой книги и ее роль в идейной жизни Чешских земель XVIII в.

Наполненная баснословными, фантастическими известиями относительно древней истории Чехии, благодаря прокатолической и антигуситской позиции автора, «Чешская хроника» оказалась среди немногих старых чешских книг, уцелевших от запрещения и физического истребления в период разгула контрреформации после утраты чешским народом независимости в 1620 г. По этой причине, а также благодаря несомненному литературному таланту В. Гаека «Чешская хроника» до середины XVIII в. стала едва ли не единственным, легко доступным пособием по истории Чехии как в стране, так и за рубежом.

Позднее научная оценка «Чешской хроники» окажется в центре ожесточенной идеологической борьбы приверженцев идей Просвещения с историками-староверами и консервативно-клерикальными кругами не только в Чехии, но и в Европе¹¹. Но это произойдет уже спустя 12 лет по смерти В. Н. Татищева.

И тем более важно уяснить, каково же было отношение русского ученого к чешскому литературно-историческому памятнику XVI в.

К «Чешской хронике» В. Н. Татищев обращался нередко. Так, повествуя о крещении отдельных славянских народов и о легендарном изобретателе славянского алфавита Иерониме (IV в.), В. Н. Татищев замечал: «Обаче сии сказания Гагеция, Кромера, Стрыковского и других ово недостаточны и неясны, оно и недостоверны»¹². Столь же скептически отнесся В. Н. Татищев к утверждению В. Гаека о том, что у чехов хранится грамота славянам, будто бы выданная Александром Македонским. «Сию грамоту, — писал В. Н. Татищев, — он точно положил, сказуя оную в Боемии, а боемский историк Гагеций сказует в монастыре, из Моравии

⁹ D. T ř e š t í k. (Рец.) Б. А. Рыбаков. В. Н. Татищев и летописи XII в. «Ceskoslovenský časopis historický», 1971, № 4, s. 599.

¹⁰ В. Н. Т а т и щ е в. Разговор о пользе наук и училищ. С предисл. Н. Попова. М., 1887, стр. 54.

¹¹ Подробнее см. М. К u d ě l k a. Spor Gelasia Dobnera o Hájkovu Kroniku. Praha, 1964; е г о ж е. Gelasius Dobner. «Věstník CSAV», 1969, s. 205—222.

¹² В. Н. Т а т и щ е в. История российская, т. 1. М.—Л., 1962, стр. 103. См. также стр. 94, 212.

принесенную. Однако ж о ней никто более не упоминает, для того вероятно, что нигде ее не было, а после уже, мною, неким в Боемии и или Моравии сложена, которую и наш новгородец в предисловие Степенной внес»¹³.

Однако основной заряд критики В. Н. Татищев направил на пропагандировавшуюся Гаеком версию о происхождении имени чешского народа от имени «праотца Чеха». Еще в упоминавшихся выше «Примечаниях» на книгу Страленберга В. Н. Татищев писал: «Так власно вымысел польских гисториков и Гагециа о Чехе, Лехе, и Русе, трех братьях, никоего основания не имеет, ибо видимо, что они тех своих князей, хотя без всякого довода, вместе полагают и от них родословие производят»¹⁴. Из приведенных строк видно, что В. Н. Татищев, отвергая историчность легенды о «трех братьях», рассматривал ее как генеалогический вымысел уже в 1730 г. Это важно подчеркнуть, ибо в то время не только в чешской и польской но и немецкой литературе историчность легенды о «трех братьях» не ставилась под сомнение¹⁵. Так в разделах, посвященных чешской и польской, истории, И. Гюбнер без каких-либо оговорок называл Чеха и Леха основоположниками чешского и польского народа. А ведь Гюбнер был одним из наиболее популярных европейских авторов конца XVII—начала XVIII в., и выпускавшиеся им справочники во многих изданиях широко расходились по разным странам. Среди помещенных в них сведений содержались и материалы по истории славянских народов, в частности, очерки по истории Чехии и Моравии, в которых упоминались легенды о «праотце Чехе» и т. п.¹⁶

Более подробно эти мысли были развиты В. Н. Татищевым в «Истории российской». Например, к сведениям о славянах у Страбона он дает следующее примечание: «Но сие, видимо, о Боемии говорит, где изгнав боев, геты и галлы вселились, чем Гагециево и польских сложенная басня о князех Чехе и Лехе, пришедших в 500 лет по Христе, опровергается»¹⁷. К этому сюжету В. Н. Татищев обращался неоднократно. В главе «Западные славяне» В. Н. Татищев говорит: «За Слезиею к западу королевство Чешское, или Боемское, было весьма знатно. Имя чехи какого языка, подлинно неизвестно. Гагеций или кто прежде его басню выдумал, якобы в 500 лет во Христе из Моравии князи славенские Чех и Лех с войски пришед, и един Боемию, другой Польшу обладали и населили»¹⁸. Этот взгляд на явную мифичность сообщаемых Гаеком сведений В. Н. Татищев излагал еще и в первой редакции своего труда¹⁹. Но не ограничившись этими сомнениями В. Н. Татищев выдвинул собственную гипотезу о происхождении чешского народа и его имени, оговорившись, что «подлинно неизвестно» «от чего чехи назвались»: «А паче, мною, славене в Европу первое из Колхиса пришли... В Колхисе же был предел Зихиа или по славенскому Чехиа... то может, из оной части пришедшая чехи именовались. Но сие токмо догадка ко изобретению лучшего изъяснения»²⁰. Развивая эту мысль в главе, посвященной западным славянам, В. Н. Татищев пояснил: «Может, от того древняго оби-

¹³ В. Н. Татищев. История российская, стр. 325.

¹⁴ В. Н. Татищев. История российская, т. 7. М.—Л., 1968, стр. 423.

¹⁵ Этот вопрос получил освещение в работе: А. В. Флоровский. Легенда о Чехе, Лехе и Русе в истории славянских изучений. «Sborník prací I sjezdu slovanských filologů v Praze», t. 2. 1929. Přednášky. Praha, 1932, s. 52—53.

¹⁶ J. Hübner. Kurze Fragen aus der neuen und alten Geographie. Aufl. 6. Leipzig, 1696, S. 626—637, 638—639; ег о же. Kurze Fragen aus der Politischen Historia bis zum Ausgange des XVII seculi, Bd. 4. Leipzig, 1700, S. 142, 164.

¹⁷ В. Н. Татищев. История российская, т. 1, стр. 158. См. также стр. 257.

¹⁸ Там же, стр. 337.

¹⁹ Там же, т. 4, стр. 92, 501.

²⁰ Там же, т. 1, стр. 161.

тания имя чехи с собою принесли, как болгары и другие равномерно učinили... Боемия от древняго народа сарматского или германского, который назывался бои»²¹.

Предков чехов на Кавказе В. Н. Татищев стал искать, поскольку наивная версия В. Гаека о «праотце» справедливо представлялась ему несостоятельной: «Сие явно тем обличается, что их имена не славенские, в Моравии же князи именовались славенскими званием, яко Святополк, Святоплуг, Ростислав, Кошель и пр. Население Боемии славянами Страбон задолго до Христа положил...». В данном случае мы оставляем в стороне вопрос о правильности рассуждений В. Н. Татищева по существу, так как нас интересует ход его мысли. С этой целью приведем его комментарий к словам византийского императора Льва Философа: «...зде же о пределе Зихии упоминает о Колхиде, а понеже древле в Колхиде жили славяне и к Дунаю перешли... и, может, славяне именовались чехи, что греки за недостатком буквы в Зихию пременили, и сие имя чехов в Боемию с преселением славян занесено»²².

Таким образом, при конструировании своей гипотезы зихи — чехи В. Н. Татищев оставался в круге этимологических спекуляций, сознавая, впрочем, их паткость, о чем свидетельствовали его неоднократные оговорки о предварительности версии. Спекуляции эти, кстати, вполне соответствовали уровню современной В. Н. Татищеву науки.

О существовании на Кавказе области или племени с таким названием в ученых кругах Европы тех десятилетий было известно. О племени зихов (зухо) на Кавказе сообщал еще Прокопий Кесарийский²³. С XVI в. о зихах упоминали многие западноевропейские авторы, прежде всего Гильем Постель, первый заведующий кафедрой восточных языков Коллеж де Франс, и путешественник С. Герберштейн. Они чаще всего ассоциировали зихов либо с русскими, либо с христианизированными черкесами²⁴. Во многом смутные представления о зихах и Зихии запечатлелись и в европейской картографии того времени. Так, на карте Кавказа в широкоизвестном атласе Ортелия 1570 г. на побережье Черного моря, где-то в районе Сочи, показан населенный пункт Зихия (Zichia)²⁵. Впрочем, сведения о Зихии и зихах были крайне туманными. В издании атласа 1631 г. этот пункт как важный назван в числе лишь нескольких, но в измененном написании Зехия (Zechia)²⁶, а в атласе Данкерса, относящемся к концу XVII в., Зихия присутствует как город, но не на побережье, а у истоков впадающей в Черное море реки, предположительно — реки Мзымта²⁷.

²¹ Там же, стр. 337.

²² Там же, стр. 204.

²³ Procopius Caesariensis. De bello Persico. Ed. J. Hanry. Leipzig, 1962, p. 291—292. О племени зихов см.: В. В. Мавродин. Славяно-русское население нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. Уч. зап. Ленинградского пед. ин-та им. А. И. Герцена. Факт ист. наук, т. II, 1938, стр. 41; J. Me y e n d o r f f. Projets de concile oecuménique en 1377; Un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et le legat Paul. «Dumbarton Oaks Papers», t. 14. 1958, p. 158.

²⁴ Ю. А. Мыцык. «Кройника с початку и назвиску Литвы» Феодосия Софоновича и ее источники. «Некоторые вопросы социально-экономической и политической истории УССР», вып. 4. Днепропетровск, 1973, стр. 171, 177—178.

²⁵ «Theatrum orbis terrarum». Antwerpen, 1570, p. 50.

²⁶ «Theatrum orbis terrarum». Amsterdam, 1631, p. 2.

²⁷ В атласе Меркатора вместо города Zichia названо Zuzako («Mercatoris Atlas sive cosmographicae meditationes de fabrica mundi et fabricati figura». Amsterdam, 1606, p. Dddd). Как нам любезно сообщила в свое время крупнейший советский историк-востоковед Н. В. Пигулевская, в выписках императора Константина Багрянородного имеются сведения Менаандра Византийца, что Зих (Zix) — «это высокое звание у персов, которое носил один посол персидский времени императора Юстиниана» («Excerpta historica Constantini Porphyrogeniti. Excerpta de legationibus»). Ed. De Boor. Pars I.

Подобные сведения могли быть известны В. Н. Татищеву, в частности, по польским источникам. Факт его неоднократных обращений к «Чешской хронике» еще не означает, что знакомство В. Н. Татищева с книгой В. Гаека было обязательно прямым. Во всяком случае, одна из ссылок заставляет усомниться в этом.

Речь идет о том месте, где Татищев обращается к этимологическим корням наименования славянских народов: «Словаки от слов или речения, яко богемский гисторик Винцент Гагек в происхождении народа чешского или боемского на листу 103 пишет: „По повелению цесаря Карла IV Иоанн Маринголя, епископ флоренский, муж ученый и сведомый, пиша Боемскую кронику, сказует, славяне суть от Гелиса, а от славян боими произошли, славяни имяновали“». Далее он в подкрепление ссылался на «Польскую хронику» М. Стрыйковского: «Стрыйковский причину оной погрешности, стр. 103, довольно изъяснил»²⁸. В приведенных словах неясно почти все.

Во-первых, цитата, которую В. Н. Татищев как будто бы приводил из В. Гаека, звучит по оригинальному тексту «Чешской хроники» совершенно иначе: «Император Карл, этого имени четвертый, славный король чешский, ревностный любитель своего отечества и нации чешской умножитель, приказал мужам, сведущим в латинских и чешских хрониках, старательно изучать их и выяснить из них, откуда чехи стали называться богемцами, поручив это одному мужу, ученее иных, каковым слыл Ян Мериньола, епископ флорентийский. Тот, как муж ученый, много книг имеющий, стал это со всем вниманием изыскивать, но ничего другого найти не мог, кроме того, что от Гелиоса пошли словаки, а от словаков — чехи, а словаки от слова или от иного, какого-либо света могли быть поименованы»²⁹. Сравнение обоих переводов показывает, что В. Н. Татищев, если он брал приведенные слова из книги В. Гаека, многое не понял в тексте оригинала.

Но дело не только в этом: цитируемый отрывок помещен не там, куда отсылал читателей В. Н. Татищев, а в историческом введении «О происхождении чешской нации». Отсюда следует, во-вторых, выяснить, каким изданием мог пользоваться В. Н. Татищев и чем объяснялась причина неточной цитации.

На первый взгляд, наиболее правдоподобно использование им новейшего немецкого перевода «Чешской хроники», выполненного Иоганном Заиделем и напечатанного в Лейпциге в 1718 г. Но при рассмотрении этого издания предположение сразу же отпадает, поскольку историческое введение, откуда взята цитата, здесь отсутствует. Обращает на себя внимание, что в ссылке Татищева речь идет не о пагинации, а о фолиации, что заставляет думать об использовании им какого-нибудь издания XVI в. — либо первого, чешского, 1541 г., либо немецкого перевода 1546 г., в которых цитируемый отрывок расположен соответственно на листе 7 и на обороте листа 10. Можно, конечно, допустить, что В. Н. Татищев знал оба издания, поскольку применяемые им формы передачи имени Гаека как Гагек или Гагаций соответственно могли быть кальками с чешского (в старом на-

Berolini, 1903, p. 171.) На самом деле, как замечает Н. В. Пигулевская, Zikh, Zykds представляет собой «родовое имя, известное армянским авторам Агафанилу и Фавсту Византийскому» (A. C h r i s t e n s e n. L'Iran sous les Sasanides, Bd. 2. Copenhagen, 1944, p. 105). Приведа эти чрезвычайно важные свидетельства, Н. В. Пигулевская писала автору этих строк: «Полагаю, что родовое имя происходило от этого народа зихов, из которого, вероятно, происходил клан, вступивший на службу иранских царей» (справка, составленная чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской 23 ноября 1969 г.).

²⁸ В. Н. Т а т и щ е в. История российская, т. 1, стр. 310.

²⁹ W. H a g e k. Kronyka zeska. Praha, 1541, Arch. VII.

писании Hagek) или немецкого языков³⁰. Что же касается цифры 103, то, по-видимому, здесь имела место просто ошибка автора, спутавшего ее с упоминаемой вскоре страницей (а не листом) 103 «Польской хроники» М. Стрыйковского³¹. Но это может говорить и за то, что материал Гаека русский историк использовал не непосредственно, а через польских авторов, например, того же Стрыйковского, либо М. Бельского и других, трудами которых, как известно, широко пользовался³². Неоднократные ссылки на В. Гаека встречаются и в русских хронографах XVII в.³³

Каковы бы, однако, ни были каналы знакомства В. Н. Татищева с содержанием «Чешской хроники» В. Гаека, не подлежит сомнению, что его отношение к ней было определенно критическим. В. Н. Татищев выступал не в роли робкого компилятора, довольствующегося прочитанным, а как самостоятельно мыслящий историк, свободно владеющий широким кругом материала и творчески подходящий к используемым источникам, хотя критика В. Гаека отнюдь не была основной задачей. Зихи — это не более чем «догадка ко изобретению лучшего изъяснения». Да и сама по себе в труде по истории России она занимала побочное место, свидетельствуя скорее о научной добросовестности автора.

Гипотеза В. Н. Татищева совпала почти буквально с точкой зрения основоположника чешской критической историографии Г. Добнера, выступившего в 1761 г. с решительным пересмотром «Чешской хроники» В. Гаека. Он доказывал, что для древних чехов, как и для древних славян вообще, был присущ не монархический, как прежде считалось, а демократический принцип организации общества³⁴. Высмеивая легенду о «праотце Чеха», брате мифического прародителя польского народа «праотца Леха», Г. Добнер объективно наносил удар по генеалогическим притязаниям феодального дворянства, как чешского, так и польского³⁵. Наконец, глубоко символичным было и то, что в центре критического анализа оказалась именно «Чешская хроника» В. Гаека, книга, возникшая в XVI в. как одно из идеологических средств борьбы католической церкви за свою гегемонию. Все это вместе взятое объективно превращало труд монаха-пиариста Г. Добнера не только в научный, но и в политический акт. И было закономерно, что появление первых томов комментария привело в неистовство реакционные и консервативные круги и вызвало известную дискуссию середины 1760-х годов вокруг происхождения чешского народа, получившую международную огласку.

Не имея возможности воспроизвести в данной статье все перипетии этой интереснейшей дискуссии (впрочем, в упоминавшемся исследовании М. Куделки она получила достаточно подробное освещение) отметим лишь, что, отделив историчность «праотца Чеха» и доказывая демократический характер общественного строя древних славян, Г. Добнер выдвинул идею кавказского происхождения чехов. В отличие от более осторожного Татищева, Добнер энергично отстаивал эту ошибочную версию, ставшую наиболее уязвимым местом в его исторических построениях.

И не удивительно, что консервативно настроенные противники Г. Добнера, не будучи в состоянии опровергнуть главные тезисы его труда, выступили с резкой критикой гипотезы о «зихах», увидя в этом возможность компромата на всей просветительской концепции Добнера. Тем не менее

³⁰ V. H a g e k i i. Böhmsche Chronica. Prag, 1546.

³¹ M. S t r i y k o w s k y. Kronika Polska. 1582, s. 103. На этой странице речь идет о наименовании древних славян.

³² С. Л. П е ш т и ч. Там же, стр. 145.

³³ См. А. М. П а н ч е н к о. Чешско-русские литературные связи XVII в. Л., 1969, стр. 44, 71, 79.

³⁴ G. D o b n e r. Wenceslai Hagek a Liboczan..., t. I. Pragae, 1761, p. 55—56.

³⁵ M. K u d ě l k a. Spor Gelasia Dobnera o Hajkovu kroniku. Praha, 1964, s. 54.

вера в истинность гипотезы Г. Добнера сохранялась до 1780-х годов, и даже такой трезво настроенный ученый, как Й. Добровский, собирался совершить путешествие на Кавказ для окончательной проверки на месте этой гипотезы. А один из современников Г. Добнера, его собрат по ордену пиаристов А. Фойгт, в те же годы попытался все свести к компромиссу: «Если мне позволено будет высказать об этом свое мнение, то вся ссора проистекает от грамматического недоразумения. Славяне первоначально имели республиканское или, лучше сказать, общинное устройство и никому не были подчинены. Однако каждая община имела свободно избранного верховного главу, своего „жупана“, каковым он склонен считать „праотца Чеха“³⁶.

«История российская» В. Н. Татищева увидела свет не только спустя много лет после смерти автора, но и после издания основных томов труда Г. Добнера. Первый том «Истории российской» был издан Академией наук в 1768 г., в самый разгар полемики «чехистов» с Г. Добнером, и, как кажется, остался им вообще неизвестен, хотя в ходе полемики Г. Добнер (в 1769 г.) и его главный противник историк-иезуит Ф. Пубичка (в 1770 г.) ссылались на «Краткий российский летописец» и «Древнюю российскую историю» М. В. Ломоносова, статью Г. Ф. Миллера «О первом летописателе российском преподобном Несторе, и его летописи и о продолжателях оных» в «Ежемесячных сочинениях, к пользе и увеселению служащих» (1755).

Следовательно, ни о каком влиянии труда В. Н. Татищева на Добнера говорить не приходится. Но как раз поэтому сходство их в оценке «Чешской хроники» В. Гаека и в домыслах о происхождении чешского народа с точки зрения сравнительно-исторического анализа представляется особенно ценным.

По-видимому, отмеченное сходство было продиктовано рядом причин: во многом близким кругом источников и мировой литературы, известным сходством идейной атмосферы, отчасти общностью задач, которые стояли перед ними. Поэтому, разрабатывая историческую проблематику не только полностью независимо друг от друга, но и в разные годы, Татищев и Добнер приходили к сходству и в выводах, проистекавшему не от заимствования, а от частичной общности исходных позиций, т. е. к такому сходству, которое имело типологически-стадийный характер и соотносилось с идейным течением раннего Просвещения, охватившим не только славянские, но и другие народы и страны Европы тех десятилетий.

³⁶ A. Voigt. Über den Geist der böhmischen Gesetze. Dresden, 1788, S. 12,

СТАНИСЛАВ УРБАНЬЧИК

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК В XVI ВЕКЕ

В период средневековья на польской этнической территории возникали языковые различия, причиной чего были в равной мере и естественные условия (например, большие площади, занятые лесами или болотами, что вызывало разреженность населения), и политические границы; некоторые — наиболее древние — из этих различий могут восходить к прапольскому периоду.

В латинских документах XII—XV вв., где рассеяны многочисленные личные имена и названия местностей, а также в польских текстах, которые появляются с середины XIV в., удалось обнаружить более десятка явлений, свидетельствующих о различиях между северной и южной Польшей. Так, начальные га-, ја- на севере Польши произносились как ге-, је- (ср. *gępo, gępa, jęko, jętko* и *gęno, gęna, jęko, jętko*); на месте -аг- в северной Польше звучало -ег- (ср. *terę, uherę* вместо *tarę, uharę*). Однако в тех же документах и текстах мы отмечаем и постепенное стирание языковых различий в результате распространения на территории всей Польши ряда черт, которые прежде были характерны только для Великопольши или только для Малопольши. Стирание языковых различий мы объясняем тенденциями к унификации, исходившими от людей, принимавших участие в общепольской жизни, — тех, прежде всего, кто работал в канцеляриях светских и духовных властей. Эти тенденции усилились, когда в начале XIV в. возникло Польское государство со столицей в Кракове. В XV в. несомненно существовал определенный комплекс языковых правил, которые обязан был соблюдать всякий пишущий по-польски (таких, правда, было немного), следовательно, можно говорить о существовании общепольских языковых норм как достижении средневековья¹. В этот же период установились общие принципы графики и орфографии, введены такие знаки, как *sz, cz, rz*, знаки для палатальных согласных, для носовых гласных. Они сохранились до сих пор, несмотря на несколько попыток радикальных изменений².

От литературы на польском языке, развивавшейся с середины XIV в. (если не считать песнь «Богородица»), сохранилась только незначительная часть. Эти памятники, однако, позволяют утверждать, что уже были

¹ S. U r b a ń c z y k. W sprawie pochodzenia polskiego języka literackiego. «Język Polski», t. 30, 1950, s. 97—109, 145—160 (перепечатано в кн. S. U r b a ń c z y k. Szkice z dziejów języka polskiego. Warszawa, 1968, s. 63—99; е г о ж е. Głos w dyskusji o pochodzeniu polskiego języka literackiego. «Pamiętnik Literacki», t. 44, 1953, s. 196—215 (перепечатано в кн. S. U r b a ń c z y k. Szkice..., s. 99—122). Ср. также статьи других авторов в коллективном томе: Pochodzenie polskiego języka literackiego. «Studia Staropolskie», t. 3. Wrocław, 1956, passim.

² S. U r b a ń c z y k. Rozwój polskiej ortografii. «Język Polski», t. 35, 1955, s. 81—93.

выработаны принципы построения предложения, композиции текста, ряд стилистических «фигур», таких как сравнение, метафора. Литература и прогресс общей культуры обогатили лексику, в особенности, связанную с интеллектуальной жизнью. В количественном отношении она в несколько раз превышает лексику среднего народного говора (см. «Słownik staropolski», t. 1—6, A—P). Развитию лексики, несомненно, способствовали школы и особенно университет: хотя в основном там употреблялся латинский язык, без польского все же нельзя было обойтись. Не подлежит сомнению, что языковая культура была под сильным влиянием чешских образцов (через многочисленные переводы, изучение чешского языка, учебу в Праге), а косвенным образом — и латинских³.

Среди памятников можно выделить три литературных класса (уровня): высший — переводы Библии и жития святых, средний — религиозные тексты, предназначенные для домашнего чтения, низший — судебные записки, наиболее тесно связанные с местными диалектами. Поэзия также находит себе место в этих классах; драматургические тексты (например, «Разговор магистра со смертью») нарочито насыщались местными и разговорными элементами⁴. Некоторые произведения достигали высокого художественного уровня.

Нельзя, однако, не признать, что литература и созданный ею тип языка были достоянием небольшого числа людей, главным образом духовенства и тех светских лиц, которые были в состоянии оплатить услуги духовенства⁵. Большинство образованных людей происходило из состоятельных горожан, так как шляхта не придавала еще грамоте ни малейшего значения⁶. Только во второй половине XV в. это положение стало меняться: шляхта начала давать образование детям (даже тем, кого не предназначали в духовное сословие), а одновременно завершалась колонизация городов, причем наиболее сложным этот процесс был в Кракове. На пути к книге не было уже социальной преграды, но сохранялась еще преграда экономическая, так как книга пока что представляла собой дорогую рукопись, хотя и писалась уже на бумаге, а не на пергаменте. Книгопечатание, правда, существовало в Кракове, начиная с последней четверти XV в., однако польские книги стали печататься с 1513 г. Знаменательно, что одной из первых книг был трактат об орфографии Станислава Заборовского, сопровождавшийся робкими попытками ее реформы. Лишь печатная книга обеспечила широкую пропаганду языка, выработанного средневековьем⁷. Сосредоточение книгопечатания в нескольких типографиях — в Кракове или вблизи него, но руководимых людьми, обучавшимися в Кракове, — обеспечило возможность контроля над качеством языка, особенно в плане устранения локальных черт. Впрочем, надо признать, что и в типографиях не было единой языковой политики, так как многое зависело от наборщика и правщика. Расхождения, однако, касались не ранее признанных принципов, но возникали в связи с разрешением новых вопросов. Лишь со временем утвердился определенный тип орфографии и установились требования к языку.

Уже с XV в. до нас дошли отголоски споров, касавшихся правильности языка. В следующем веке таких свидетельств уже больше, и сами спо-

³ S. U r b a ŋ c z y k. W sprawie pochodzenia..., s. 97 и далее.

⁴ Ibid., s. 107.

⁵ Ibid., s. 155.

⁶ Ibid., s. 150 и сл.; его же. Rola wielkich pisarzy złotego wieku na tle innych czynników kształtujących normy języka literackiego. См. коллективный труд: Odrodzenie w Polsce, t. 3, cz. 1, s. 425 и сл.; перепечатано в кн. S. U r b a ŋ c z y k. Szkice..., s. 147 и сл.

⁷ A. K a w e s k a-G r y c z o w a. Rola drukarstwa polskiego w dobie Odrodzenia. Warszawa, 1954.

ры стали оживленнее и велись уже на страницах печати, т. е. более широко. Хорошо известен спор, в котором приняли участие переводчик и редактор Ян Сандецкий-Малецкий, переводчик и издатель Ян Секлюциан и переводчик Ст. Мужинowski⁸. Эти лица представляли различную региональную среду, а главное, разные поколения и культурные традиции. Особенно ясно предстает перед нами облик Сандецкого-Малецкого, самого старшего из них, традиционалиста, хорошо знавшего историю литературы, поклонника чешского языка. Правильным в языке он считал то, что традиционно и что отвечало нормам чешского языка. Он был одним из тех, кто приписывал чешскому языку роль арбитра между двумя разными способами изъясняться, существовавшими в Польше. Он показал роль взглядов на язык, господствовавших при королевском дворе, где принято было говорить на лучшем польском языке. На установление языковых норм, бесспорно, оказывали влияние интеллигентные круги, сосредоточенные вокруг краковского епископа⁹, при университете, умножавшем число образованных людей¹⁰.

С Сандецким-Малецким вступили в спор лица, гораздо менее знакомые с литературной и языковой традицией, но зато свободные от предрассудков и вполне понимавшие важность тех задач, которые стояли перед языком; они лучше знали возможности читателя. Не подлежит сомнению, что определенная часть лексики и некоторые грамматические формы, встречавшиеся в древней письменности, были устаревшими, а иногда и совершенно лишними опоры в обществе и существующими лишь на страницах рукописей, известных только специалистам.

Иным стал читатель. К духовенству, издавна умевшему читать и писать, присоединились многочисленные светские лица, окончившие школы (число последних быстро росло в XVI в.). Иными стали и писатели. В их числе теперь уже не только священнослужители, но и светские люди, и именно они начинают играть решающую роль в литературе; это — Бернат из Люблина, Мартин Бельский, Миколай Рей, Ян Кохановский. Среди писателей были королевские чиновники или дворяне, занимавшиеся хозяйством в своих поместьях. Их мало интересовала литературная традиция. Из нее они черпали то, что было для них бесспорным — фонетические и словоизменительные нормы, если эти нормы уже успели стабилизироваться. В противном случае они создавали собственные нормы. Впрочем, и из той традиции, которая шла от конца XIV в., к середине XVI в. уже многое должно было устареть. Эти люди имели иное образование, и другие языковые примеры были у них перед глазами. Религиозная тематика отошла на второй план. Перестали переводить с чешского и подражать чешскому. Рей еще был под его обаянием¹¹, но Кохановский — уже нет. Пропал интерес к латинской средневековой литературе. Эталоном стала латинская литература классического периода (Гораций и Катулл, Цицерон и Цезарь), служившая предметом поклонения и образцом для подражания. Образование получали теперь не только в парафиальной и монастырской школах, не только в Краковском университете, но и в итальянских, немецких и французских университетах. В литературе наряду с божественными темами появились чисто человеческие — любовь

⁸ J. S a n d e c k i - M a l e c k i. Ewangelia z początku XVI w. i dwa późniejsze druki tegoż autora. Wyd. J. Janów. Kraków, 1947, см. s. XXX и далее, LIV и далее, LXXVIII; S. U r b a Ń c z y k. Rola pisarzy..., s. 441—447.

⁹ Ср. «Dworzanin polski» Я. Гурницкого (1566) и содержащуюся там дискуссию при дворе краковского епископа, очевидно, вымышленную, но явно основанную на каких-то подлинных фактах.

¹⁰ S. U r b a Ń c z y k. Rola pisarzy..., s. 446.

¹¹ W. T a s z y c k i. Czechizmy w języku Reja. «Prace Filologiczne», t. 12, 1927, s. 54—67.

и женщина. Религиозные проблемы не исчезли, но заняли иное место среди других общественных проблем. Утратив свое доминирующее положение, они стали предметом обсуждения даже в кругу светских лиц. Бросались в глаза экономические и политические факторы, влияющие на религию и на ту мораль, которую провозглашали ксендзы. Политический реформизм и реформизм в области религии выступали как соратники в борьбе против политического и церковного консерватизма.

В этой борьбе большую роль играли проблемы языка. Латынь все еще была распространена, но она уже не отвечала всем требованиям. На латыни трудно было говорить об актуальных вопросах, что же касается нюансов, то они были вовсе непонятны для большинства читателей и слушателей, знавших латынь лишь поверхностно. В горячих спорах был более пригоден родной язык, которым каждый владел свободно. Впрочем, польский язык всегда был средством общения в общественной жизни поляков. По-польски велись государственные дела на всех уровнях, в частности, судопроизводство. Только документы писали по-латыни. Однако даже в XV в. польский язык использовали в международных отношениях, если документ вручался представителю страны, где латынь не употреблялась (например, татарам или туркам). С развитием государства все большее значение приобретали его документы, расширялись его функции, росла роль сеймов и судов. Сеймы стали трибуной для представителей шляхты. Именно шляхта требовала, чтобы государственные акты, имеющие к ней прямое отношение, составлялись по-польски, чтобы они могли быть прочитаны и контролировались гражданами. Во второй четверти XVI в. стали появляться документы на польском языке¹², такие, как хроники сеймов (1548), королевские мандаты (1525), решения сеймов (1543). Выдвигалось требование, чтобы и церковные власти изъяснялись по-польски. Но костел как институт международного характера был слишком консервативен, чтобы принять требования масс. Однако необходимость вести полемику с реформистами заставляла идти на уступки, и в результате возникла богатая церковная литература на польском языке, в которой представлены оба эти борющиеся друг с другом направления.

Итак, не только в художественной литературе и политической жизни, но и в сфере религии позиция польского языка претерпела значительные изменения в плане обогащения содержания, причем на разных уровнях обработанности. Результатом было обилие полемических текстов, в которых определялся тип древнепольской дискуссии, основанной на классических образцах риторики; обогащался ее словарь. Тогда впервые в полемике стали употребляться искаженные слова с целью представить противника в смешном виде (например, *kałolik* вместо *katolik*; *bajęda* вместо *ajenda/agenda*; *kopewnija* вместо *kanonija*). Возникли серии слов-терминов, которые употреблялись либо только католиками, либо только протестантами.

Более широкое употребление родного языка было движимо чувством национальной гордости. Польско-литовско-русское государство стало большой силой, правда, оно вело тяжелые войны, а порой и проигрывало битвы, но все это происходило на пограничье, а исконные польские земли развивались в мирных условиях, там можно было спокойно обрабатывать поля, торговать хлебом и ремесленными изделиями, можно было обогащаться. Шляхта все это ценила и гордилась этим. Предметом гордости становился и язык, теперь охотно используемый. Гражданам, плохо владевшим латынью, особенно сподручно было говорить по-польски и выдавать это за проявление патриотизма; легко также было критиковать противни-

¹² S. Urbańczyk. *Rola pisarzy...*, s. 428.

ка, если в полемике он употреблял латынь. На чувстве национальной гордости умело играли печатники, которые в предисловиях к публикуемым книгам восхваляли польский язык, а при случае — и собственный патриотизм. Как видно, такие похвалы были полезным пропагандистским приемом¹³. При этом не было недостатка и в критике. Польский язык упрекали в том, что он не совсем обработан, что ему не хватает слов для достаточно точного выражения мысли¹⁴. К этим упрекам следует подходить с осторожностью. Каждый писатель (и во все времена) делает усилия, чтобы облечь в слова свою еще не выкристаллизовавшуюся мысль. Иногда авторы, привыкшие к латыни, не столько стремились выразить мысль по-польски, сколько искали адекватные соответствия тем словам, которые бы они упогребили по-латыни. Некоторые недостаточно искушенные авторы причиной своей неудачи считали язык; иногда жалобы возникали по злой воле лиц, которые принципиально не хотели писать по-польски и искали якобы объективных отговорок; это были сторонники консервативного католицизма.

Выше мы говорили о двух наиболее разработанных формах литературы — о поэзии и публицистической прозе, но этим дело не исчерпывалось. Возникла еще и научная проза. К ней можно отнести часть теологической литературы, исторической (например, произведения М. Бельского), технической («*Geometria to jest miernicka nauka*» Гжебского, 1566), сельскохозяйственной («*Хозяйство*» Гостомского, 1588), естественнонаучной («*О травах и их силе*» Фалимижа, 1534); возникло также много юридических текстов (например, «*Статьи магдебургского права*», 1558, «*Porządek sądów i spraw miejskich prawa majdeburskiego*», 1559 Гроицкого).

Польский язык, следовательно, выполнял почти все функции современного языка; в таком объеме эти функции возродились уже только в XIX в., после упадка, который был в XVIII в.

Следует помнить, что каждый писатель был человеком образованным, часто — высокообразованным, что он всегда знал латинский язык, на котором получил образование; следовательно, он был двуязычным, и латынь оказывала значительное влияние на его образ мышления и умение изъясняться. Такие авторы либо перенимали латинские термины, либо переводили их, таким образом, отсюда в XVI в. возникло большое число калек (например, *iustificatio — usprawiedliwienie*, *vires naturales — sily przyrodne*) или заимствований из латинского языка (ср. *abdykować, absolut, aforyzm, akt, antycypacja, centrum, dedykacja, defekt, dialog*). Знаменательно, что средневековые польские заимствования из латыни (не очень многочисленные) касались преимущественно организации костела, канцелярии и школы. Среди них было мало абстрактных слов и научных терминов. Иначе обстояло дело в XVI в. в связи с развитием литературы на польском языке. Сферой, где появилось множество латинских терминов, было право, как материальное, так и процессуальное (ср. *apelacja, apelować, aprobować, dekret, depozyt, egzekucja, eskuzacja, ewazja, ewikcja, intercesja, obligacja*). В устной речи заимствований было больше, чем в письменном языке; в печати латинские слова обычно употреблялись без фонетической адаптации.

В XVI в. было заимствовано много слов из итальянского. Хорошо известно, что конец XV в. и первые десятилетия XVI в. были периодом весьма оживленных контактов с Италией. В Италию ездили учиться, из Ита-

¹³ T. Ulewicz. W sprawie walki o język polski w pierwszej połowie XVI w. (paralele czeskie, problem przedmów drukarskich). «*Язык Польский*», т. 36, 1956, с. 81—97.

¹⁴ Z. Klemensiewicz. Historia języka polskiego, т. 2. Warszawa 1965, с. 183—197.

лии приглашали архитекторов, скульпторов, художников, музыкантов. В этих сферах жизни, а также и при дворе, который подражал итальянским обычаям, распространилось множество итальянских слов (*austeria, bandera, bandyta, bokal, bomba, fontana, karoca, poszta, szpada* и др.).

Меньшее значение имели заимствования из испанского и французского языков (*batalia, batalion, dama, dragon, fryzjer* и др.). (Из этих языков много заимствований прибавится в XVII и XVIII вв.) Влияние немецкого языка, столь явное в средние века, теперь несколько ослабло, но еще продолжало оставаться значительным.

Рост словаря был настолько велик, что его можно выразить в цифрах. Если количество слов в XV в. не превышало 15 тыс., то латинско-польский словарь Яна Мончиньского, изданный в 1564 г., насчитывает 20 тыс. слов¹⁵, а только словарь Рея состоит примерно из 21 тыс. слов¹⁶. Словарь Григория Кнапского, изданный, правда, в 1621 г., т. е. уже в XVII в. (но содержащий слова, ранее существовавшие), значительно превосходит это количество. Чрезвычайно высокого уровня достигла поэзия; она пользовалась самым большим авторитетом. Интересно, что сначала появились поэты, пишущие по-латыни; наиболее выдающимся из них был Клеменс Яницкий, которого папа наградил лавровым венком (1540). Поэзия на польском языке, хотя и возникла (ср. «Эзоп» Берната из Люблина, 1522), была все же на втором плане, поэтика ее еще не отличалась от средневековой.

Но почти в то самое время, когда Яницкий заканчивал свою деятельность, на сцену выходит Миколай Рей, которого называют отцом польской литературы. Он быстро завоевал признание и популярность, оставив далеко позади латинских поэтов. Позицию поэзии в польском языке укрепил Ян Кохановский, наиболее выдающийся из славянских поэтов до появления Мицкевича и Пушкина. Ученые, которые существенным признаком литературного языка считают высокий художественный уровень произведений, созданных на нем, утверждают, по-видимому, несправедливо, что только с Рея и Кохановского начинается польский литературный язык. Еще менее справедливо приписывать им формирование общепольских языковых норм. Их заслуга состояла в том, что они приняли уже существующие нормы и своими произведениями укрепили их. Уже в XVI в. грамматисты ссылались на их узус и цитатами из их произведений подтверждали свои рекомендации. Заслугой поэтов является создание стилистических образцов, обогащение сравнений, метафор, синонимии, дифференциация стилистических оттенков слова¹⁷. Эта дифференциация очень важна для поэзии. На всем протяжении XVI в. неоднократно отмечались споры или хотя бы высказывания по поводу оценки того или иного слова¹⁸. Речь шла о словах устаревших, просторечных, вульгарных; как видно, для писателей того времени это был действительно существенный вопрос. Оказывалось, что одни слова, хотя и засвидетельствованные более ранними текстами, уже явно устарели, другие еще не приобрели печать литературности. Использованное Кохановским, слово получало признание.

Словоупотребление Рея и Кохановского не было идентичным¹⁹. В произведениях Рея много вульгарных слов, множество крепких и сочных определений, которые, судя по всему, были допустимы в его поколении,

¹⁵ «Wyrazy polskie w słowniku polsko-łacińskim Jana Mączynskiego», t. 1—2. Oprac. W. Kuraszkiewicz. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1962, wstęp, s. 12.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ S. U r b a ń c z y k. Rola pisarzy..., s. 450—451.

¹⁸ Z. K l e m e n s i e w i c z. Historia języka..., s. 201 и далее; S. U r b a ń c z y k. Rola pisarzy..., s. 447—448.

¹⁹ S. U r b a ń c z y k. Rola pisarzy..., s. 447—448.

в его среде. Кохановский был на 25 лет, т. е. на целое поколение, моложе; он получил солидное образование, впитал, как показывает его творчество, лучшие образцы латинской поэзии, много времени провел в Италии и Франции и был чрезвычайно чуток к разнице между тем, что изящно, а что грубо и тем более — вульгарно. После него в польской поэзии уже прочно закрепилось различие этих двух пластов. Сознательное использование архаизмов также идет от Кохановского. Вообще архаизация была, конечно, старше, но течение времени и отход гуманистов от средневековой литературы заставили причислить к категории архаизмов еще ряд слов. После Кохановского появились поэты, которые ему подражали и тем самым распространяли и закрепляли в обществе его художественные средства, лексику, метафоры и сравнения, способ описания действительности²⁰. Надо, однако, отметить, что авторитет литературы того времени задержал языковые процессы, ведущие к упрощению флексии, сохранив и навязав потомкам переходное состояние; если бы не это, некоторые параллельные флексии наверняка бы исчезли.

Растущее значение польского языка нашло выражение в посвященных ему научных трудах, в создании самоучителей, грамматик и словарей. Они стали появляться с первой четверти этого века, служа горожанам, переходившим на польский язык, а также приезжим извне, большое число которых поселялось в Польше. Появились, между прочим, многократно переиздававшиеся польские версии словарей Мымера и Мурмелиуса²¹. В середине века началась новая волна этого интереса. Она ознаменовалась выходом большого латинско-польского словаря Яна Мончиньского (1564) и первой грамматики польского языка, автором которой был натурализовавшийся в Польше француз Ян Статориус-Стоиньский (1568). Часто издавались грамматики и словари, предназначенные для поморских и силезских немцев, которым польский язык был необходим в торговле²². В конце века польские слова вошли в многоязычный словарь Амброзия Калепино, где были представлены также латинский, греческий, древнееврейский, французский, итальянский, немецкий, испанский, венгерский и английский языки²³. Таким образом, польский был единственным представителем славянских языков в этом знаменитом труде. Итогом достижений в области лексики стал известный польско-латинский словарь Григория Кнапского, впервые опубликованный в 1621 г. Для своего времени это был замечательный словарь, впоследствии он способствовал сохранению языковой нормы, выработанной XVI веком²⁴.

Различение изысканного и неизысканного в языке было связано с более широким явлением в культуре, а именно с культурной изоляцией шляхты, особенно богатой, от остальной части общества, в частности, от крестьян, да и от неимущих горожан. До этого не было разницы между речью шляхтича и крепостного крестьянина, теперь же эта разница начала расти, литературный язык стал самостоятельным образованием, носителем которого были шляхта и зажиточные горожане. В говорах возникли явления, не вошедшие в литературный язык, но и в литературном языке появились черты, которых не было ни в одном говоре. Например, в говорах появились окончания наст. времени *-wa//*-*ma* для 1 л. мн. ч. и

²⁰ Ibid., s. 450—451.

²¹ J. Ł o ś. Początki piśmiennictwa polskiego. Lwów, 1922, s. 99—128.

²² M. R. M a y e n o w a. Walka o język w życiu i literaturze staropolskiej. Warszawa, 1955, s. 49—60.

²³ O. H o r b a t s c h. Die polnische Sprache im polyglotten Wörterbuch von A. Calepino. Die Welt der Slaven, t. 7, 1962, S. 147—167.

²⁴ J. P u z y n i n a. «Thesaurus» Grzegorza Knapiusza. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1961, passim.

-ta для 2 л. мн. ч., литературный же язык сохранил -m// -му, ср. диал. *robima//robiwa, robita*, литер. *robimiy, robicie*; говоры везде преобразовали группы *-ił-, -il-* в *-éł-, -él-* и *-im-, -in-* в *-ém-, -ép-*, литературный же язык сохранил в этих группах *i*, например, диал. *robiel, robieli*, литер. *robił, robili*, диал. *posiemy*, литер. *posimiy*. Литературный язык утратил *á*, говоры его сохранили, например, диал. *biała koszula*, литер. *biała*. В литературном языке возникла сложная форма пассива, вошло в норму наречное употребление причастий, что говорам неизвестно²⁵. Расслоение наблюдалось в обычаях и в искусстве. В результате этого появились так называемая плебейская и народная культуры, существование которых ошибочно приписывают еще средним векам. Одним из признаков плебейской литературы было употребление слов, которыми пренебрегала официальная литература. Расслоение языковых средств сделало возможным возникновение плебейской литературы. И все же в XVI в. преобладали процессы интеграции, так как даже деревня, благодаря зажиточности, благодаря довольно густой сети школ и относительно большой личной свободе, могла быстро перенимать культурные достижения, которые наблюдались прежде всего в городе. Процессы эти пошли на убыль уже к концу XVI в., а еще больше — в середине XVII в., когда и город и деревня были разорены войнами, а восстановление благосостояния шляхты происходило за счет крестьян и горожан. Возобладала тенденция культурного расслоения.

Высокий уровень польской культуры способствовал ее влиянию на соседние славянские страны. Лишь незначительно это касалось Чехии, которая еще в большей степени, чем Польша, жила социально-религиозными проблемами и была втянута в борьбу с наступающими на нее немецкими элементами и абсолютизмом. В гораздо большей мере это касалось восточных славян — белорусов, украинцев и даже русских. Я не хочу здесь выяснять причины и механизм распространения польского языка в украинской и литовской части Речи Посполитой²⁶. Процесс этот начался рано, в Галицкой Руси. В грамотах мы находим порой такие польские слова, которые не зафиксированы (или же зафиксированы позже) в польских памятниках. Здесь также раньше всего стали вестись на польском языке судебные книги. Пунктами, откуда распространялся польский язык, были большие торговые города, такие как Львов и Вильно. Продуктом колонизации «русинов» не был, однако, польский язык, на котором говорили в Кракове. В этом приобретенном языке оставались некоторые элементы родного языка — слова, обороты (идиомы), тип произношения, характерная редукция безударных гласных, особые способы передачи носовых звуков, характерная мелодика предложения, которую в просторечии называли «пением». Такой тип польского языка усваивали со временем и переселенцы из Польши и их потомки. Это касается всех общественных слоев. В результате взаимного приспособления сложился так называемый окраинный («красовы») диалект, иной, чем исконно польские диалекты²⁷. От них он отличался между прочим тем, что на нем говорило все население, и речь шляхтича не была противопоставлена речи крестьянина, между ними не было качественной разницы, как в Польше. Была количественная разница — в количественном соотношении польских и восточнославянских элементов, что зависело не от общественного положения говорящего, а от интенсивности контакта с исконной Польшей. Другое

²⁵ S. Urbanczyk. *Zarys dialektologii polskiej*, 2 wyd., Warszawa, 1963, s. 94; K. Nitsch. *Dialekty języka polskiego*. Wrocław, 1958, passim.

²⁶ A. Martel. *La langue polonaise dans les pays ruthènes*. Lille, 1938.

²⁷ S. Urbanczyk. *Zarys dialektologii...*, s. 94—96.

дело, что чем дальше на восток, тем все больше признаком шляхты становилась польская речь, возникало противопоставление польского и «русского» (т. е. украинского и белорусского), соответствующее противопоставлению литературного языка и крестьянских диалектов в исконно польских землях. Еще в начале XX в. из признания некоей аристократки обнаруживалось ее убеждение в том, что и краковский крестьянин говорит «по-русски», так же как крестьяне в ее поместьях на Волыни и в Подолии.

Окраинный диалект сыграл большую роль в истории связанных с ним народов. Он оказал большое влияние на польский литературный язык, так как им пользовались многие выдающиеся писатели²⁸. Следы этого влияния заметны уже в XVI в. в произведениях Рея, Шимоновича и других. Оно усиливалось во второй половине XVIII в., когда со своими произведениями выступили Богомолец, Заблоцкий и другие, и затем в первой половине XIX в. — благодаря произведениям Мицкевича, Словацкого, Мальчевского и др. Участие окраинного диалекта в формировании польского литературного языка еще должным образом не изучено. Оно касалось прежде всего лексики, а также и некоторых способов рифмовки.

Окраинный диалект распространял свое влияние также на восток. Украинец или белорус, говорившие на этом языке, заимствовали из него различные элементы, когда писали или говорили по-украински или по-белорусски. Заимствовались прежде всего лексика, связанная с новой культурой, со всем тем, что нес с собой гуманизм и Ренессанс и к чему было легче всего приобщиться через посредство польской литературы. Не обучаясь латыни, можно было наслаждаться высоким искусством слова, можно было многое узнать о мире.

Польский язык был насыщен многочисленными заимствованиями, особенно из латыни, а также из романских и немецкого языков. Наряду с маловажными и преходящими (связанными, например, с модой и нарядами), среди них были слова, относящиеся к сфере нового государственного устройства и идеологических проблем, которые волновали тогда мир. Эти слова проникали в произведения, написанные по-украински или по-белорусски, особенно, если это было подражание или перевод с польского. Произведения такого рода создавались главным образом в Киеве. К примеру, название одного из изданий Ипатия Поцея звучит так: «Уния альбо выклад преднейших артикулов ку зодноченью греков з костелом римским належачих» (1595), — польские слова здесь слегка изменены фонетически. Таких случаев было много. И сочинения и слова не задерживались на восточной границе Речи Посполитой, они проникали дальше, до самой Москвы. В. В. Виноградов, говоря о русском языке XVIII и XIX в., ввел термин «европеизация русского языка»²⁹. Он имел в виду проникновение в русский язык слов главным образом латинского (в конечном счете) происхождения, которые были взяты на вооружение каждым образованным европейцем, независимо от его национальной принадлежности. И большая часть этих европеизмов проникла в русский язык или прямо из польского или через посредство письменности, находившейся под влиянием польской культуры. В русских источниках XVI в., еще недостаточно изученных, обнаружено более полутора сотен полонизмов, таких, как *администратор, акт, апелляция, артикул, башня, важность, гвалт, ги-*

²⁸ K. N i t s c h. Wpływ prowincji ruskich na polszczyznę literacką. Wybór pism polonistycznych, t. 1. Kraków, 1954, s. 129—200; е г о ж е. Z historii polskich gumbów. Warszawa, 1912, passim.

²⁹ В. В. В и н о г р а д о в. Очерки по истории русского литературного языка XVII — XVIII вв. М., 1938.

стория, губернатор, доктор, экзекуция, инструкция, комиссия, комната, личба, мур, персона, подданный, посполитый³⁰ и др.

Хотя вопросу о заимствованиях из польского языка посвящено уже много работ, мы еще далеки от полного представления о реальных последствиях тех языковых контактов, о которых здесь идет речь³¹. Некоторые заимствования были эфемерными и быстро забывались, а иногда и вовсе никем, кроме данного автора, не употреблялись; зато другие имели в свое время серьезное значение до тех пор, пока отдельные языки не создали новые термины. Все это напоминает контакты между польским и чешским языками в XV в.: часть заимствований из чешского сразу же была предана забвению, другая же часть сослужила свою службу в начальный период формирования польского литературного языка.

Дело шло к тому, что польский язык возьмет верх над немецким языком в Силезии и Поморье, хотя они были отрезаны политической границей. Местные поляки располагали публикациями на польском языке, а немцы учили этот язык, привлекая учителей, пользуясь грамматиками и словарями, которые выходили в Силезии и на Поморье³². Политический и культурный кризис предрешил иной исход.

В XVI в. появилось в зародыше то зло, которое позже, в XVII в., стало столь досадным. Этому было три причины: 1) отход шляхты от протестантизма и сильная католическая реакция, которая ограничила право польского языка в сфере церкви и прежде всего в школах, все еще руководимых ксендзами; 2) реакция социальная, проявившаяся в политической и экономической гегемонии шляхты; 3) всеобщее знание латинского языка.

Тот позитивный факт, что каждый уважающий себя шляхтич должен был получить образование и вместе с тем — знание латыни, имел для польского языка отрицательные последствия. Латынь стала одной из черт, отличающих шляхту, и способствовала ее (шляхты) отрыву от крестьянина и горожанина. Приходилось демонстрировать это знание в устной речи и на письме. Латынь была все еще международным языком, и книга, написанная по-латыни, обеспечивала рекламу за границей. Примером могут служить латинские стихи Сарбишевского, которые в Англии стали хрестоматийными. Католический костел, конечно, горячо поддерживал эту тягу к латыни, так как и он предпочитал вести свои деликатные дискуссии в сфере, недоступной простому человеку. Подавление протестантского движения позволило костелу ограничить использование польского языка в области религии. Численное соотношение польских и латинских книг, выправившееся на протяжении XVI в., снова начало изменяться не в пользу польской книги. Иначе говоря, культурные функции польского языка были подвержены ограничению. Вместо того, чтобы стать главным, если не единственным, выразителем польской мысли, польский язык все более утрачивал эту роль. Вследствие этого вместо развития собственных лексических средств язык стал довольствоваться даже не заимствованиями, а просто латинскими цитатами. Людям, которые получили образование на латинском языке, было очень удобно включать в свою

³⁰ M. E. S o b i k. *Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17. und der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts*. Meisenheim am Glan, 1969, S. 122—123.

³¹ Из последних работ ср. В. М. Т а м а н ь. Полонизмы в языке русских памятников XVI в. «Ученые записки ЛГУ им. А. А. Жданова», № 267 (филол. серия, 52). Л., 1960, стр. 98—124; S. K o s c h m a n. *Polsko-rosyjskie kontakty językowe w zakresie słownictwa w XVII w.* Wrocław — Warszawa — Kraków, 1967; M. E. S o b i k. *Polnisch-russische Beziehungen...* (см. библиографию на стр. 12—21); S. U r b a ń c z y k. Статья в «Anzeiger f. slav. Philologie», V, 1971, s. 120—124.

³² M. R. M a y e n o w a. *Walka o język...*, s. 36 и далее; Z. K l e m e n s i e w i c z. *Historia języka polskiego...*, s. 44—48.

польскую речь латинские слова или целые фрагменты предложений, тем самым придавая своим высказываниям печать учености. Так возник «макаронический» стиль. Не помогли протесты образованных патриотов, например, Григория Кнапского, который во введении к своему знаменитому словарю ясно высказался против «макаронизмов». Тогда было модным также составлять длинные, сложно построенные предложения, потому что так писали Цицерон и Тацит. Польская проза была тяжеловесной, трудной для чтения. С этой точки зрения характерны «Дневники» Яна Хризостома Пасека (конец XVII в.). В них есть прекрасные отрывки, написанные живо, близкие к повседневной речи шляхты того времени, но они чередуются с кусками «макаронической», тяжелой прозы, всегда там, где Пасек хочет показать свое знание основ риторики, — в его речах и письмах. Тенденция к употреблению «макаронизмов» на полтора века задержала развитие польской прозы.

К счастью, это не коснулось поэзии. Там, где говорили чувства, — в описаниях природы, в искусной шутке — необходимо было говорить на родном языке. Немногочисленные «макаронические» стихи существовали на правах шутки или пародии.

Как мы видим, XVI в. не был для польского языка золотым в том смысле, что в нем господствовал светлый мир, как в мифическом золотом веке, воспетом Овидием. Напротив, это был век беспокойный, полный брожения, противоречий и борьбы за идеи и форму их выражения. Языковые ценности, унаследованные от средних веков, и ценности, переданные потомкам, — это два разных мира. На исходе средневековья польский язык был бедным родственником чешского языка, вынужденным удивляться и подражать. В своем собственном обществе он должен был добиваться права стать литературным языком. В конце XVI в. он был озарен славой созданной на нем литературы, располагал богатой лексикой и стилистическими средствами. Правда, он не охватил всей прозы — латынь действовала на него разлагающе, но зато в поэзии он стал главным и единственным орудием. В сознании польского общества сохранилась память об этих успехах. Во второй половине XVIII в. наши деятели просвещения все еще обращались к нему как к образцу и примеру. Литература была одним из факторов, объединивших общество и сформировавших национальное самосознание столь сильным, что утрата независимости и раздел уже не могли его уничтожить. В этом историческая заслуга XVI в.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

СТЕФАН КОЛАФА

ВЛАДИМИР КРИВОШ И АЛЬБЕРТ ШКАРВАН В ПЕТЕРБУРГЕ И ИХ КОНТАКТЫ С Л. Н. ТОЛСТЫМ

Широко известны выступления Л. Н. Толстого и его соратников В. Г. Черткова, Н. И. Бирюкова и И. М. Трегубова в защиту кавказских духоборов, отказавшихся от повиновения самодержавному государству и православной церкви.

18 декабря 1896 г. ближайший соратник Л. Н. Толстого Владимир Григорьевич Чертков направился из Москвы в Петербург, чтобы добиться от правительства разрешения на выезд духоборов за границу. Чертков жил в Петербурге в своем доме в Галерной пристани, здесь же он встречался со своими единомышленниками. В. Д. Бонч-Бруевич писал, что «Победоносцев, крайне возмущенный деятельностью Черткова, несмотря на его крупное и независимое положение в аристократической среде, настаивал на том, чтобы к Черткову были применены меры репрессии»¹.

1 февраля 1897 г. ст. ст. Чертков был приглашен для личной беседы к министру внутренних дел Горемыкину. Беседа была назначена на 2 февраля, причем Чертков предполагал, что речь пойдет о духоборах. Однако ранним утром 2 февраля в его квартире был произведен полицейский обыск. На следующий день Черткову было сообщено, что по повелению царя он должен покинуть Петербург и отправиться в ссылку. Бирюков и Трегубов были высланы в Курляндскую губернию, Черткову было предоставлено право выбора места ссылки — либо в пределах страны, либо за границей. Чертков избрал второе. 7 февраля Л. Н. Толстой прибыл в Петербург, чтобы попрощаться со своими близкими друзьями. В тот же день словак Владимир Кривош сделал несколько памятных фотографий, на которых запечатлен Толстой на проводах его друзей. Л. Н. Толстой покинул Петербург 12 февраля, отправляясь обратно в Москву, Чертков выехал за границу на следующий день 13 февраля. В Кройдоне, близ Лондона, он создал свою толстовскую колонию.

Непосредственными свидетелями и участниками этих событий в Петербурге были два словака — Владимир Кривош и Альберт Шкарван. Взаимоотношения этих двух словаков и их участием в указанных петербургских событиях историки и литературоведы пока занимались мало. В статье «О чем напомнила старая фотография», опубликованной десять лет назад в журнале «Советское славяноведение», этот вопрос был затронут советским автором Л. С. Кипшкиным. Л. С. Кипшкин опубликовал фотографию, сделанную во дворе дома Черткова 7 февраля 1897 г. и запечатлевшую Толстого с друзьями и знакомыми, среди которых были два

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. Из Москвы за границу. ГБЛ, Рукописный отдел, архив В. Д. Бонч-Бруевича, стр. 123.

словака — Альберт Шкарван и Владимир Кривош. Автор справедливо отмечает различие между Кривошем и Шкарваном: «На этой фотографии оказались два словака, по-разному смотревшие на толстовство и по-разному ценившие русского писателя, что в какой-то степени соответствовало двум линиям отношения к Толстому и толстовству в Словакии на рубеже веков; одни словацкие читатели видели в Толстом прежде всего философа, другие — великого художника», — пишет Л. С. Кишкин². Представители как консервативных, так и демократических кругов Словакии на рубеже веков ценили Толстого как художника. Высоко ценя талант Толстого как художника, Владимир Кривош, будучи представителем консервативных кругов словацкого и русского обществ, был не согласен с толстовским осуждением самодержавия, официального православия и других устоев дореволюционного общественного порядка. В этом отношении Кривош сблизился со Светозаром Гурбаном Ваянским в Словакии. Альберт Шкарван, будучи представителем демократических кругов, ценил Толстого не только как художника, но и как общественного деятеля. Таким образом, в идейно-политическом отношении Шкарван и Кривош находились на противоположных позициях. Это не было понято словацким автором Р. Тибенским, писавшим, что Кривош «был первым видным словацким толстовцем»³, что в 1897 г. он сочувственно относился к толстовству и лишь впоследствии, как об этом свидетельствует пьеса Кривоша «Толстолец» (1906 г.), изменил свое отношение к толстовству на весьма критическое. При отсутствии данных о характере взаимоотношений между Кривошем и Шкарваном Л. С. Кишкин, в отличие от Р. Тибенского, только предположил, что взаимоотношения эти были «очевидно» дружескими и «можно думать, что и к толстовцам Кривош относился вначале если не положительно, то во всяком случае терпимо»⁴.

Русский революционер В. Д. Бонч-Бруевич лично встретился с В. Кривошем летом 1897 г. в кройдонской колонии В. Г. Черткова в Англии. Вот как он описывает свою первую встречу с Кривошем: «Через некоторое время вошел довольно полный и неуклюжий, с огромными усами господин, это был Кривош, тоже словак, приятель Шкарвана, служивший, как оказалось после, в то время в Петербурге, при иностранном Цензурном Комитете (<...>), но человек он был интересный, очень остроумный, веселый и здесь, у Чертковых, он не показывал своих коготков иностранного цензора...»⁵.

Владимир Кривош (1865—1942) был сыном словацкого купца. В Россию он приехал в 1886 г., потеряв надежду на дипломатическую карьеру в австро-венгерской монархии. Он окончил два факультета Петербургского университета — юридический и восточных языков. Вскоре он стал полиглотом и крупным знатоком стенографии. 2 июня 1889 г. он перешел в православие и принял русское подданство. Затем Кривош служил в качестве цензора иностранных газет и журналов Главного управления цензуры Петербургского почтамта. Вплоть до 1915 г. он неуклонно поднимался по бюрократической лестнице. Кривош приобрел крупное имущество, получил дворянское звание, высшие государственные награды, стал действительным тайным советником и долгие годы работал начальником стенографической части Государственного совета и Государственной думы. В начале первой мировой войны он служил в генеральском чине в штабе VIII армии генерала Брусилова. В 1915 г. он был внезапно лишен своего зва-

² Л. С. Кишкин. О чем напомнила старая фотография. «Советское славяноведение», 1976, № 2, стр. 65.

³ R. T i b e n s k ý. Prvý slovenský Tolstojvec. «Praha», 1967, № 213.

⁴ Л. С. Кишкин. Там же, стр. 64.

⁵ В. Д. Бонч-Бруевич. Там же, стр. 120.

ния и по подозрению в измене сослан в Сибирь, откуда смог вернуться только после Февральской революции 1917 г. После Великой Октябрьской революции Кривош работал в Народном комиссариате иностранных дел.

Совершенно иным было в начале 1897 г. положение второго словацкого свидетеля и участника петербургских событий — Альберта Шкарвана (1869—1926). Шкарван вырос в бедной деревенской среде. Будучи студентом медицинского факультета Карлова университета в Праге, он стал последователем учения Л. Н. Толстого. Начиная с 1889 г. он выступал с критикой словацких консервативных националистов, идейных противников Л. Н. Толстого. Вместе с Душаном Маковицким, будущим личным врачом Л. Н. Толстого, Шкарван с 1890 г. поддерживал письменные связи с Толстым и всячески распространял его произведения в Словакии и Чехии, что вызывало нападки со стороны официальных кругов консервативных националистов. Под влиянием Толстого 7 февраля 1895 г. Шкарван отказался от исполнения воинской повинности, за что был арестован, осужден и брошен в тюрьму. По приглашению В. Г. Черткова Шкарван приехал летом 1896 г. в Россию, где он прожил рядом с Толстым вплоть до 13 февраля 1897 г. После вынужденного отъезда из России он направился совместно с Чертковым в Англию, жил в кройдонской колонии Черткова, где его летом того же года посетил Кривош, затем покинул Англию и с 1898 по 1910 г. жил в Швейцарии, а в 1910 г. вернулся на родину. Постепенно Шкарван совершенно разошелся с русскими толстовцами.

После приезда в Россию в июле 1896 г. Шкарван оказался в среде русских общественных деятелей, над которыми нависла непосредственная угроза. Шкарван жил рядом с Толстым в Ясной Поляне и в Москве, с В. Г. Чертковым — в Деменках близ Ясной Поляны и в Россоши Воронежской губернии; в сопровождении Е. И. Попова он совершил поездку по центральным губерниям. В Москве Шкарван посетил толстовское издательство «Посредник» и лично познакомился с главным редактором этого издательства И. И. Горбуновым-Посадовым; в селе Ивановском Костромской губернии он навестил редактора «Посредника» П. И. Бикюкова, съездил и в Нижний Новгород, чтобы осмотреть знаменитую нижегородскую ярмарку, куда, кстати, накануне приезда Шкарвана приехал из Петербурга и Кривош. Шкарван отказался вернуться в Австро-Венгрию и отслужить определенное время в австро-венгерской армии. Это обстоятельство еще более осложнило его положение в царской России. Уже 17 октября 1896 г. он писал своему другу Маковицкому, что «изо дня в день ожидается изгнание одного или другого, даже Л. Н. [Толстого]», и что «было бы поэтому желательно для здешних и для нас, чтобы был в случае надобности приготовлен „уголок“»⁶. И Шкарван просил своего друга на всякий случай подготовить такой «уголок».

Среди русских толстовцев Шкарван не находил себе места. «А к друзьям, почти ко всем, именно к русским друзьям, было постоянно чувство, как будто стена холодная, стена страшная между нами, и чувство это только иногда исчезало на некоторое время особенного подъема духовного», — писал несколько позже Шкарван. «Обыкновенно я испытывал неловкость, желание избавиться, удрать от них, удрать и уши себе заткнуть, как от плохой фальшивой музыки. И так сильно я страдал иногда от них! Так сильно, как никогда не страдал от людей пустых и грубых»⁷. Так относиться к своим знакомым-толстовцам Шкарван, естественно, начал не сразу, но особенно после приезда в Петербург (около 20 января 1897 г. ст. ст.)

⁶ Архив Д. П. Маковицкого в Рукописном отделе Музея Л. Н. Толстого в Москве.

⁷ «Глазами словацкого друга. Дневники и воспоминания Альберта Шкарвана». Публикация и перевод П. Г. Богатырева. В кн. Толстой и зарубежный мир. «Литературное наследство», т. 75, кн. II. М., 1965, стр. 152.

из Москвы, где он жил с Толстым в его хамовническом доме. Шкарван расходился с Чертковым по целому ряду вопросов, между прочим он не соглашался с мнением Черткова по поводу кавказских духоборов. «Атмосфера у нас царит за последнее время очень тяжелая, — писал Шкарван Толстому 29 января того же года. — Мое присутствие и мой характер, кажется, немало в этом виноваты»⁸.

В этом первом расхождении Шкарвана с Чертковым, возможно, сказывается уже знакомство Шкарвана с его земляком Кривошем. Ведь еще недавно Шкарван искал «уголок» для себя и для Черткова в Словакии, и вдруг такая резкая перемена отношения к нему. Все обстоятельства встречи этих двух словаков в Петербурге пока еще не известны. Шкарван о Кривоше, конечно, знал по его статьям в словацкой газете «Народни новини» и по рассказам Д. Маковицкого, двоюродного брата В. Кривоша, но сам он с Кривошем вплоть до прибытия в Петербург никаких связей не поддерживал: в России Шкарван хотел задержаться сначала не надолго, а его поездка в Петербург не предполагалась. Инициатором знакомства и встречи был, скорее всего, не Шкарван, а Кривош, узнавший о прибытии Шкарвана в Петербург, вероятно, от Д. Маковицкого, который пересылал Шкарвану его чешскую корреспонденцию и другие материалы в Петербург через Кривоша. Чтобы обойти петербургскую цензуру и ускорить доставку посылки в Россию, Маковицкий, живший в то время в словацком городе Жилине, не раз пользовался услугами Кривоша, работающего в петербургской цензуре. Такие посылки Маковицкий направлял на имя Кривоша прямо в цензуру, и Кривош отправлял их дальше. Таким путем были доставлены, к примеру, в 1902 г. в Крым А. М. Горькому «Размышления о катехизисе» чешского художника Эмиля Холарека. В январе 1897 г. Маковицкий, вероятно, этим путем переправлял Шкарвану письмо Ивана Галека из Праги от 21 января 1897 г. н. ст., № 2 венгерского анархического журнала «Ohne Stadt», который в Будапеште издавал анархист Е. Г. Шмитт, и некоторые другие материалы. По просьбе Маковицкого Кривош, вероятно, посетил Шкарвана на квартире Черткова и передал ему посылку Маковицкого. О получении письма Галека и печатных материалов Шкарван сообщил Толстому в письме от 29 января 1897 г. н. ст., так что первая встреча петербургского цензора и словацкого последователя Толстого могла иметь место в двадцатых числах января 1897 г. Таким образом, оба словака могли встречаться около трех недель, до 13 февраля.

Хотя оба они к моменту встречи находились на разных идейных позициях, а до этого никаких связей не поддерживали, нужно, однако, отметить, что кое-что их, тем не менее, объединяло. Двух земляков в далеком Петербурге связывал, несомненно, общий интерес к национально-освободительному движению словаков против политики венгерских правящих классов, направленной на ассимиляцию словацкого народа. Кривош, несомненно, интересовался судьбой своего двоюродного брата Д. Маковицкого, с которым Шкарван перед отъездом в Россию встречался и сотрудничал. От Кривоша радикально настроенный Шкарван, вероятно, не скрывал своих убеждений, за которые он просидел несколько месяцев в австро-венгерской тюрьме, и вряд ли скрывал свои критические замечания в адрес русских толстовцев. Очевидно, это встретило поддержку Кривоша, выступавшего с гораздо более глубокой критикой толстовцев. Его позиция в этом вопросе могла также влиять на отрицательное отношение Шкарвана к Черткову. Кривоша могли интересовать рассказы Шкарвана, а бла-

⁸ Архив А. Шкарвана в Рукописном отделе Музея Л. Н. Толстого в Москве.

годаря своему знакомству с Шкарваном он получил возможность сблизиться с толстовцами.

В основе же своих взглядов оба земляка, конечно, расходились. «Я слишком славянин — *ich bin zu slawisch*, — чтобы я мог это сразу сбросить с себя как тряпку и одеться в бесцветное облачение безнационализма», — полемизировал Кривош с Шкарваном в письме к нему от начала июня 1897 г. из Петербурга в Англию⁹. Дело было, конечно, не в том, что Кривош считал себя «патриотом» и отказывался стать «бесцветным безнационалистом», каковым он считал Шкарвана и последователей Толстого, как и вообще всех демократов без исключения. Сущность их расхождения заключалась в том, что Кривош придерживался господствующего в России официального мировоззрения, которое Шкарван критиковал, хотя и с толстовских утопических позиций. Эти расхождения мы можем наблюдать и на следующем примере. На торжественном собрании петербургского Славянского благотворительного общества, состоявшемся 20 апреля 1897 г., Кривош выступил с речью, посвященной 50-летию со дня рождения известного словацкого общественного и культурного деятеля Светозара Гурбана Ваянского. В своем выступлении Кривош подчеркнул, что отцом Ваянского «был знаменитый д-р Мирослав Гурбан, известный в истории тем, что силою своего необыкновенного красноречия в 1848—1849 гг. поднял на ноги весь словацкий народ, устроив контрреволюцию против восставших мадьяр, и таким образом защитил город Вену и династию Габсбургов от мадьярских мятежников, до прибытия русских войск». Говоря об отношении словаков к другим славянским народам Кривош заявил, что они «любили всегда всех одинаковой братской любовью, негодую лишь на то, что между славянами есть люди, забывающие о своей принадлежности к одной общей, великой, 100-миллионной славянской расе». «Забывали» же о своей славянской принадлежности, по мнению Кривоша, прежде всего революционеры и демократы, в том числе и «бесцветные безнационалисты», т. е. толстовцы и духоборы, не желавшие повиноваться самодержавию. Свою речь Кривош опубликовал в «Санкт-Петербургских ведомостях»¹⁰, а вырезку отослал Шкарвану в Англию. Именно этот реакционный «патриотизм» Шкарвану не понравился, о чем он сообщил в ответной открытке Кривошу. Полемизируя с Шкарваном, Кривош послал ему в начале июня 1897 г. вышеупомянутое письмо.

Оба документа, которые мы только что привели — письмо Кривоша к Шкарвану от начала июня 1897 г. и его статья «Словаки в Венгрии», — являются фактически продолжением тех дискуссий и споров, которые, очевидно, имели место между обоими словаками в пору пребывания Шкарвана в Петербурге. Они свидетельствуют о том, что петербургские расхождения между Кривошем и Шкарваном сохранились и после отъезда Шкарвана в Англию. С другой стороны, однако, надо полагать, что в некоторых вопросах сношения и дискуссии между ними привели к незначительным уступкам с обеих сторон. Желая, вероятно, привлечь внимание Шкарвана, Кривош старался хотя бы для вида, временно руководствоваться некоторыми правилами толстовского образа жизни. В том же письме к Шкарвану Кривош сообщал, что ему удалось «не очень последовательно» отказаться от курения, алкоголя и мяса, жалуясь, однако, что отсутствие мяса наносит его здоровью вред. Вскоре он отказался от этой практики. И наоборот, отрицательные взгляды Кривоша по отношению к русским толстовцам, вероятно, отразились в поведении и поступках Шкарвана, осо-

⁹ Материалы В. Кривоша в собственности Я. Кривоша в городе Лученец в Словакии.

¹⁰ В. Кривош. Словаки в Венгрии (По поводу юбилея Гурбана Ваянского). «Санкт-Петербургские ведомости», 1897, № 118, 3(15) мая.

бенно в его откровенно критическом отношении к Черткову. Это видно из приведенного нами письма Шкарвана к Толстому от 29 января 1897 г. «У нас продолжает кипеть духоборческое дело,— шипит автор.— Все в нем участвуют, кроме меня. Не одна лень, но и то обстоятельство, что душу к нему не тянет, заставляет меня быть безучастным в нем. Дай бог, чтобы не так было, но мне почему-то давно кажется, что дело это идет не по тем рельсам, по которым должно идти всякое дело божие. Так сильно во мне это мнение, что я считал бы фальшью с моей стороны молчать об этом». Таким образом, Кривош попал в общество Толстого и Черткова случайно, благодаря Шкарвану, и его нельзя считать последователем Толстого. Последующие судьбы Шкарвана и Кривоша только подтверждают то, что было сказано о их взаимоотношениях в период их петербургских встреч и об участии в петербургских событиях 1897 г.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ZDENĚK NEJEDLÝ. *Má vlast. Symfonie doby, života a díla.* Odeon, 1975

ЗДЕНЕК НЕЕДЛЫ. *Моя родина. Симфония времени, жизни и творчества*

К 30-летию освобождения Чехословакии Советской Армией в ЧССР вышел сборник статей, выступлений, переписки З. Неедлы. Сборник тщательно составлен, любовно оформлен, снабжен подробным комментарием имен, дат, событий и публикаций. Наряду с отрывками из монографий «Сметана» и «Ленин», известными статьями из собрания сочинений ученого в нем впервые опубликована переписка З. Неедлы с Я. Голлом, А. Ирасеком, О. Гостинским, М. Неедлой и сыном, а также выступления по радио в военные годы: о чешской интеллигенции (1941), чехословацкой молодежи (1942), чешском народе (1943), военных традициях чешского народа (1943).

В сборнике опубликовано много статей, не вошедших в собрание сочинений, ставших библиографической редкостью: «Ярослав Голл» (1906), «Горьчества по случаю заложения фундамента Народного театра в 1868 г.» (1918), «Магистр Ян Гус и его правда» (1919), «Белая гора, Габсбург и чешский народ» (1920), «Гавличек» (1921), «Стачка горняков» (1922), «Патриотизм и классовая борьба» (1923), «Грозная тишина» (1927—1930), «Демократия детям» (1933—1934), «Димитров» (1933—1934), «Австрия» (1933—1934), «Манифест чешских писателей» (1937), «Где народ?» (1938), «Словакия» (1938), «Что делается?» (1938), «Чешский народ и Европа» (1939).

Главное внимание в сборнике уделено характеристике З. Неедлы как историка. Публикации систематизированы по этапам чешской истории. Вводной частью к ним является отрывок из работы «Содержание чешской истории», затем следуют разделы «Гусизм», «Белая гора», «Возрождение», «Народ себе», «О характеристике республики», «О будущем народа». Эти разделы дают представление о З. Неедлы как исследователе проблем гусизма, позднего средневековья, национального Возрождения, чешской культуры XIX—XX вв., а в публицистике З. Неедлы предстает перед нами как ученый, откликавшийся на самые актуальные вопросы современности.

В переписке с Я. Голлом, А. Ирасеком и О. Гостинским содержится интересный материал о становлении З. Неедлы как ученого. З. Неедлы пишет о своем призвании к истории (письма З. Неедлы Я. Голлу от 17 февраля 1905 г. и 22 сентября 1907 г.), понимании им исторического процесса (письмо Я. Голлу от 17 февраля 1905 г.) и путей развития исторической науки (письмо Я. Голлу от 22 сентября 1907 г.). В письме Я. Голлу от 22 сентября 1907 г. З. Неедлы делится с ним мыслями о том, как он понимает призвание ученого — лектора.

Помещенные в сборнике публицистические статьи являются первостепенным источником для характеристики З. Неедлы как историка в самом широком смысле слова. Интерес к вопросам современности выделял З. Неедлы из профессуры буржуазной республики, которая в большинстве своем стояла на позициях «чистой науки», а новейшую историю как предмет исследования отвергала. Ученые-позитивисты подчеркивали свою объективность и беспартийность, но в действительности буржуазный объективизм был выражением их партийности. Они отвергали современность как предмет науки с позиций обреченного историей класса.

З. Неедлы, выступавшему на стороне рабочего класса и КПЧ, буржуазный объективизм был чужд. В своих публицистических статьях он называл рабочий класс, благодаря его классовому сознанию и интернационализму, прогрессивной силой нации («Патриотизм и классовая борьба»), призывал рабочий класс к усилению борьбы (стр. 237 рецензируемого сборника) и приветствовал победу пролетариата над фашизмом («Австрия»). В пролетариате, руководимом коммунистами, З. Неедлы видел силу народа и нации (стр. 286), о Г. Димитрове он писал как о герое, который черпал силы в коммунистическом учении и партии, считал героизм Димитрова проявлением силы коммунизма («Димитров»). З. Неедлы в статье «Где народ?» открыто заявлял, что солидарен с коммуниста-

ми (стр. 287). Он выступал как интернационалист в статье «Словакия», когда призывал чешский народ помочь созданию новой Словакии.

Близость З. Неедлы к КПЧ способствовала переходу его на позиции марксизма. Он сам определял свои позиции как классовые, писал о стачках как о борьбе труда против капитала (стр. 236), выступал против социальной системы, порождающей нищету («Грозная тишина»), разоблачал буржуазный национализм (стр. 214), в статье «Словакия» подвергал критике теорию чехословакизма (стр. 287). В статье «Грозная тишина» он клеймил буржуазный парламент за молчаливую поддержку репрессий (стр. 238), выступал в защиту социалистической демократии в СССР.

В публицистических статьях З. Неедлы современные ему события теснейшим образом переплетались с историей. Так, в статье «Чешский народ и Европа» З. Неедлы, опровергая утверждение, что Чехословакия является только порождением Версальской системы, обращается к истории народа. Он указывает на вхождение Чехословакии еще в Велико-моравскую державу, на прославивший государство чехов гусизм, на чешское национальное Возрождение и приходит к выводу, что для чешского народа, имеющего столь давние и славные традиции, еще придет «определенное ему историей» время (стр. 295).

В его статьях красной нитью проходит мысль, что Великая Октябрьская социалистическая революция — «совершенно новый фактор в мировой истории» (стр. 289). З. Неедлы в трагические дни 1938 г., по собственному определению, «с классовых позиций» создает концепцию причин Мюнхена. Отказ Англии и Франции от исполнения своих обязательств по отношению к Чехословакии и их попустительство агрессору он объясняет расколом мира на две противоположные системы и страхом капиталистических государств перед успехами строительства социализма в СССР, ростом его мирового значения, стремлением западных держав направить агрессию на Восток. Мюнхенское соглашение он рассматривает как явление, касающееся не только Чехословакии. З. Неедлы указывает, что Чехословакия стала «жертвой в борьбе держав Запада» и считает,

что «мы первый, но не последний акт великой исторической драмы» (стр. 291).

В выступлении по радио «О чешской интеллигенции» З. Неедлы касается вопроса о том, «чему учит чешская история» (стр. 306), призывает интеллигенцию помнить о чешской народной культуре и Яне Гусе, выступает против фальсификации чешской истории в фашистской Германии и чешскими коллаборационистами. В выступлении «Военные традиции чешского народа» З. Неедлы обращается к историческим традициям, ведущим свое начало от гусизма, военной славы народа, известности чешских полководцев (стр. 309—310).

З. Неедлы был убежден, что «история развивается по пути прогресса», поэтому правда победит (стр. 292). Он писал в 1939 г., что «чешский народ еще скажет свое слово...будет иметь силу в соответствии со своими традициями служить прогрессу» (стр. 295). В 1939 г. он писал: «Надо исходить из того, что события развиваются, и не компрометировать себя ничем сегодня, о чем завтра не будут даже вспоминать» (стр. 292). З. Неедлы был убежден, что фашизм будет разгромлен и еще в 1939 г. предвидел победу над ним.

Опубликованные впервые и перепечатанные из редких изданий статьи и переписка расширяют представление о Зденеке Неедлы как ученом, политическом деятеле и человеке.

Следует отметить обстоятельную статью И. Ганзела, Я. Иранека, Я. Дворжака, Я. Койзара «Великий чех», которой завершается сборник. В ней авторы подчеркивают значение З. Неедлы — историка. Составителям и издателям сборника стоило бы не только ограничиться характеристикой его взглядов на историю, но дать анализ их развития, который помог бы лучше понять сложный и незавершенный до конца путь З. Неедлы к марксизму и точнее определить место ученого в историографии социалистической Чехословакии. Всесторонний анализ исторической концепции Зденека Неедлы сыграл бы положительную роль в создании марксистской концепции национальной истории, над которой в настоящее время работают чехословацкие историки.

Б. М. Руколь

В. С. ПОПКОВ. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. М., 1974, 210 стр.

Работа В. С. Попкова является первым в советской и польской историографии монографическим исследованием, посвященным связям и контактам выдающегося польского историка и револю-

ционера И. Лелевеля с передовыми деятелями русского общества — революционерами, учеными, журналистами, деятелями культуры. В ней рассказывается об оценке русскими современниками на-

учной и общественно-политической деятельности Лелевеля, о его роли в развитии польско-русского революционного союза, заложенного в 20-х годах XIX в. декабристами и прогрессивными деятелями польского национально-освободительного движения.

При написании книги автор использовал обширную литературу, посвященную Лелевелю, различные источники, хранящиеся в архивах и рукописных отделах библиотек Москвы, Ленинграда и Вильнюса, некоторые материалы рукописного отдела Ягеллонской библиотеки и библиотеки Польской академии наук в Кракове. Важнейшим источником явились также сочинения Лелевеля, созданные им политические документы и его переписка. Б. С. Попков использовал также письма, воспоминания и дневники деятелей русской культуры, материалы русской периодической печати, публицистические и научные произведения русских авторов. С целью выяснения отношения правящих кругов России к Лелевелю автор привлек донесения русских дипломатических и тайных агентов за границей, материалы царской цензуры, следствия и суда над участниками польского национально-освободительного движения. Документы архивов карательных органов царизма помогли автору выяснить отношение передовых людей русского общества к польскому историку и революционеру.

В первой главе Б. С. Попков рассматривает вопрос о русско-польском культурном сближении после Венского конгресса и образования Царства Польского. В этот период, отмечает автор, наблюдался большой интерес широких кругов русского образованного общества к Польше и польской культуре. В свою очередь и Лелевель еще на заре своей творческой деятельности проявляет живой интерес к русской истории, культуре и науке. Автор убедительно показывает, что в 20-х годах имя и труды польского историка были широко известны в России, он пользовался уважением русских ученых. Широкий диапазон научных исследований Лелевеля, исследования в области вспомогательных исторических дисциплин — все это вызывало большой интерес в России. Передовые взгляды Лелевеля находили поддержку в среде прогрессивных представителей русского общества, и прежде всего у декабристов. Но в то же время прогрессивная научная и педагогическая деятельность польского ученого вызывала осуждение консервативных русских современников, враждебное отношение царизма.

Вторая глава монографии посвящена анализу работ Лелевеля по истории русского народа. В ней автор отмечает, что интерпретация Лелевелем истории России имела как сильные, так и слабые стороны. Передовые убеждения, тщатель-

ное изучение источников позволили польскому ученому сделать интересные наблюдения и прийти к важным выводам в общей оценке российского исторического процесса. Бесспорные заслуги Лелевеля автор справедливо усматривает в антицаристской направленности его выводов по истории России и в развитии им аргументации об ошибочности норманской теории. Эти выводы перекликались с историческими взглядами передовых представителей русской общественной мысли XVIII—XIX вв. Однако идеалистическое мировоззрение и модернизация истории привели Лелевеля к некоторым ошибочным выводам по истории России. Он приукрашивал политику Речи Посполитой, якобы стремившейся к мирным отношениям с Русским государством, не понимал прогрессивной роли Москвы в создании Русского централизованного государства и т. д.

Самой ценной частью работы являются третья и четвертая главы, написанные на основании большого количества источников. В них показывается роль Лелевеля в укреплении польско-русского революционного союза в 30—60-х годах XIX в., отношение к нему русских современников в этот период, на которое решающее влияние оказало участие Лелевеля в восстании 1830—1831 гг. Царизм стал рассматривать его как опасного политического противника, а консервативные русские современники заняли по отношению к нему враждебную позицию. В то же время демократические круги русского общества, отмечает автор, стали проявлять еще более живой интерес к научным трудам и политическим документам польского историка.

Находясь в рядах польской демократической эмиграции, Лелевель последовательно проводил идею польско-русского революционного союза. Эту идею он сделал одним из основных принципов своей политической программы. Выводы Лелевеля о необходимости польско-русского союза в борьбе против царского самодержавия оказали большое влияние на формирование программы польской демократии в XIX в. и ее отношение к России. Б. С. Попков убедительно показывает, что деятельность Лелевеля отразила новый этап в истории польско-русского революционного союза.

Оппозиционные круги России справедливо считали Иоахима Лелевеля одним из виднейших деятелей польского национально-освободительного движения. Они знакомились по его произведениям с идеалами и мировоззрением польских шляхетских революционеров. Имя Лелевеля, заключает автор, звучало в России как символ польско-русского союза в борьбе с самодержавием.

Книга Б. С. Попкова написана хорошим литературным языком, легко читается.

Однако весьма интересная и полезная работа Б. С. Попкова не лишена и некоторых недостатков. При характеристике исторических взглядов Лелевеля автор в известной степени затушевывает слабые стороны его исторической концепции, не вскрывает до конца ошибоч-

ные и антинаучные положения польского историка по ряду вопросов истории России. В книге встречаются ненужные и почти дословные повторения. Название монографии намного шире ее содержания.

И. А. Воронков

J. KWIATKOWSKI. *Poezja Jarostawa Iwaszkiewicza na tle dwudziestolecia międzywojennego*. Warszawa, 1975, 592 s.

Е. КВЯТКОВСКИЙ. *Поэзия Я. Ивашкевича на фоне межвоенного двадцатилетия*

Ежи Квятковский — один из видных польских ученых, обладающий исследовательской пиротой, завидной эрудицией и одновременно тонким поэтическим вкусом, редким даром проникновения в секрет обаяния той или иной поэтической индивидуальности. Работая уже с 1958 г. над поэзией Ивашкевича, Квятковский одновременно издает две монографии: о поэзии Л. Стаффа «У истоков лирики Стаффа» (1966), которая в значительной своей части явилась совершенно новым прочтением поэтического наследия одного из наиболее популярных польских лириков XX в., и позднее — о Ю. Пшибосе (1972).

Рецензируемая книга (объем которой превышает 500 стр.) посвящена поэзии Я. Ивашкевича с момента его поэтического дебюта вплоть до 1939 г. Ранее, в 1966 г., увидела свет книжечка под названием «Элеутер», куда вошли три этюда о ранней поэзии Ивашкевича, составившие первый раздел настоящей монографии. В последующие годы были написаны дальнейшие главы книги.

В отличие от монографии, посвященной творчеству Стаффа, где в основу композиции были положены три проблемы, представлявшиеся автору центральными, здесь поэзия Ивашкевича рассматривается в эволюции. Каждая из глав соответствует определенному сборнику, который, по мнению Квятковского, является самостоятельным этапом. Так, в первой части — три главы, посвященные трем первым сборникам Ивашкевича («Восьмистишия», 1919; «Кисиды», 1925; «Дионисий», 1923)¹; во второй — четыре, соответствующие последующим сборникам («Книга дня и ночи», 1929; «Возвращение в Европу», 1931; «Лето 1932», 1933; «Иная жизнь», 1938). Однако подобная дробность, замкнутость, не создает ощущения камерности.

Книга Квятковского — это серьезное, проникновенное исследование, соединившее в себе удивительное ощущение времени, свободное обращение с богатым историко-культурным и литературно-художественным материалом и филигранный филологический анализ лирики Ивашкевича.

С блистательной эрудицией, высокой духовной и эстетической культурой самого поэта гармонирует широта и разносторонность исследователя. Одновременно с учетом идейно-философских и художественных исканий современной эпохи делаются экскурсы в историю культуры, причем не только европейской, но и мировой, проводятся сопоставления Ивашкевича с деятелями культуры, мыслителями, поэтами, художниками, музыкантами — и все это на конкретном материале и очень углубленно. Микроанализ и широкий поток литературы постоянно и неразрывно сосуществуют, не подавляя друг друга.

Квятковский — ученый и одновременно, как справедливо отмечает польский рецензент², критик, влюбленный в поэзию. Эрудиция, вкус, такт, стремление к объективности суждения и оценки, к многогранности интерпретации соединяются в нем с огромной симпатией к избранной поэтической индивидуальности, что особенно заметно в рецензируемой книге. Исследователь стремится донести до читателя живое обаяние поэзии Ивашкевича.

Не изменяя своему главному направлению, рассматривая творчество Ивашкевича в эволюции, подчеркивая, как от крайнего эстетизма и традиционности автор «Восьмистиший» шел к перелому, к изменению мировоззренческой и эмоциональной атмосферы, Квятковский одновременно акцентирует и целостность его поэтической природы (этому способствует своеобразное вступление к книге — общий портрет поэта), в которой, по его мнению,

¹ В анализе двух последних сборников Квятковский основывается не на датах издания, а на времени их создания.

² См. W. Maciąg. Kwiatkowski o Iwaszkiewiczu. «Życie Literackie», 1976, № 1254.

соединилась культура Востока и Запада, широта культурных горизонтов и привязанность к национальному, традиция и новаторство, жажда жизни и упоение смертью, эстетизм и гражданственность, универсализм и личностное начало. Автор обращает внимание на то, как на различных этапах то одна, то другая контрастная тенденция начинает выдвигаться вперед.

Проводя множество параллелей, которые занимают значительное место в книге, Квятковский стремится раскрыть оригинальность поэта. Сопоставляя, например, раннего Ивашкевича с поэтами «Молодой Польши», с русскими акмеистами, с О. Уайльдом или с искусством рококо (глава I, часть I), исследователь еще раз оттеняет его неповторимость.

Квятковский проникает в самую природу поэтической индивидуальности, показывая путем глубокого анализа, как культура становится материалом самого поэтического воображения, как поэт высказывается через образы мира искусства: живописи, скульптуры, музыки, как искусство становится для него темой, содержанием, как вдохновленный тем или иным произведением искусства (полотно-

ми Брейгеля, фресками Синьорелли или музыкой Дебюсси), Ивашкевич как бы переводит его на язык поэзии, превращая его в источник лирической исповеди, как при этом каждый раз меняется образный строй и эмоциональная атмосфера, синтаксис и версификация его стихов.

Может быть, данная книга лишена столь острой полемичности, как книга, посвященная Стаффу. Полемика вынесена в сноски, за пределы основного авторского текста (см., в частности, страницы полемики с А. Сандауэром в I главе I части книги или в I главе II части). Квятковский стремится не нарушать целостности непосредственного анализа. Книга является первым многогранным исследованием поэзии Ивашкевича. Ее оригинальность — и в своеобразном методе анализа и в общих суждениях и оценках.

Книга Квятковского вызывает, с нашей точки зрения, единственный упрек: ей не хватает биографического материала, который способствовал бы более глубокому пониманию творческой эволюции поэта.

Н. Богомолова

«*Studia polono-slavica-orientalia*». Acta litteraria II. Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1975, 264 s.

«Польско-восточнославянские исследования»

Говоря о первом выпуске «Польско-восточнославянских исследований»¹ — коллективного труда, предпринятого сектором восточнославянских литератур Института славяноведения ПАН в осуществлении рекомендаций II конгресса польской науки, мы уже отмечали как одну из его замечательных особенностей привлечение к участию в сборнике начинающих польских славистов. Этой особенностью характеризуется и второй том исследований, подготовленный также под руководством Б. Бялокозовича и изданный под его редакцией. Так, здесь дебютировали Э. Пивник, З. Скибинская-Харыло и К. Старчицкий.

Другой особенностью этого, как, впрочем, и предыдущего, тома является сочетание разноплановых исследований — статей проблемного характера с заметками частного порядка. Инициаторы этого издания исходят из той, бесспорно, правильной установки, что большие и перспективные концепции могут возникнуть прежде всего на базе точного знания конкретного материала (стр. 6). В соответствии с такой установкой они и концентрируют

коллективные усилия на самом тщательном изучении всех, даже мельчайших, фактов и подробностей истории связей польской литературы с восточнославянскими.

Из помещенных здесь работ на первое место — и по объему, и по проблемности, несомненно, претендует обширная и теоретически насыщенная статья Л. Язукевич-Оселковской «Достоевский как литературный патрон Жеромского». Положив в основу своих сравнений выдвинутого М. Бахтиным концепцию полифонического романа, польская исследовательница соопоставила по ряду пунктов поэтику Жеромского с поэтикой Достоевского. В результате ей удалось убедительно доказать, что так называемая жеромщина в типологическом отношении является своеобразной польской трансформацией повествовательных принципов Достоевского. Таким образом, наука получила еще одно фактическое подтверждение чрезвычайно важного положения, выдвинутого Ф. Селицким, которое с признанием цитируется автором статьи на стр. 70: «То, что обычно называют „пшибышевщиной“ и „жеромщиной“, в большой мере является именно „достоевщиной“, которая, будучи воспринята названными

¹ См. «Советское славяноведение», 1976, № 1, стр. 105—107.

писателями, в свою очередь передавалась их ученикам).

Иной характер носит статья «Несколько замечаний о белорусской литературе и ее рецепции в народной Польше», принадлежащая перу С. Яновича, белорусского писателя современной Польши. Мы не беремся судить, насколько прав он, утверждая, что «в Польше наблюдается скудное знакомство с белорусской литературой» (стр. 199) — ему, как говорится, виднее. В своем небольшом очерке Янович нарисовал поистине впечатляющую картину стремительного роста новой белорусской литературы, отметил ее своеобразие и успехи последних лет, поднявшие ее до уровня мировых достижений.

Особого внимания достойны работы Т. Шишко и Я. Орловского. Первый из них в статье «Николай Лесков и Мицкевич» доказал, что имя и сочинения великого польского поэта не были для автора романа «Некуда» объектом преходящего увлечения, «а сочувствовали русскому писателю на протяжении всей его трудной жизни» (стр. 62). В статье Я. Орловского «„Иван Грозный“ Яна Матейки и „Князь Серебряный“ Алексея Толстого» доказывается, что не парижские лекции Мицкевича, с которыми до сих пор связывали замысел названной картины польского живописца и которые, возможно, только корректировали ее исполнение, а роман А. К. Толстого «Князь Серебряный» и его трагедия «Смерть Иоанна Грозного» были той стимулирующей литературой, под впечатлением которой писал Матейко свое историческое полотно.

Справедливым представляется обоснование темы «Рецепция в Польше русских беллетристок (Вербицкая, Крыжановская, Таффи и другие)», избранной Ф. Селицким: «Их творчество не стоит извлекать из пыли забвения. Однако при изучении рецепции русской литературы и культуры в Польше их не обойдешь, так как они также сыграли в ней свою роль, жаль только, что отрицательную» (стр. 155).

Особо следует сказать о двух статьях, посвященных постановке русских пьес в польских театрах, — это «Драмы Максима Горького на сценах Северной Польши в 1949—1967 годах (Щецин — Копалин — Гданьск — Ольштын)» М. Яцкевича и «Русские и советские пьесы на сцене Варшавского драматического театра» К. Старчиньского. Для литературоведческой науки названные исследования представляются ценными, поскольку в них содержится (в хронологически и тематически очерченных границах) в сущности исчерпывающий материал по русско-польским связям.

Известный научный интерес представляют также работы В. Вильчиньского и Э. Пивник, хотя они небезупречны. В. Вильчиньский, который в предыдущем выпуске поместил фрагмент своего

исследования о Сырокомле, на этот раз выступил со статьей «Дайна „Ворон“ в польской литературе и в восточнославянских литературах». Ее тема — бродячий сюжет народной песни о вороне, принесшем девушке с поля боя руку ее возлюбленного. Хотя ареал бытования этой песни довольно широк и у славян, но ее древнейший текст, по данным автора, сохранился в Литве (по-литовски «daina» и означает «песня»). Опираясь на одно из положений Ю. Кшижановского, Вильчиньский прослеживает литературную обработку этого фольклорного сюжета поляками, белорусами, украинцами и русскими, переводы песни с одного славянского языка на другой, в особенности польского стихотворения Сырокомли «Ворон» на русский язык, и отмечает факты обратного проникновения этих литературных обработок в народ. Бесспорная научная ценность этой статьи состоит в добросовестном изучении процесса взаимодействия устного народного и литературного творчества на материале указанного фольклорного сюжета, но, к сожалению, это значение ее почти на нет сводится наукообразным обрамлением. Автор начинает свое изложение с гипотезы, по которой «некоторые фабульные элементы литовской песни о вороне странствовали на территории восточных славян» (стр. 10). Вообще-то говоря, возможность этого более чем вероятно, и неотъемлемое право исследователя выдвигать любую гипотезу, но при условии, что она либо специально обосновывается дальнейшим изложением, либо сама служит истолкованию чего-то трудно объяснимого без принятого допущения. У Вильчиньского же это условие недооценивается, упор делается на сходстве песен, хотя сходство народных произведений само по себе, как известно, не может служить доказательством их родственной, генетической связи.

«Польские отклики на присуждение Ивану Бунину Нобелевской премии» — так озаглавила свою статью Э. Пивник. Несомненное достоинство этого исследования начинающей польской русистики состоит в том, что она добросовестным образом, с похвальным стремлением к предельной объективности, охарактеризовала различные мнения польской критики о русском писателе, интерес к которому в Польше, как устанавливает автор, по-настоящему и возник лишь после неожиданного присуждения ему в 1933 г. Нобелевской премии.

Статья Й. Ауляк «Русское творчество В. Серошевского — очерк проблемы» представляет собою попытку разобраться в билингвизме писателя, в причинах, побудивших его писать по-русски, в особенностях его стиля, порожденных двуязычием, и т. д.

Читатели, которых специально интересуют сюжеты, обозначенные в заглавии

статей Х. М. Малговской «Русская народная песнь Сибири в польской литературе» и З. Скибиньской-Харыло «О переводах „Пана Тадеуша“ на белорусский язык», также не пожалейте времени, потраченного на ознакомление с ними.

Рецензируемая книга — это часть серийного издания, служащего прежде всего накоплению фактов и частных обобщений. Следовательно, и отдельные его выпуски нужно оценивать в соответствии с их основным назначением — в перспективе

той общей задачи, решению которой они призваны содействовать. По нашему глубокому убеждению, труды по сравнительному изучению литератур являются необходимой ступенью, ведущей к созданию всеобщих литературных историй — славянской, европейской и всемирной. Вот почему серийному изданию трудов такого рода, как «Польско-восточнославянские исследования», мы придаем огромное научное значение.

И. К. Горский

«Бранко Гавелла — драма и театр». М., изд-во «Прогресс», 1976

Рецензируемый сборник избранных статей известного югославского режиссера, театроведа и критика Бранко Гавеллы знакомит читателя с работами, посвященными различным проблемам развития югославской драмы и театра.

Бранко Гавелла — крупнейший югославский театральный деятель: режиссер, поставивший около 300 драматических и оперных спектаклей; критик, разрешающий в своих статьях проблемы классической югославской литературы, драматургии, вопросы современного состояния сценического искусства. Значение Гавеллы как режиссера, близкого прогрессивным эстетическим и общественным идеям своего времени, выходит далеко за национальные рамки. Будучи страстным пропагандистом реализма в театральном искусстве, Гавелла считал литературное произведение основой спектакля. В работе над спектаклем он уделял особое внимание актеру. Эти принципиальные положения сближают позиции Гавеллы с системой Станиславского.

Составители сборника — Н. М. Вагапова, Н. П. Лебедева, Т. П. Попова и профессор Б. И. Ростоцкий — провели большую исследовательскую работу, стремясь отобрать из богатого творческого наследия деятеля югославской культуры все наиболее ценное и интересное. В сборник включены статьи и заметки, публиковавшиеся в различных журналах, некоторые рукописные работы Гавеллы, хранившиеся в архивах. Все это позволило исчерпывающе полно и отчетливо представить себе место Гавеллы в истории югославской культуры, его творческий облик и роль в развитии отечественной и мировой эстетики.

Б. И. Ростоцкий, прослеживая в предисловии долгий и разносторонний творческий путь Гавеллы, останавливается на отличительных особенностях его деятельности как теоретика, так и практика. Проявив еще в 20-е годы интерес к идеям марксизма, доктор философии Гавелла после войны создает школу актерского мастерства, обобщая в своих теоретически

работах вопросы драмы и театра. При всем своеобразии своего творческого пути режиссер Гавелла был во многом близок Станиславскому, полагает автор предисловия. В доказательство он приводит великодушный анализ постановочных принципов и приемов югославского режиссера, сделанный Станиславским после просмотра «Голгофы» Крлежи в постановке Гавеллы во время гастролей Московского Художественного театра в Загребе в 1922 г. Станиславского поразила слаженность всех компонентов спектакля, тот подлинный синтез искусств, теоретиком которого был и Гавелла.

В предисловии к сборнику приводятся материалы, свидетельствующие об идейно-творческой близости Станиславского и Гавеллы, их личных контактах и об оценке, которую давал Константин Сергеевич Гавелле как в плане идейном («революционер»), так и в плане чисто психологическом («беспокойный человек»).

Сборник избранных статей Гавеллы состоит из двух разделов. В первом («Драма») анализируются важнейшие этапы в развитии югославской драматургии и театра, рассказывается о творчестве виднейших югославских писателей Држиче, Шеноа, Войновиче, Крлеже. В раздел включены также заметки Гавеллы о гастролях в Загребе западноевропейских театров. Интересна открывающая первый раздел статья Гавеллы «Размышления о театре Эсхила». В ней идет речь об авторе драмы и зрителе, в установлении контактов между которыми первостепенную роль играет режиссер, создающий вместе с актерами новую зрелищную форму воплощения поэзии. Статья «О сценическом воплощении Шекспира», помещенная также в первом разделе сборника, воспринимается как новое, глубокое и оригинальное шекспироведческое исследование. В этих столь различных по содержанию статьях есть нечто общее: здесь раскрывается отношение автора к драме как к носителю идейного, социального содержания.

Во второй раздел («Театр») включены театроведческие работы Гавеллы разных лет, отражающие размышления режиссера над актуальными проблемами театра и возникшие в связи с работой над спектаклем или просмотром различных постановок. В них обобщается опыт Гавеллы-режиссера, освещаются такие теоретические вопросы, как многогранность личности актера, его взаимоотношения со зрителем, выразительные средства игры актера и др. Привлекает внимание статья «В поисках нового театра», написанная под влиянием театральных впечатлений после поездки Гавеллы в Москву, куда он был приглашен в 1928 г. на празднование 30-летия МХАТ. В статье-письме «Любо Бабичу» Гавелла причисляет себя к художникам, пришедшим к заключению о необходимости синтеза искусств.

Бранко Гавеллу мы с полным основанием можем причислить к ряду крупнейших режиссеров современности. Значение его творческого наследия определяется не только масштабом дарования, но и длительностью его деятельности, насыщенностью художественными свершениями и замечательной разносторонностью. Именно поэтому столь значителен выход в свет сборника его избранных статей о проблемах драматургии и сценического искусства Югославии. Его литературное наследие, став, благодаря появлению сборника, достоянием нашего читателя, не только сблизит нас с театральной культурой Югославии, но и поможет уяснить пути развития режиссерского искусства в наши дни.

Г. Покровская

Г. П. КЛЕПИКОВА. *Славянская пастушеская терминология (ее генезис и распространение в языках карпатского ареала)*. М., 1974, 245 стр.

С начала 60-х годов в Институте славяноведения и балкастики АН СССР интенсивно исследуется лингвистическая проблема карпатского ареала. В 1967 г. вышел в свет «Карпатский диалектологический атлас» (КДА), в 1972 и 1975 гг. — сборники статей по карпатской лингвистике¹. Если вначале в центре интересов находились прежде всего юго-западноукраинские и южнославянские лексические параллели, что отчетливо отразилось в вопроснике и картах КДА, то вскоре в качестве самостоятельной лингвистической задачи выдвигается исследование соответствий в славянских и неславянских языках карпатского ареала с учетом связей с Балканами. Постепенно складывалась лингвистическая карпатистика². Как известно, на Карпатах существуют многочисленные общие черты в экономике, материальной и духовной культуре народов, населяющих эту зону.

Экономическая жизнь этнических групп обитавших в Карпатах, в прошлом определялась такой отраслью хозяйства, как скотоводство, в особенности горное овцеводство, которое, несмотря на местные различия, на всей территории велось приблизительно одинаковым способом. Поэтому понятно, что изучение лексики традиционного горного пастушества име-

ет особое значение для лингвистической карпатистики. Г. П. Клепикова посвящает этой теме обширную и обстоятельную монографию³. Подзаголовок ее очень точно очерчивает задачи, которые ставит перед собой автор.

Основой исследования является карпато-украинская пастушеская терминология, которая сопоставляется с материалом славянских и неславянских языков с целью определения ее специфики. Автор не ограничивается говорами карпатского ареала, а рассматривает также данные южнославянских языков, венгерского, албанского, новогреческого языков и балкано-румынских диалектов, а также севернославянских языков, включая серболужицких. Материал почерпнут не только из многочисленных опубликованных лингвистических и этнографических работ, но также из неопубликованных источников: архивов словарей и атласов, диссертаций, дипломных работ и т. д.

Во «Введении» (стр. 5—36) автор описывает развитие и типы скотоводства в карпатской зоне. При этом обращается внимание на соответствия и различия между карпатским и балканским скотоводством, которые связаны генетически благодаря так называемой валашской колонизации, исходным пунктом которой является Трансильвания. В трех главах

¹ «Карпатская диалектология и ономастика». М., 1972; «Славянское и балканское языкознание». М., 1975.

² Ср. С. Б. Бернштейн. Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии. В кн. Славянское языкознание. М., 1973, стр. 25—41; см. также другие работы этого автора.

³ Отдельные лексемы рассматриваются автором в ранее опубликованных работах: Из карпато-балканской терминологии высокогорного скотоводства. 1. *urda*. В кн. Этимология. 1966. М., 1968, стр. 62—81; 2. *vatra*. В кн. Балканское языкознание. М., 1973, стр. 149—169.

монографии исследуется не вся пастушеская терминология, а лишь около 40 лексем, представляющих следующие разряды: 1. Названия животных по полу, возрасту и другим признакам (стр. 37—93); 2. Термины, связанные с доением и переработкой молока (стр. 94—162); 3. Названия построек, используемых в пастушестве (стр. 163—222). Внутри глав отдельным лексемам посвящены небольшие статьи монографического характера. Автор исходит из лексем и прослеживает их распространение и терминологическое значение в отдельных языках и диалектах. Одна лексема может выступать в качестве ряда терминов. Так, лексема *zentica является манифестантом девяти терминов, лексема *komarnik—семи и т.п. При этом речь идет о различных терминах, а не о полисемии одного термина, так как они встречаются в различных районах, в различных диалектах. Ориентация на термины, а не на лексемы привела бы к большой дробности лингвистического ландшафта, так что в некоторых случаях нельзя было бы определить зонные ареалы. Однако при исследовании небольших территорий, по-видимому, вполне возможно принять термины за основу ареального членения.

Одной из своих задач автор считает определение «диалектных зон»⁴, которые очерчены пучками изоглос. Установление диалектных зон может пролить свет на взаимодействие языков и диалектов исследуемого ареала.

Следует сказать, что автор успешно решила поставленные задачи и пришла к важным выводам⁵, которые представлены в заключительной главе (стр. 223—245). Были установлены три типа ареалов: 1. Чисто карпатский ареал, представленный лексемами *vakeša, *bu(n)(d)z, *žentica, *podišor, *salaš; 2. Карпато-балканский ареал, который подразделяется в зависимости от распространения или отсутствия лексем в южнославянских языках; так, в южнославянских языках не отмечены лексеммы *kornut, *balan, *tsark, *strunga, *ryn(d)za, в то время как лексеммы *dzer, *kolastra, *urda, *koliba, *okol, *čul, *komarnik, а также лексеммы с корнями *p(V)gč(K)-, *běl (речь идет о существительных, обозначающих животных по цвету), pelěr, var- в южнославянских говорах встречаются. Следует отметить, что ареалы распространения этих лексем очень раз-

личны: в то время как соответствия *p(V)gč(k) распространены повсюду, pelěr(ka) встречается только в родопских говорах болгарского языка и под.; 3. Ареал, который наряду с карпато-балканскими языками включает также некоторые севернославянские некарпатские говоры, например, восточнославянские соответствия имеют *kl'ag, *tsap, *šut(a), *c(V)rkati, *staja, *košara, *s(y)r(o)vatka, *byrka, *byr. Лексема *oboga и лексеммы с корнями p(V)g, ves(t)-, rog-⁶, *běl-, *doj- встречаются в восточно- и западнославянских говорах за пределами Карпат. Характер лексем, названных для третьего ареала, также не одинаков: в то время как, например, *kl'ag (происхождение которого с уверенностью можно считать румынским [герср. восточнороманским]) по своему характеру является типично карпатской лексемой, распространение которой в южнорусских и некоторых украинских говорах следует рассматривать как результат более позднего влияния карпатского ядра, репрезентанты лексеммы *s(V)g(o)vatka надо считать праславянским наследием в восточно- и западнославянских языках. В этом смысле лексемму *s(V)g(o)vatka нельзя принимать за карпатизм. Именно в этом и заключается заслуга автора: в ее работе впервые на основе полного обследования собственно карпатизмы отделяются от других лексем с более широким распространением.

С точки зрения происхождения карпато-украинская пастушеская терминология состоит из исконных и заимствованных элементов. Среди исконных элементов отмечаются узлокальные названия, которые встречаются в украинских, а иногда и в западнославянских говорах, а также термины славянского происхождения, распространенные в карпатской и балканской зонах, например, *staja, *běl-, *nevarka, zvarьka, peřč, nelipka, košara, okil. Источником заимствованных элементов является прежде всего румынский язык (точнее, восточнороманские говоры). Но только часть заимствований можно считать валахизмами, другие же надо рассматривать как балканизмы. Автор устанавливает, что основным источником лексем, выступающих как термины пастушества, в карпато-украинских говорах и вообще в славянских говорах Северных Карпат был язык кочевого «валахского» населения.

Эти факты наглядно представлены в таблице (стр. 243), в то же время ста-

⁴ Понятие «диалектной зоны» не ограничивается диалектами одного языка, а относится и к зонам, границами которых являются изоглосные пучки, охватывающие диалекты разных языков.

⁵ Автор указывает, что ее выводы носят предварительный характер, так как важные терминологические сферы, такие как названия посуды, отар, пастухов, не рассматриваются в работе.

⁶ Лексеммы с этим корнем в монографии не рассматриваются, ср. однако: Г. П. К л е п и к о в а. Функционирование и генезис терминологии горного пастушества в славянских диалектах карпатского ареала. В кн. Славянское и балканское языкознание. М., 1975, стр. 182.

новится очевидным, что большое число слов,* заимствованных от «валахов», еще не имеет однозначной этимологии. Очень важным является указание автора на то, что инвентарь лексем в карпатском диалектном континууме нельзя отождествлять с инвентарем терминов. Последний значительно шире, и в его формировании большое участие принимают местные говоры. Благодаря семантическому развитию исконных или заимствованных лексем возникли специфические карпато-украинские термины.

Различия между скотоводством на Карпатах (экстенсивное овцеводство, в частности) и в Альпах (интенсивное скотоводство, преимущественно выращивание крупного рогатого скота) находят отражение в расхождениях инвентарей терминов. Поэтому, с точки зрения автора, привлечение словенской пастушеской терминологии при исследовании карпатской терминологии дает немного. В самом деле, большинство лексем «валашского» происхождения чуждо словенскому языку (ср., правда, словен. *sar, birka* и др.), но нельзя упускать из виду приведенные в книге параллели при лексемах славянского происхождения: словен. *prc, belisa* «белая овца (или коза)», *breza* «название коровы (или козы) с белыми полосами», *staja* «место для скота, пастушеская хижина с хлебом». Бросается в глаза соответствие карпато-укр. *okla* и словен. *okol* «огороженный выгон (пастбище)» и др. На южнославянской территории **okol* как скотоводческий термин засвидетельствован только в хорватских говорах Славонии и к тому же в очень незначительной степени. Эти словенско-севернославянские параллели, вероятно, очень древние, они указывают на то, что исконные славянские элементы в говорах карпатской зоны и Альп были включены в постепенно формировавшуюся систему скотоводческих терминов после заселения славянами всей территории современной Славии.

Следует сделать некоторые замечания к отдельным лексемам.

К примерам для **c(V)rkati* «доить понемногу, тонкой струйкой» надо добавить алб. *sërkoi* «корова или овца, у которых мало молока» (*Fjalir*, 56), *serkas* «доить корову» (см. «*Studime filologjike*», XXI, 1967, № 3, стр. 51). Албанские глаголы заимствованы из славянского, об этом свидетельствует суффикс *-k-*, характерный для образования звукоподражательных глаголов. Мне кажется сомнительной возможность поставить *strknuti* (обл. Косово) в один ряд с типом **c(V)rkati* (несмотря на наличие соответственного значения глагола), так как группа *sr + (k)* в сербохорватском очень устойчива.

При названиях «животного женского пола, в первый раз дающего потомство», которые содержат корень **prgv-*, автор сопоставляет севернославянскую лексе-

му с суффиксом *-ka* с южнославянскими названиями с *-iŋa*. Но так как основой исследования является лексема, было бы правильнее исходить из основы **prgvcs(t)-*⁷, которая является, очевидно, древней (укр. *первістка*, польск. *pierwiastka*, болг. *първеския*, с.-хорв. *prveskinja*). С синхронной точки зрения севернославянские языки, имеющие лексемы с суффиксом *-ka* и образованные от основы **p(V)rvcs(t)-*, противопоставят южнославянским языкам с лексемами от той же основы и суффиксом *-kiŋa*. Автор дала в книге карту № 13, на которой представлены ареалы **p(V)rv(es)[t]ka*, **prvostinka* (белорусское и западнорусское), а также **p(V)rv(es)k[iŋa]*. Словенский язык с лексемой *prvesnica*, *prvesnjica* образует третий ареал. Таким образом, мы получаем трижды (или четырежды, при учете форм типа **prvostinka*) поделенный ареал, в котором встречаются образования от корня **prgv-* с элементом *-s-*. Все они противопоставлены другим производным без элемента *-s-* (укр. *первістка*, чеш. *prvnička* и под., в.-луж. *prënica*, с.-хорв. *prvakiŋa* и др.). Здесь они не представляют интереса ввиду слабой формальной связи с производными, имеющими суффикс *-s-*. В данном случае существует скорее связь на почве мотивации «внутренней формы». Ср. также в.-луж. *prënica* с нем. *Erstling*, которое в говорах означает «животное женского пола, которое впервые отелилось». Укажем, что общие черты в языках карпатской зоны могут проявляться в материально различных лексемах — в совпадении «внутренней формы» названий или в одинаковом развитии семантики⁸. Правда, исследование этих связей не входило в круг задач автора книги.

Монография Г. П. Клепиковой — фундаментальный вклад в методологию карпатской лингвистики. Ее ценность заключается в конкретных результатах лингвогеографического и лексико-этимологического характера и в том, что она побуждает к детальному изучению изолексов и к выявлению микрзон в рамках более крупных ареалов. Книга является и ценным началом в работе над «Общекарпатским диалектологическим атласом».

Карл Гутшмидт

⁷ Об элементе *-ës-* см. V. M a s h e k. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1958, s. 347.

⁸ С. В. Семчинский. Межъязыковая изоморфия в языках и диалектах карпатского ареала. В кн. *Общекарпатский диалектологический атлас*. Кишинев, 1976, стр. 36—42; его же. Семантичні запозичення східнослов'янського походження в українській мові. «Українське мовознавство», в. 2. Київ, 1974, стр. 52—58.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1976 г.

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы.

Алдохин В. П. Некоторые вопросы развития молодежного движения в странах социалистического содружества и сотрудничества ВЛКСМ с братскими союзами молодежи. В кн. Проблемы мирового развития и молодежь. М., 1976.

Брегадзе Г. Огромная жизнеспособность социалистического интернационализма. «Сакартвелос комунисти», Тбилиси, 1976, № 5.

Бутенко А. П. Развитое социалистическое общество: сущность и проблемы. Вопр. философии, 1976, № 6.

Валевская В. И. Совершенствование деятельности профсоюзов стран—членов СЭВ. Рабочий класс и соврем. мир, 1976, № 4.

Віднянський С. В. Процес консолідації революційного профспілкового руху в ЧССР (1969—1972). Іст. дослідження. Історія зарубіж. країн, Київ, 1976, вип. 2.

Возница Д. Опыт периодической комплексной оценки деятельности профсоюзных кадров в ЧССР. В кн. Профсоюзные кадры: подготовка и повышение квалификации. М., 1976.

Вытев В. Опыт болгарских профсоюзов по обучению и воспитанию профсоюзных кадров. В кн. Профсоюзные кадры: подготовка и повышение квалификации. М., 1976.

Гаджиева В. М. Этапы развития законодательства о социальном обеспечении в Польской Народной Республике. Вопр. соц. обеспечения, 1976, вып. 9.

Гвишиани Д. М. Научно-техническая революция и социальный прогресс. В кн. Философия и современность. М., 1976.

Горбунова О. Н., Потапова С. М. Проблемы финансового права в европейских социалистических странах. Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение, 1976, № 3.

Григоров Б. Коммунистическое и рабочее движение в Болгарии в кривом зеркале буржуазных фальсификаторов. Вопр. истории КПСС, 1976, № 7.

Дмитриев А. По пути строительства развитого социализма. Коммунист Вооруж. Сил, 1976, № 15.

Дудинский И. В. Социалистическое содружество и мировое развитие. Вопр. истории, 1976, № 7.

Ильинский И. Польша: изменения в Конституции. «Советы депутатов трудящихся», 1976, № 7.

Ким Г. Ф. Мировой социализм и национально-освободительное движение. «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 1.
Клепацкий Л. Н. Актуальные проблемы развития рабочего класса и крестьянства. Вопр. философии, 1976, № 7.

Купка Я. О воспитании и подготовке профсоюзных кадров в Чехословакии. В кн. Профсоюзные кадры: подготовка и повышение квалификации. М., 1976.

Магдзяк М. Х. Система обучения профсоюзных кадров в Польше. В кн. Профсоюзные кадры: подготовка и повышение квалификации. М., 1976.

Моисеев В. Организация правовой службы в Народной Республике Болгарии. Сов. юстиция, 1976, № 15.

Мурджева Т. Коллективизм и социальная ответственность. «Проблемы научного коммунизма», 1976, вып. 10.

Нойбауэр Х. О подготовке профсоюзных кадров в округах ГДР. В кн. Профсоюзные кадры: подготовка и повышение квалификации. М., 1976.

Погорелов Я. Д. Здравоохранение Польской Народной Республики на современном этапе и основные перспективы его развития. Сов. здравоохранение, 1976, № 8.

Поздняков В. Обмен опытом деятельности внешнеторговых арбитражных судов и комиссий при торговых палатах стран СЭВ. Внешн. торговля, 1976, № 6.

Собчак К. Координационная деятельность Народных Советов и их органов в ПНР. Сов. государство и право, 1976, № 8.

Стефанюк Б. Воеводский центр профсоюзного обучения. В кн. Профсоюзные кадры: подготовка и повышение квалификации. М., 1976.

Суфин З. Активность личности и реализация общесоциальных ценностей в Польше. В кн. Активность личности в социалистическом обществе. М., 1976.

Тарханов И. А. Институт замены наказания по уголовному законодательству зарубежных социалистических стран. В кн. Казанский университет им. В. И. Ульянова-Ленина. Сб. аспирантских работ, Казань, 1976.

Тиунов О. И. Принципы соблюдения международных договоров в свете моральной и правовой оценки. Уч. зап. Перм. ун-та, 1976, № 352.

Ушкалов И. Г. Актуальные проблемы развития социально-классовой структуры европейских стран—членов СЭВ. Социол. исследования, 1976, № 3.

Шмелев Г. И., Дивила Э. Социальные изменения в аграрной структуре европейских социалистических стран. В кн. Совершенствование социальной структуры в развитом советском обществе. М., 1976.

Шулус А. О некоторых закономерностях становления структуры и функций Национального фронта в Польше. «История», Вильнюс, 1976, т. 16, вып. 1.

Якубовский И. XXV съезд КПСС и укрепление боевого содружества армий стран Варшавского Договора. Воен.-ист. журн., 1976, № 8.

Ярошевский Т. Социально-моральные аспекты научно-технической революции. В кн. Активность личности в социалистическом обществе. М., 1976.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Болтин Е. А. Борьба СССР и стран социалистического содружества за безопасность и сотрудничество в Европе. В кн. Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. М., 1976.

Капченко Н. Внешняя политика социализма и мировое развитие. Междунар. жизнь, 1976, № 7.

Козин Б. Сближение стран социализма — объективная закономерность. Междунар. жизнь, 1976, № 9.

Комунаров С. М. Интернациональные и национальные в світовій соціалістичній системі. Філософ. думка, 1976, № 4.

Константинов Ф. Т. Проблемы интернационализма и патриотизма в современной идеологической борьбе. В кн. Философия и современность. М., 1976.

Лукьяненко С. П. Участие СССР и других социалистических стран в деятельности Международной ассоциации социального обеспечения. Вопр. соц. обеспечения, 1976, вып. 9.

Минчев Н. XI съезд БКП и внешняя политика Народной Республики Болгарии. Междунар. жизнь, 1976, № 7.

Михальченко В. В. Некоторые вопросы строительства социализма в Польской Народной Республике (60-е годы). В кн. Вопросы идейно-политической борьбы коммунистических партий за социальные преобразования. М., 1976.

Модржинская Е. Д. Две мировые системы — два образа жизни. Некоторые теоретико-методологические вопросы. В кн. Философия и современность. М., 1976.

Нежинский Л. Н. XXV съезд КПСС и дальнейшее сплочение стран социалистического содружества. «Новая и новейшая история», 1976, № 4.

Несук М. Д. Дві світові системи — два типи взаємовідносин (політика держав РЕВ і «спільного ринку» щодо молодих країн Африки). Іст. дослідження.

История зарубеж. країн, Київ, 1976, вип. 2.

Пашков А. И. К вопросу об этапах развития социалистического общества. В кн. Становление и развитие экономической науки в СССР. М., 1976.

Примов И. По пути строительства развитого социалистического общества в Болгарии. Парт. жизнь, 1976, № 17.

Садовский М. Возрожденная Польша. «Коммунист», Вильнюс, 1976, № 7.

Сиполс В. Я., Филитов А. М. Потсдамская конференция и ее решения — победа демократических принципов послевоенного мирного устройства в Европе. В кн. СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945. М., 1976.

Требков А. А. Внешнеполитическое сотрудничество социалистических государств: сущность и основные черты. Сов. государство и право, 1976, № 7.

Хнёупек Б. Вклад Чехословакии в укрепление мира. Междунар. жизнь, 1976, № 8.

Шишлин Н. В. XXV съезд КПСС: развитие мирового социализма — главное направление социального прогресса человечества. Вопр. истории КПСС, 1976, № 6.

3. Коммунистические партии социалистических стран

Веprinяк Д. М. Роль Польської Об'єднаної Робітничої партії у здійсненні загальної освіти в ПНР. Рад. школа, 1976, № 8.

Медведев В. П. Борьба Коммунистической партии Чехословакии за укрепление своих рядов после апрельского (1969 г.) Пленума ЦК КПЧ. В кн. Вопросы идейно-политической борьбы коммунистических партий за социальные преобразования. М., 1976.

Фойтик Я. Марксизм-ленинизм, пролетарский интернационализм — основа политики КПЧ. «Коммунист», 1976, № 11.

4. Экономика. Экономическое сотрудничество

Абалкин Л. И. Сущность хозяйственного расчета и проблемы его совершенствования. В кн. Хозяйственный расчет в социалистической экономике. Из опыта стран СЭВ. М., 1976.

Антоненко В. И. Композиция романа Георгия Караславова «Простые люди». В кн. Вопросы теории и истории литературы. Тамбов, 1975.

Алампиев П., Воробьев Е. Изменение отраслевой структуры народного хозяйства стран СЭВ. Вопр. экономики, 1976, № 7.

Албастова Л. Еще один несостоятельный вариант теории «конвергенции». Эконом. науки, 1976, № 6.

Афанасьева Н. П. Основные направления развития технических

- средств транспорта стран — членов СЭВ. Труды Ин-та комплексных трансп. проблем при Госплане СССР, 1976, вып. 55.
- Байбаков Н. Новое в координации народнохозяйственных планов стран — членов СЭВ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 3.
- Байбаков А. И., Докучаев В. И. Формирование системы международных экономических организаций стран — членов СЭВ. (Сущность задачи, организационные формы.) В кн. Вопросы организации и управления народным хозяйством социалистических стран на современном этапе. М., 1976.
- Балевски Д. Экономика НРБ в шестой пятилетке и задачи ее развития на 1976—1980 гг. Вестн. статистики, 1976, № 7.
- Басс Л., Керемидгиев В. Участие Болгарии в специализации и кооперировании производства стран СЭВ. Вопр. экономики, 1976, № 7.
- Бауман Л. Н. Актуальные проблемы социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ. В кн. Проблемы мирового развития и молодость. М., 1976.
- Беличенко А. Международный инвестиционный банк — важный инструмент социалистической интеграции. Внешн. торговля, 1976, № 8.
- Богнар И. Влияние современных тенденций в мировом топливно-сырьевом хозяйстве на внешнеэкономические связи социалистических стран с капиталистическими. В кн. Взаимное сотрудничество стран СЭВ и их сотрудничество с третьими странами в решении топливно-сырьевых проблем. М., 1976.
- Богомолов О., Шмелев Н. Возможности деловых связей. О проблемах и перспективах промышленной кооперации Восток — Запад. Эконом. газ., 1976, № 32.
- Вайс Т. Социально-экономическая структура населения стран СЭВ. Вопр. экономики, 1976, № 6.
- Взаимное сотрудничество стран СЭВ и СФРЮ и их сотрудничество с третьими странами в решении современных топливно-сырьевых проблем. В кн. Взаимное сотрудничество стран СЭВ и их сотрудничество с третьими странами в решении топливно-сырьевых проблем. М., 1976.
- Винтрова Р., Сук А., Странски Ф. Сотрудничество в решении сырьевой и энергетической проблемы. В кн. Взаимное сотрудничество стран СЭВ и их сотрудничество с третьими странами в решении топливно-сырьевых проблем. М., 1976.
- Владова Н. Материальное стимулирование эффективности труда в промышленности европейских стран СЭВ. Вопр. экономики, 1976, № 8.
- Волков А. Развитие сотрудничества стран — членов СЭВ в области морской геологии и геофизики. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 3.
- Вопичка Е. К вопросу структуры и функций процесса управления. В кн. Организационно-экономические проблемы совершенствования управления народным хозяйством. М., 1976.
- Герасимов А., Некипелов А. Действие экономических законов в мировом социалистическом хозяйстве. Эконом. науки, 1976, № 8.
- Гойло В. Современные буржуазные концепции воспроизводства трудовых ресурсов. В кн. Критика современных буржуазных демографических концепций. М., 1976.
- Гончарова Н. П. Опыт аграрно-промышленного кооперирования в Венгрии и Болгарии. В кн. Методологические проблемы региональной экономики. М., 1976.
- Гребеников Б. Единая энергетическая стратегия стран СЭВ. Вопр. и ответы, 1976, № 7.
- Дворжак И. Критерии и методы образования фонда заработной платы и фонда поощрения. (Опыт ЧССР.) В кн. Хозяйственный расчет в социалистической экономике. Из опыта стран СЭВ. М., 1976.
- Деятельность Международного банка экономического сотрудничества в 1975 г. «Деньги и кредит», 1976, № 8.
- Дзевоньский К. Типы урбанизации и системы городов в Польше в связи с развитием территориальной структуры хозяйства. В кн. Территориальная структура народного хозяйства в социалистических странах. М., 1976.
- Долек Й. Социально-экономическое развитие социалистического сельского хозяйства ЧССР. Междунар. с.-х. журн. М., 1976, № 4.
- Дудинский И. Действие экономических законов социализма в мировом социалистическом хозяйстве. Вопр. экономики, 1976, № 8.
- Дудинский И. В. Социалистическая интеграция — определяющая тенденция развития братских стран. Социол. исследования, 1976, № 3.
- Жилкина Т. Совершенствование системы материального стимулирования в народном хозяйстве стран СЭВ. Эконом. науки, 1976, № 6.
- Журавлев Ю. П. Латинская Америка — СЭВ: тенденции взаимоотношений. Латин. Америка, 1976, № 4.
- Запryanов А. Значение многостороннего сотрудничества стран — членов СЭВ для развития черной металлургии НРБ. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 3.
- Захматов Н. И., Якушин А. А. Сотрудничество стран — членов СЭВ в решении топливно-сырьевых проблем. Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1976, № 4.

Зотова П. А., Смолянски й В. Г. Социалистическая экономическая интеграция и ее буржуазные критики. Вопр. истории КПСС, 1976, № 7.

Илев Б. Хозяйственный расчет государственных хозяйственных объединений в Народной Республике Болгарии. В кн.: Хозяйственный расчет в социалистической экономике. Из опыта стран СЭВ. М., 1976.

Клеменчич В. Географическое изучение изменений социально-экономического пространства и урбанизации в Югославии (после 1965 г.). В кн. Территориальная структура народного хозяйства в социалистических странах. М., 1976.

Ковальцев Г. Новый этап интеграции стран СЭВ. Междунар. жизнь, 1976, № 8.

Коган Е. Совершенствование материального стимулирования в странах СЭВ. Вопр. экономики, 1976, № 7.

Кожанов В. П. Развитие и совершенствование металлургической базы стран Варшавского Договора в процессе социалистической экономической интеграции. Сб. научн. статей Воен.-полит. акад., 1976, № 5.

Козлов И. Сотрудничество стран СЭВ и СФРЮ в решении топливно-сырьевых проблем. Вопр. экономики, 1976, № 6.

Коларова М. Автоматизация управления в Болгарии. Экономика сельск. хоз-ва, 1976, № 8.

Копецкий К., Анджеевский С. Развитие энергетики в ПНР. В кн. Взаимное сотрудничество стран СЭВ и их сотрудничество с третьими странами в решении топливно-сырьевых проблем. М., 1976.

Кудров В. М. Современный этап экономического соревнования двух мировых систем. Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1976, № 4.

Ладыгин Б. Очередные задачи социалистической интеграции (К итогам XXX сессии СЭВ). Междунар. жизнь, 1976, № 9.

Лацис О. Социалистическая интеграция и международные объединения. Мировая экономика и междунар. отношения, 1976, № 8.

Лецицкий С., Потриковски М. Исследование территориально-экономических структур народного хозяйства в Польше. В кн. Территориальная структура народного хозяйства в социалистических странах. М., 1976.

Локош И., Мункачи Д. Изменение цен на сырье и энергоносители и его влияние на мировую экономику. В кн. Взаимное сотрудничество стран СЭВ и их сотрудничество с третьими странами в решении топливно-сырьевых проблем. М., 1976.

Маергойз И. М. Территориальная структура народного хозяйства и неко-

торые подходы к ее исследованию в свете социалистической экономической интеграции. В кн. Территориальная структура народного хозяйства в социалистических странах. М., 1976.

Майорова Е. Л. Развитие народного хозяйства ЧССР в 1971—1975 гг. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1976, 8 июля, № 80.

Маршалек А. Совместное планирование — новая форма сотрудничества стран — членов СЭВ. План. хоз-во, 1976, № 8.

Митрофанов В. Ф. Грузовые перевозки между странами — членами СЭВ и методы их планирования. Труды Ин-та комплексных трансп. проблем при Госплане СССР, 1976, вып. 55.

Мишев К., Бенце И., Демек Я. Совместные исследования географов стран — членов СЭВ в области охраны и улучшения окружающей среды и их перспективы. Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1976, № 3.

Моисеев В. Взаимная торговля стран СЭВ на новых рубежах. Внешн. торговля, 1976, № 6.

Найденов А. Д. Господствующая форма экономической связи при социализме (основы критики ревизионистских концепций). Вестн. Ленингр. ун-та, 1976, № 11. Экономика. Философия. Право, вып. 2.

Нижняя С., Шаститко В. Методологические вопросы изучения международных социалистических производственных отношений. Эконом. науки, 1976, № 7.

Никольский А. С. Перспективы развития экономики Народной Республики Болгарии в 1976—1980 гг. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1976, 24 июля, № 88.

Новакова-Гржибова В. Население Чешской Социалистической Республики в 1950—1970 гг. В кн. Территориальная структура народного хозяйства в социалистических странах. М., 1976.

Овсяк И. Ф. Развитие экономики Югославии в 1975 г. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1976, 19 июня, № 72.

Особенности формирования цен в условиях новой финансово-экономической системы ПНР. «Цены и ценообразование», 1976, вып. 3.

Палилова З. И. Научно-технический прогресс в сельском хозяйстве стран — членов СЭВ в условиях социалистической экономической интеграции. В кн. Актуальные экономические проблемы развитого социалистического общества. Свердловск, 1976.

Пенкальский Е. ПНР: курс — углубление интеграции. Эконом. газ., 1976, № 30.

Петров Б. Космос — важная сфера сотрудничества стран — членов СЭВ.

Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 3.

П и л ь н ы К. Концентрация и специализация — основа интенсификации производства. Междунар. с.-х. журн., М., 1976, № 4.

П о м а з а н о в С., Я к у ш и н А. Развитие интеграционных процессов в энергетике стран СЭВ. Вопр. экономики, 1976, № 6.

Проблемы сотрудничества стран СЭВ в топливно-сырьевых отраслях в свете новых тенденций в мировом хозяйстве. В кн. Взаимное сотрудничество стран СЭВ и их сотрудничество с третьими странами в решении топливно-сырьевых проблем. М., 1976.

Р а к о в с к и й М. Е. Планирование развития научно-технического сотрудничества социалистических стран. В кн. Управление научно-техническим прогрессом, ч. 2. М., 1976.

Р у л ь н о в а Е. Н., С е р г у ш е в В. М. Железнодорожный транспорт Польской Народной Республики. Труды Ин-та комплексных трансп. проблем при Госплане СССР, 1976, вып. 55.

Р ы б а к о в О. Долгосрочные целевые программы стран — членов СЭВ. План. хоз-во, 1976, № 8.

Р ы п о т а Я. Некоторые проблемы хозрасчетного положения предприятий в народном хозяйстве ЧССР. В кн. Организационно-экономические проблемы совершенствования управления народным хозяйством. М., 1976.

С а в е л о в а И. Н. Роль американских корпораций в развитии экономических отношений США с социалистическими странами. Эконом. стат. информация, 1976, вып. 29.

С д о б н и к о в Ю. А. Социалистическая экономика и международная социалистическая интеграция в работах М. Лавинь. Изв. АН СССР. Сер. эконом., 1976, № 4.

С е р г е е в В. Два противоположных типа экономической интеграции. Междунар. жизнь, 1976, № 7.

С е р г у ш е в В. М. Некоторые проблемы экономического сотрудничества стран — членов СЭВ в области транспорта. Труды Ин-та комплексных трансп. проблем при Госплане СССР, 1976, вып. 55.

С о р о к и н Г. М. Национальный доход при социализме. Проблемы потребления и накопления. В кн. Становление и развитие экономической науки в СССР. М., 1976.

С т е п а н о в В. Процесс перестройки международных экономических отношений. Экономическое сотрудничество Восток — Запад. Междунар. жизнь, 1976, № 7.

С т р е ч е т о в а М. П., У ш а к о в а Н. А. Научно-техническое сотрудничество стран СЭВ с развивающимися странами. В кн. Научно-технический

прогресс и развивающиеся страны. М., 1976.

С у д о п л а т о в А. Современные буржуазные экономические и социологические концепции демографического роста и их критика. В кн. Критика современных буржуазных демографических концепций. М., 1976.

Т и х о м и р о в В. П. Научно-техническая революция и социалистическая экономическая интеграция. В кн. Проблемы экономической интеграции социалистических и капиталистических стран. М., 1976.

Т и ш к о в Х. Рекреационные территориальные системы в Болгарии. В кн. Территориальная структура народного хозяйства в социалистических странах. М., 1976.

Т к а ч Г. П., Ф о м и н а Э. Г. Вопросы повышения производительности труда в экономической литературе социалистических стран. Сб. научн. трудов Ярослав. пед. ин-та, 1976, вып. 150.

Т о м е к Г. Автоматизация в снабжении и сбыте — составная часть интегрированной системы обработки данных. В кн. Организационно-экономические проблемы совершенствования управления народным хозяйством. М., 1976.

Т о м е к Я. Нормативная база прогрессивного управления производственным предприятием. В кн. Организационно-экономические проблемы совершенствования управления народным хозяйством. М., 1976.

Т р н о в с к и С. Соглашения о многосторонней международной специализации и кооперировании производства в области машиностроения. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 3.

У с т и м е н к о В. В. Строительное проектирование в странах — членах СЭВ. Экономика ст-ва, 1976, № 7.

Ф а д д е е в Н. В. СЭВ: интеграция в действий. Эконом. газ., 1976, № 32.

Ф е р р а И. Сотрудничество стран — членов СЭВ в области материально-технического обеспечения научных и технических исследований. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1976, № 3.

Х а в и н а С. Буржуазные концепции социалистического планирования. Вопр. экономики, 1976, № 8.

Х а в и н а С. Сицикалистский вариант теории «рыночного социализма». Эконом. науки, 1976, № 7.

Х а т у н ц е в В. М. Опыт распределения прибыли в братских странах социализма. В кн. Проблемы финансов хозрасчетных объединений промышленности. Всесоюз. науч. конф. Л., 1976.

Ч е р к а с о в Н. Об анализе международных экономических отношений при социализме. Эконом. науки, 1976, № 7.

Ч е р н ы ш е в В. В. Развитие транспорта Югославии. Труды Ин-та комп-

лексных трансп. проблем при Госплане СССР, 1976, вып. 55.

Чечил И. Основы роста урожая и производства зерна в ЧССР. Междунар. с.-х. журн., М., 1976, № 4.

Чуба Р. Направления агрохимических исследований в Польше. Междунар. с.-х. журн. М., 1976, № 4.

Шевяков Ф. Место и роль совместной плановой деятельности стран — членов СЭВ. «Коммунист Татарии», 1976, № 7.

Шмелев Г. Аграрные отношения при социализме. Общие черты и особенности производственных отношений в сельском хозяйстве социалистических стран. Эконом. науки, 1976, № 7.

Шмелев Г. Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ в области сельского хозяйства. Междунар. с.-х. журн. М., 1976, № 4.

Штыбер В. Цена и воспроизводст-

во ресурсов. В кн. Хозяйственный расчет в социалистической экономике. Из опыта стран СЭВ. М., 1976.

Шупка Л. Актуальные проблемы научно-технического сотрудничества. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1976, № 3.

Яворски В. Система безналичных расчетов в Польской Народной Республике. «Деньги и кредит», 1976, № 6.

Ярош Б. Всестороннее экономическое сотрудничество СССР и ПНР. Экономика Сов. Украины, 1976, № 7.

5. Государственное строительство. Право

Будылев В. А. Ленинские принципы интернационального воспитания воинов социалистических армий. Сб. науч. статей Воен.-полит. акад., 1976, № 5.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Анкудинова А. М. Русская армия в войне с Османской империей в 1806—1812 гг. и национально-освободительное движение сербского народа. Кампании 1806—1810 гг. на балканском театре. Сб. науч. работ Яросл. пед. ин-та, 1976, вып. 145.

Антосяк А. В. Освободительная миссия Советского Союза в Центральной и Юго-Восточной Европе. В кн. СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945. М., 1976.

Бухало Г. В. Сучасна польська історіографія про возз'єднання України в Росію. Укр. іст. журн., 1976, № 6.

Виноградов В. Н., Писарев Ю. А. 1905—1907 годы в России и революционные процессы на Балканах. Вопр. истории, 1976, № 6.

Голін Е. М. Польські західні та північні землі після возз'єднання. Укр. іст. журн., 1976, № 6.

Жепкайте Р. В архивах Польской Народной Республики. «Lietuvos istorijos metraštis 1974 metai». Vilnius, 1976.

Калениченко П. М., Кручкевич Г. С. Формування польських революційних частин Червоної Армії на території Країни Рад в роки громадянської війни. Укр. іст. журн., 1976, № 7.

Костин А. Ф. Дмитрий Благоев и революционное движение в России. Вопр. истории КПСС, 1976, № 7.

Лазько Г. Г. Антисоветская направленность внешней политики буржуазно-помещичьей Польши в 1934—1935 гг. Вопр. истории, Минск, 1976, вып. 3.

Легуров Э. И. Вопросы культурной политики Коммунистической партии Польши и прогрессивных сил страны в

межвоенный период. Междунар. ком. и рабочее движение, 1976, вып. 1.

Мацко О. М., Швидак О. М. Інтернаціоналістська діяльність комуністичної Польщі (1918—1938 рр.). Укр. іст. журн., 1976, № 8.

Павленко В. В. Братерська допомога трудящих Радянського Союзу болгарським політичним емігрантам у 20—30-х рр. Іст. дослідження. Історія зарубіж. країн, 1976, вип. 2.

Рахматуллин М. А. Встреча советских и польских историков. (Октябрь 1975 г., Сухуми.) История СССР, 1976, № 4.

Седов В. В. Конгресс археологов-славистов в Братиславе. (7—14 сент. 1975 г.). Сов. археология, 1976, № 3.

Сиполс В. Я. Вопрос о помощи Польше в советско-англо-французских переговорах 1939 г. В кн. Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений. М., 1976.

Сиполс В. Я. СССР и проблема мира и безопасности в Восточной Европе. (1933—1938 гг.). В кн. СССР в борьбе против фашистской агрессии 1933—1945. М., 1976.

Стецкевич С. М. Численность и состав рабочих Королевства Польского в конце XIX в. (По материалам Всероссийской переписи населения 1897 г.). Проблемы отеч. и всеобщей истории, 1976, вып. 3.

Третьякова Н. Л. ПНР в борьбе за тактику единого фронта в польском национально-освободительном движении. Вопр. истории, 1976, вып. 3.

Фачячан С. Армянские полководцы и солдаты в армии хана Крума. «Эчмиадзин», 1976, № 2.

Федосова Е. И. Польский вопрос во внешней политике Франции 1807—1812 гг. Вопр. истории, 1976, № 7.

Шлик М. Й. Видатний польський марксист — лєнінець Ю. Бруно. Укр. іст. журн., 1976, № 6.

2. Культура

Башович Л. Подготовка библиотекарей высшей квалификации на философском факультете Сараевского университета. В кн. Библиотекосведение и библиография за рубежом, вып. 57. М., 1976.

Бечка И. Таджикистан и Юлиус Фучик. «Садои Шарк» («Голос Востока»), Душанбе, 1976, № 4.

Блажиев Л. К проблеме художественного многообразия в литературе социалистического реализма. В кн. Современные проблемы социалистического реализма. Эстет. сущность метода. М., 1976.

Богданов Ю. В. Новые координаты словацкой прозы. В кн. Новые явления в литературе европейских социалистических стран. Худож. проза начала 70-х гг. М., 1976.

Будагова Л. Зерна дают всходы (Культурное строительство в ЧССР). Иностр. лит., 1976, № 7.

Булаховська Ю. Л. Из спостережень над поезією С. Гарасимовича і С. Гроховяка. Слов'янське літературознавство і фольклористика, 1976, вип. II.

Бурлака Я. Подготовка учителей в ЧССР. Нар. образование, 1976, № 8.

Ведіна В. П. Драматургія Тадеуша Ружевича. «Слов'янське літературознавство, фольклористика», 1976, вип. II.

Вулетич В. Н. М. Карамзин и литература сербского Возрождения. В кн. Сравнительное изучение литератур. Л., 1976.

Гавелла Б. Крлежа и Загреб. В кн. Гавелла Б. Драма и театр. М., 1976.

Гавелла Б. Марин Држич. Эскиз портрета. В кн. Гавелла Б. Драма и театр. М., 1976.

Гавелла Б. Любо Бабичу. В связи с семидесятилетием. В кн. Гавелла Б. Драма и театр. М., 1976.

Гавелла Б. Мирослав Крлежа и театр. В кн. Гавелла Б. Драма и театр. М., 1976.

Гавелла Б. Что, как мне кажется, я знаю и чего не знаю о Иво Войновиче. К портрету человека и писателя. В кн. Гавелла Б. Драма и театр. М., 1976.

Гавелла Б. Шеноа и его время. В кн. Гавелла Б. Драма и театр. М., 1976.

Гилевич Н. Три вершины в болгарской революционной поэзии XX в. (Х. Смирненский, Г. Милев, Н. Валцаров). В кн. Смирненский Христо и др. Избранное. М., 1976.

Голомидов В. И., Сидорова Т. С. Проблемы архивоведения в архивной периодике ЧССР. Труды Всесоюз. науч.-исслед. ин-та документоведения и архивного дела, 1976, т. 6, ч. 1.

Гончаров В. И. Психологизм образа («Легенда о св. Софии» Загорчинова). В кн. Филологические исследования. Минск, 1976.

Гончаров В. И. Стиль и язык романа Ст. Загорчинова «День последний». В кн. Филологические исследования. Минск, 1976.

Добровольская Д. Ценность труда для личности в народной Польше. В кн. Активность личности в социалистическом обществе. М., 1976.

Доланский Ю. Забытый чешский пропагандист русской литературы. В кн. Сравнительное изучение литератур. Л., 1976.

Дюришин Д. Перевод как форма межлитературных связей. В кн. Сравнительное изучение литератур. Л., 1976.

Жигульский К. Свободное время и личность. (Место свободного времени в различных фазах развития личности.) В кн. Активность личности в социалистическом обществе. М., 1976.

Жубанова Г. Трибуна XII — Опатия. Фестиваль музыки югославских композиторов (осень 1975 г.). Сов. музыка, 1976, № 6.

Зотова К. Библиографическое дело в Народной Республике Болгарии (к 30-летию народной власти). В кн. Библиотекосведение и библиография за рубежом, вып. 57. М., 1976.

Изварин А. С. К вопросу об особенностях социалистической культурной революции в чехословацкой деревне. В кн. Проблемы духовной жизни социалистического общества. Л., 1976.

Илларионова Н. Ф. Внедрение электронно-вычислительной техники в систему национальной библиографии в ЧССР. Изд. дело. Реф. информация, 1976, вып. 6.

Ильина Г. Я. Время романа. (О романе-эпопее в литературах Югославии.) В кн. Новые явления в литературе европейских социалистических стран. Худож. проза начала 70-х гг. М., 1976.

Касьяненко И. А. Новое в формировании промышленной архитектуры. (Из опыта социалистических стран.) Стрво и архитектура, Киев, 1976, № 6.

Кишкин Л. С. Пушкин и Лермонтов в поэзии Сватоплука Чеха. В кн. Сравнительное изучение литератур. Л., 1976.

Кишкин Л. С. Чешский исследователь русской литературы. (Ю. Доланский). Рус. лит-ра, 1976, № 2.

Копреева Т. Н. Античный сюжет в славяно-русских сборниках XV—XVI вв. В кн. Сравнительное изучение литератур. Л., 1976.

Корев Ю. Македонский первый (Музыкальное оперное и симфоническое искусство Македонии на фестивале «Стругская музыкальная осень», 1975 г.) Сов. музыка, 1976, № 6.

Кош Э. «Это проклятое писательское ремесло...». Иностр. лит-ра, 1976, № 9.

Кулачковський Р. С., Маджук О. Я. Автограф Адама Міцкевича. «Архіви України», 1976, № 3.

Легуров Э. И., Новиков Ю. Е. К вопросу о формировании основ культурной политики в народной Польше. В кн. Проблемы духовной жизни социалистического общества. Л., 1976.

Лірниченко В. А. Дослідження сербо-хорватської народної лірики. Нар. творчість та етнографія, 1976, № 3.

Лось И. Д. Пропаганда, досвід комуністичного будівництва та тісного співробітництва Радянського Союзу і Польщі на сторінках газети «Трибуна люду». В кн. Актуальні питання теорії та історії журналістики. Львів, 1976.

Марков Д. Ф. По логике истории. В кн. Новые явления в литературе европейских социалистических стран. Худож. проза начала 70-х гг. М., 1976.

Момов В. Методологические проблемы теории воспитания. Вопр. философии, 1976, № 7.

Мусяненко С. П. Жанрово-стильові тенденції в сучасній польській прозі (кінець 50-х — середина 60-х років). «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1976, вип. II.

Ондрушек С. Социалистическая действительность в чехословацком киноискусстве. «Искусство кино», 1976, № 7.

Пачовський Т. Франко — критик польської літератури. «Жовтень», Львів, 1976, № 8.

Петухов В. К. Ровинский о сербских этюдах Ф. Канида. В кн. Сравнительное изучение литератур. Л., 1976.

Плавский З. И. Первый перевод Мицкевича в Испании. В кн. Сравнительное изучение литератур. Л., 1976.

Плугарж З. Несколько слов о чешской прозе наших дней. Иностран. лит-ра, 1976, № 8.

Подъяпольская Е. П. Портрет Петра I из замка Курнике в Польше. В кн. Сравнительное изучение литератур. Л., 1976.

Полякова Л. Словацкий оперный. Сов. музыка, 1976, № 6.

Помыкало В. Польская школа накануне реформы. Нар. образование, 1976, № 7.

Пономарева Н. Н. Заметки о современной болгарской прозе. В кн. Новые явления в литературе европейских социалистических стран. Худож. проза начала 70-х гг. М., 1976.

Рейковский Я. Личность в перспективе научно-технической революции. В кн. Активность личности в социалистическом обществе. М., 1976.

Ровда К. И. Русский демократ среди чехов К. Шаров. (Из литературно-публицистических связей 70—80-х годов XIX в.) В кн. Сравнительное изучение литератур. Л., 1976.

Ростоцкий Б. Режиссер Бран-

ко Гавелла. В кн. Гавелла Б. Драма и театр. М., 1976.

Семчук А., Шипко Т. О начале известности Тургенева в Польше. В кн. Сравнительное изучение литератур. Л., 1976.

Сирота Н. М., Ходячий Ф. З. Критика концепции «идеологического мира». В кн. Проблемы духовной жизни социалистического общества. Л., 1976.

Ситинский А. Стиль жизни в социалистическом обществе. В кн. Активность личности в социалистическом обществе. М., 1976.

Спасов І. Світ Івана Давидкова. «Всесвіт», 1976, № 7.

Съезд писателей Югославии. «Kargos», Riga, 1976, № 2.

Хорев В. А. Заметки о польском романе начала 70-х годов. В кн. Новые явления в литературе европейских социалистических стран. Худож. проза начала 70-х гг. М., 1976.

Шайкевич Б. О. Военн оповідання Й. Йовкова та болгарське реалістичне образотворче мистецтво в час першої Балканської війни. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1976, вип. II.

Шейнина Т. И. Библиотечно-библиографическое обслуживание специалистов сельского хозяйства СССР и НРБ. Сов. библиогр., 1976, № 3.

Шерлаимова С. А. Чешская проза в начале нового этапа. В кн. Новые явления в литературе европейских социалистических стран. Худож. проза начала 70-х гг. М., 1976.

Шматлак С. На пути к обновлению. Реализм в современной словацкой литературе. Вопр. лит-ры, 1976, № 6.

Шумада Н. С. Перший номер журналу «Български фолклор». «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1976, вип. II.

Щепанський Я. Система обучения и модель социалистической личности. В кн. Активность личности в социалистическом обществе. М., 1976.

Юзвенко В. А. Неопублікована біографія Зоріана Доленги-Ходаковського. «Слов'янське літературознавство і фольклористика», 1976, вип. II.

3. Наука.

Маштабей В. Я. Согласование вариантов национальной научной политики со специализацией стран СЭВ в области науки и техники. «Науковедение и информатика», 1976, вып. 16.

Обговорення у Львові праці Інституту слов'янознавства та балканістики АН СРСР. Укр. іст. журн., 1976, № 8.

Саркисян С. Д. Выдающееся произведение современной марксистско-ленинской философии (Павлов Т. Теория отражения). Вопр. философии, 1976, № 7.

Стайков З. Роль науки в подготовке профсоюзных кадров. В кн. Профсоюзные кадры: подготовка и повышение квалификации. М., 1976.

Суднік М. Р. XVII пленарнае пасяджэнне Міжнароднага камітэта славістаў. (ГДР, 2—8 сент. 1975 г.) Беларус. лінгвістыка, 1976, вып. 9.

Теслюк С. С. Розробка філасофскіх праблем фізікі у Польскай Народнай Рэспубліцы (Інфармацыйны огляд дзякіх прац польскіх філосафів, апублікаваных у 1961—1970 рр.). Філас. праблемы сучас. прыродознаўства, 1976, вып. 40.

Тшебятовскі В. Роль Польскай Акадэміі навук у навуковым жыцці краіны. Вісн. АН УРСР, 1976, № 6.

Хемпольшкі М. Концепцыя «чистой» тэорыі пазнання Рамана Інгардэна. Вопр. філасофіі, 1976, № 8.

Ярошевскі Т. Научно-тэхнічная рэвалюцыя і некаторыя праблемы марксістскай тэорыі грамадзянскага развіцця. Вопр. філасофіі, 1976, № 8.

4. Язык

Балалыкіна Э. А. Некаторыя замечания по поводу суффиксальных образований с элементом *L* в славянских языках. В кн. Именное словообразование русского языка. Казань, 1976.

Вурм А. Ф. Сходства и различия русской и чешской фразеологии. Рус. речь, 1976, № 4.

Казлова Р. М. Праславянскія лексічныя дыялектызмы беларускай мовы (Да пытання рэканструкцыі праславянскіх дыялектызмаў). Беларус. мова і мовазнаўства, 1976, вып. 4.

Маркар'ян Н. Е., Семенов Л. В. Образование с суффиксами -арь- в русском и польском языках. В кн. Именное словообразование русского языка. Казань, 1976.

Фекета І. І. Украінскія назвы жінкаў на слов'янскаму фоні. Укр. мовознаўство, 1976, вып. 4.

Цыхун Г. А. Міжнародны сімпозіум «Беларуска-польскія ізалексы» (Мінск, 23—24 сент. 1975 г.). Беларус. лінгвістыка, 1976, вып. 9.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1976, № 4

М. Исусов. Выборы в конституционное собрание и расстановка политических сил в Болгарии в 1946 г.; Н. Генчев. Франция и болгаро-греческие церковные отношения в 50—70-е годы XIX века.

«Литературна мисъл», 1976, № 4

Литература, достойная зрелого социалистического общества; А. Спиридонов. Георгий Караславов и среднее поколение писателей; И. Радев. Современная болгарская деревня в творчестве двух прозаиков; Г. Цанев. Пенчо Славейков — личность и творчество; Н. Пантелеева. Эстетические воззрения П. П. Славейкова на сущность творчества и своеобразие писателя; И. Паси. Портреты нравов. Лабрюйер «Характеры»; П. Диников. Иван Вазов на рубеже двух эпох; Р. Димчева. Теория Элиота о происхождении сатиры; Б. Мирчев. Поэзия и правда у Э. Т. А. Гофмана.

№ 5

К. Василев. Великий теоретик болгарского рабочего движения; Г. Димов. Болгарская марксистская крити-

ческая мысль и проблемы социалистической литературы в период между двумя мировыми войнами; Б. Ничев. Методологические проблемы болгарской литературной истории (предварительные заметки и постановка вопроса); Й. Холевич. Фольклор и литературные жанры в эпоху Возрождения; И. Бернштейн. Современные аспекты социалистического реализма. Жанровая структура современного романа; Р. Коларов. Структура идейно-художественного мира в поэме «Сентябрь» Гео Милева; Н. Даскалов. Романтический образ национального подвига в творчестве двух славянских поэтов.

«Przegląd Historyczny», 1976, № 2

Е. Колендо, Т. Котуля. Из проблематики развития городов в римской Африке; Т. Василевский. Дулебы — лендзяне — хорваты. К вопросу о племенных поселениях и политических отношениях над Бугом, Саном и Вислой в X в.; М. Экмечич. Попытки объединения христианских церквей в 1848 г. и южные славяне.

№ 3

В. Ленгауэр. Военачальники и греческие полисы в конце V в. до н. э.; А. Свежавский. Присоединение

Сохачевской земли к Короне (1476); А. Эйсенбах. Отель Ламбер и еврейский вопрос в канун «весны народов»; Т. А. Шумовский. Концепции развития польско-чехословацких отношений в эмиграционной политической мысли (1940—1941).

«Pamiętnik Literacki», 1976, № 3

Юлиан Кшижановский — некролог; С. Жулкевский. Из истории славы Луиса ди Камоэнса в Польше XIX в.; И. Китович. Человек и природа в понимании Бродзиньского и Мохнацкого; Б. Закшевский. «Ах, это была дева...». О созданном Мицкевичем образе Эмили Плятер; З. Судольский. Граф Генрик — полемист и защитник Панкратия; М. Грабовская. Романтический жест графа Генрика в «Небожественной комедии»; А. Богуславский. О принципах общей характеристики пословиц.

«Slavia orientalis», 1976, № 2

О. Спиридович. Польская русистика накануне III конгресса МАП-РЯЛ; А. Безвиньский. Драматические произведения Алексея Хомякова; Э. Баччарелли. К вопросу о типологии слугу Достоевского; Х. М. Малчовская. Томские планы Стефана Жеромского; В. Вильчиньский. Янка Купала и Владислав Сырокомля; Ф. Селицкий. Русская проза начала XX в. в польском восприятии; В. Будзиевская. Из лексических южнославянско-русских связей; Э. Иванец. Публикация «Славянской типографии» на Мазурах XIX столетия; С. Шадыко. Общеславянский продуктивный тип сложных имен существительных в современных восточнославянских языках; Ч. Косыль. Местное название Ochodza || Ochoża.

№ 3

Э. Малэк. Старопольская повесть на Руси; В. Вильчиньский. Поэзия Владислава Сырокомли в русских переводах (50—60 гг. XIX в.); М. Цесля. Литературное творчество Ивана Франко на немецком языке; В. Петровский. Группа имажинистов в первый год ее существования; Р. Радзюк. Личность рассказчика в современном русском советском очерке о природе и охоте; М. Балий. Суффиксы -ik, -ok, -ko, -uk || juk в украинском языке.

«Język polski», 1976, № 2

Я. Сафаревич. Витольд Дорошевский (1899—1976); Е. Островская.

Стилистический комментарий к стихотворению Тадеуша Новака; Я. Пузынная. Как мы устанавливаем функции формантов?; Б. Бонецкая. О понятии модальности (обзор проблем); М. Карпюк. О топониме *Drohiczyn*; Г. Холм. Имя *Gustav* и старопольское *Gościstaw*; А. Грыбосёва. Слова типа *mini*, *porno*, *retro* в современном польском языке; В. Борысь. Заметки о лексике: 1. *strożyć*, *nastrożyć*, *nastroga*; К. Герей-Шиманьская. Кашубское *sztuka*; М. Паёнковская. Текст из Коцева.

№ 3

Е. Островская. Стилистический комментарий к стихотворению Тадеуша Новака. II; С. Роспанд. Из исследований по польской топонимике. XVI. Аутентичность географических названий у Яна Длугоша; В. Мёдунка. Своеобразие тематической лексики; Е. Сероцюк. Интердиалектные элементы в польских народных песнях (на примере названий леса) (с 4 картами); М. Миту. Румынская колонистика за 30 лет (языкознание); Д. Веселовская. Демобилизации не было (Лексикологические наблюдения).

«Ceskoslovenský časopis historický», 1976, № 4

Я. Звада. К развитию французских буржуазных партий в настоящее время; З. Дейл. Развитие рабочего социального страхования в Чехословакии в 1924—1938 гг.; А. Мика. Национальная обстановка в Чехии после тридцатилетней войны; Б. Шинделарж. Классово-политические аспекты абсолютной монархии в период XVI—XVIII в.

В. Мелихар. Путь к чехословацко-польскому союзу; М. Новак. К использованию дипломатических сообщений в качестве исторических источников; В. И. Фрейдзон. Борьба славянских народов в Габсбургской империи до дуализма; Я. Цезар. Годовщина американской революции.

«Slovenský prehľad», 1976, № 4

Ф. Гавличек. XXV съезд КПСС и творческое развитие марксизма-ленинизма; В. Мелихар. Исторические, общественно-политические и социально-экономические предпосылки формирования содружества социалистических стран; Б. Легар. Экономические связи ПНР и ЧССР в 1960—1975 гг.; М. Грегорович. Чехословацкая коммунистическая и левая печать о революционных событиях 30-х годов на Кубе.

«Slovenská literatúra», 1976, № 2

А. Багин. К типологии поэзии Андрея Плавки; Я. Брезина. О проблемах развития словацкой послевоенной поэзии и прозы; З. Клатик. Типология сюжета в исторических новеллах Калинчика.

«Česká literatura», 1976, № 2

Г. Грзалова. Задачи литературной науки; Б. Л. Сучков. Социалистический реализм сегодня; Й. Ганзал. Культурная программа Палацкого до 1848 года; И. Скаличка. Стихотворная сатира С. К. Нейманна; И. Бечка. Газел в чешской поэзии.

№ 3

И. А. Бернштейн. Динамика развития жанра романа в литературах социалистических стран; Й. Петерка. Тенденции и проблемы поэзии 70-х годов; Р. Л. Филиппикова. Формирование исторического романа как концепция национальной истории; Я. Билек. Бедржих Вацлавек в «Ровности»; А. Я. Гуревич. К истории гротескности; И. Зесгазе. Чешский вклад в марксистское изучение литературы 1918—1938 гг.; М. Отруба. Ян Коллар как аргумент в пользу Махи и романтизма.

№ 4

В. Форст. Иван Краско и Чехия; Р. Филиппикова. Призвание искусства как тема художественной литературы; Г. Кучерова. Драматическое творчество Ванчуры двадцатых годов как рубеж в творчестве художника; В. Куделка. Пьесы, рассчитанные на успех; А. Лене. Три поездки А. Ираека в Словакию при собирании материалов к роману «Братство»; И. Павелка. Новые перспективы для изучения метафоры в литературном произведении.

№ 5

З. Тиха. Адам Вацлав Михна из Отрадовице и его лирическая поэзия; Р. Пытлик. О чешском социальном романе; Ф. Бурианек. Карел Чапек — эстетик; Р. Филиппикова. Рабочее и революционное движение в чешской и болгарской литературах; В. Мацура. «Родина» в национальном Возрождении и «родина» у Махи; Л. Топольская. К отношениям чешской, австрийской и немецкой драмы в период национального Возрождения; П. Ракош. Из венгерской богемистики.

«Slovo a slovesnost», 1976, № 1

П. Трост. Переключение кодов; В. Мокиенко. Диалектическое соотношение «имплицитность : эксплицитность» и развитие фразеологии; П. Сгалл, Я. Паневова. Содержание, значение и грамматика на семантической основе; Я. Легар. Литературное мастерство хроника Далимила.

№ 2

К. Горалек. Предложение и высказывание; Р. Мразек. Проблематика так называемой иерархизации пропозиций; М. Тешителёва. О некоторых проблемах квантификации языковых явлений; Р. Шрамек. Словообразовательная модель в чешской топонимии.

«Slovenská reč», 1976, № 3

Я. Горецки. Наименования признаков и категорий; Я. Качала. Семантическое единство прилагательных *významný* и *vážny*; М. Марсинова. Приставочные деноминативные глаголы в словаре А. Матушки; Й. Младек. Фразеология в очерках В. Минача.

«Jezik», 1976, № 2

Л. Енке. Стандартизация географических названий; С. Риттгассер. К проблеме определения фразеологизмов; С. Бабич. Современные проблемы словообразования; В. Анич. Об одной синтаксической модели («*žena je žena*»); В. Локнар. О передаче греч. *ch* (χ); Д. Алерич. Еще о необходимости частичной адаптации географических названий типа *Petrčane*.

«Jezik in slovstvo», 1976, № 3

В. Погорелец. О новой учебной программе — семантика предложения; С. Сухадолник. Литературный язык вариантов драмы Крайгера «*Školjka*»; И. Козлевчар-Чернелич. О функции глаголов с ослабленным значением типа «*biti*».

№ 4

Й. Коруза. К проблематике словенского Возрождения; Т. Кермаунер. Связи между европейской и словенской трагедией; Х. Глушич. Неоконченное и неопубликованное произведение Кирилла Космача.

№ 5

О. Гнамущ. Социально обусловленные отставания в развитии речи;

Д. Грах. Диалектизмы в книге
М. Кранца «Strici so mi povedali»;
М. Долган. Методика художествен-
ного чтения.

№ 6

М. Кмецл. Памяти Бориса Зигерла
(1910—1976); С. Барбарич. О роли
Ивана Приятеля в развитии словенской
литературной мысли; В. Куделка.
Вклад Яна Коллара в южнославянское
Возрождение; Г. Коцян, Й. Ко-
рузе, М. Кмецл. Знание словенской
литературы и выбор профессии.

№ 7

С. Котник. Пособия по правописанию на уроке; Й. Топоришич. Смысловая структура предложения; О. Гнамущ. Цели программы по обучению языку подростков с отставанием в речевом развитии.

№ 8

Ф. Задрavec. Взгляды Цанкара на язык; А. Видович-Муха. Адъективные словосочетания в рассказах Цанкара.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ-ПОЛОНИСТОВ ВО ЛЬВОВЕ

В Институте общественных наук Академии наук УССР 7—8 октября 1976 г. проходила III научная конференция историков-полонистов на тему: «XXV съезд КПСС и актуальные вопросы истории Польши и советско-польских отношений». В работе конференции приняли участие 80 ученых из 12 городов. Конференцию открыл директор Института общественных наук АН УССР В. П. Чугаев, он же выступил с докладом «XXV съезд КПСС об интернациональной солидарности и боевом союзе коммунистических партий стран социализма», в котором отметил большое значение идейного единства коммунистических партий для дальнейшего укрепления мировой системы социализма.

На пленарном заседании с докладом «Дальнейшее сличение стран социалистического содружества — важный фактор борьбы за мир и безопасность народов» выступил В. С. Толстой (Институт истории Академии наук Белорусской ССР). Он показал решающее влияние мировой социалистической системы на развитие революционного процесса в мире и обеспечение безопасности народов.

П. М. Калениченко (Институт истории АН УССР) и В. П. Колесник (Луцкий педагогический институт) в докладе «Братское сотрудничество между приграничными областями СССР и воеводствами ПНР в советской и польской историографии» подчеркнули роль сотрудничества приграничных областей в укреплении дружбы двух братских народов. С докладом «СССР и проблема безопасности Польши после мюнхенского диктата (октябрь 1938 — март 1939 гг.)» выступил И. М. Теодорович (Черновицкий государственный университет); «Участие поляков-интернационалистов в военной подготовке Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде» — И. И. Белякевич (Львовский государственный университет).

После пленарного заседания участники конференции продолжали работу в трех секциях. В первой секции — «Вопросы истории Польши (XVI — начало XX в.)» с докладом «Польско-украинские связи в области книгопечатания в XVI—

XVII вв.» выступил Я. Д. Исаевич (Институт общественных наук АН УССР), который на основе уникальных документов из архивов нашей страны и ПНР по-новому осветил проблемы истории польско-украинских культурных и научных связей. Т. П. Брянцева (Киевский государственный университет) в докладе «Актуальные вопросы истории городов Речи Посполитой в XVIII в. и освещение их в современной историографии», основываясь на новых документах, показала острую борьбу народных масс в польских городах и на Правобережной Украине против их угнетателей. Большой научный интерес вызвал доклад В. А. Бориса (Институт общественных наук АН УССР) на тему «Экспедиция полковника Юзефа Заливского 1833 г. и планы европейской революции». Автор на основе обнаруженных им не известных ранее архивных документов осветил польское революционное движение 30-х годов XIX в. С. М. Трусевич (Институт общественных наук АН УССР) осветил украинско-польские революционные связи в Восточной Галиции 60—70-х годов XIX в., Б. С. Шостакович (Иркутский государственный университет) остановился на русско-польских революционных связях в Восточной Сибири (70—90-е годы XIX в.). В первой секции выступили и другие товарищи.

Вторая секция обсуждала проблемы польско-советского сотрудничества в годы совместной борьбы против немецко-фашистских захватчиков и становления народной власти в Польше. В докладах «Военная история ПНР в советских исследованиях» Л. А. Любимского (Львовское высшее военно-политическое училище) и «Польская историография антифашистской борьбы в Бухенвальде в период второй мировой войны» С. С. Поливоды (Львовский политехнический институт) показано, что советские и польские ученые продолжают научные исследования проблем совместной борьбы советского и польского народов против гитлеровских захватчиков.

Доклады «Помощь Советского Союза в создании Вооруженных Сил Польши в годы второй мировой войны (1943—1944 гг.)» В. С. Манюкова (Львовский государственный университет) и «Борьба

советско-польских партизанских отрядов против гитлеровских оккупантов в восточных воеводствах Польши» С. Е. Ивашука (Институт общественных наук АН УССР) были посвящены вопросам укрепления боевого союза советского и польского народов в годы освободительной борьбы против общего врага.

И. М. Мирошниченко в докладе «Использование советского опыта по воспитанию воинов Войска Польского в духе интернационализма и боевого сотрудничества с воинами Вооруженных Сил СССР» показал, как командиры и политработники Войска Польского используют опыт Советской Армии по воспитанию воинов в духе интернационализма в современных условиях.

Борьбе польского народа против немецко-фашистских оккупантов были посвящены доклады: «Влияние политики коммунистов на радикализацию польского социалистического движения в годы формирования единого рабочего фронта (1942—1944 гг.)» Н. А. Рудого (Запорожский педагогический институт) и «Роль и место крестьянского движения Польши в организации отпора фашистским оккупантам» Т. Г. Медоваровой (Днепропетровский государственный университет). Интересные факты приведены в докладе «Участие французских и польских коммунистов в подготовке национального восстания во Франции весной 1944 г.» А. А. Шевчука (Институт общественных наук АН УССР).

В третьей секции внимание выступающих было сконцентрировано на вопросах строительства социализма в ПНР в послевоенный период и развития братских связей с народами СССР. С докладами выступили: В. С. Поляк (Ужгородский государственный университет) на тему «Интернациональные связи рабочего класса СССР и ПНР»; Н. Е. Индутная (Киевский государственный университет) — «Роль общественных организаций СССР и ПНР в развитии и укреплении братской дружбы между двумя народами (1945—1976 гг.)»; В. А. Булыченко (Киев) — «Сотрудничество СССР и ПНР в области высшего образования»; Л. Д. Чекаленко (Киевский государст-

венный университет) — «К вопросу о советско-польском научном сотрудничестве (1945—1975 гг.)»; Ю. И. Макар (Черновицкий государственный университет) — «Помощь Советского Союза народной Польше в борьбе за урегулирование международно-правовых вопросов (июль 1944—январь 1974 гг.)»; В. К. Мороз (Институт общественных наук АН СССР) — «Интернациональное единство стран социалистического содружества».

Г. И. Ковальчак (Институт общественных наук АН УССР) в докладе «Повышение роли ПНР в международном социалистическом разделении труда» раскрыл вопросы сотрудничества ПНР в Совете Экономической Взаимопомощи. По вопросам экономики выступил также С. М. Антошук (Киевский государственный университет) с докладом «Участие воинов Войска Польского в восстановлении народного хозяйства Польши (1944—1949 гг.)».

О руководящей роли ПОРП доклады подготовили: Ю. Г. Еремин (Институт общественных наук АН УССР) — «ПОРП — руководящая и направляющая сила польского общества» и Л. П. Федоренко (Запорожский машиностроительный институт) — «VII съезд ПОРП о задачах культурного строительства». Л. А. Зап-кильяк (Львовский государственный университет) посвятил свой доклад — «Основные предпосылки объединения польского рабочего движения» — развитию рабочего движения в Польше.

Многие доклады касались вопросов культурного развития в ПНР: Р. А. Зо-зуляк (Институт общественных наук АН УССР) — «Школа в народной Польше в 1944—1949 гг.»; Л. П. Бондарь (Институт общественных наук АН УССР) — «Основные тенденции современного литературного развития в ПНР»; Л. В. Краскова (Дрогобычский педагогический институт) — «А. Блок в Польше».

Творческий характер дискуссии и активность участников конференции свидетельствует о том, что в настоящее время в нашей стране ведутся плодотворные научные исследования актуальных проблем истории Польши и советско-польских отношений.

В. К. Мороз

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО БОГЕМИСТИКЕ

С 9 по 19 августа 1976 г. в Праге состоялся симпозиум по богемистике, посвященный 20-летию юбилею летних славистических курсов Карлова университета. Целью симпозиума были обмен

научным и педагогическим опытом и информирование о современном состоянии богемистики в Чехословакии и за рубежом. В работе симпозиума участвовали 23 ученых из 10 стран.

Доклады участников симпозиума были посвящены изучению литературы, языка, истории и культуры Чехословакии, причем литературоведческий цикл докладов был преобладающим.

Акад. Э. Георгиев (НРБ) широко осветил основные проблемы изучения чешской литературы в Болгарии, рассказал о традиционных связях болгарской и чешской литератур, наметил основные перспективы будущих исследований болгарских богемистов. Доц. Софийского университета Г. Драганов более подробно рассказал о судьбах чешской литературы в Болгарии после второй мировой войны, особо подчеркнув, что она является, после русской, самой популярной славянской литературой в его стране.

Развернутый анализ литературоведческой богемистики в ГДР дал проф. М. Енихен. Докладчик указал на трудности, которые пришлось преодолевать прогрессивным ученым ГДР в конце 40-х — начале 50-х годов, когда необходимы были полное очищение от буржуазных и фашистских концепций и выработка нового отношения к славянским культурам вообще и литературе в частности. Исходя из прогрессивной антифашистской традиции, используя опыт других социалистических стран, широко развернув научное и культурное сотрудничество с учеными ЧССР, литературоведы ГДР уже в 60-х годах смогли создать принципиально новую богемистику, интернациональную по своему содержанию. Опыт преподавания истории чешской и словацкой литературы (составительным методом) в Лейпцигском университете поделилась доц. И. Зегазе (ГДР).

В докладе проф. Й. Магнушевского (ПНР) в основном освещалась специфика преподавания чешской литературы в Польше и давалась подробная научно-методическая характеристика курса лекций по разным периодам этой литературы.

Остальные доклады литературоведческого цикла были посвящены наиболее актуальным проблемам литературоведческой богемистики, освещаемым в методическом курсе. Во вступительном докладе проректора Карлова университета проф. В. Рзоунека излагалась попытка научной периодизации послевоенной чешской литературы и предлагалась современная методология ее анализа. Культурные традиции и широкие взаимосвязи чешской литературы с литературой мировой были предметом доклада проф. Ф. Бурианека (ЧССР), предостерегшего от упрощенной трактовки данной проблематики. Проф. Р. Р. Кузнецова (СССР) убедительно показала необходимость системного подхода к истории чешской литературы. Понятие «художественная система», по ее мнению, применимо как к литературе самых разных исторических периодов, так и к творчеству отдельных

писателей. В докладе Р. Л. Филипчиковой (СССР) широко излагалась проблематика чешско-русских литературных отношений после второй мировой войны и освещалась история ее изучения в СССР. Содержательный обзор истории связей между серболужицкой и чешской литературами с 1746 г., когда в Праге был основан серболужицкий семинар, до наших дней сделал д-р П. Фёлкел (ГДР).

Лингвистическому аспекту богемистики, при всей его известной разработанности как в самой Чехословакии, так и за рубежом, на симпозиуме, к сожалению, было уделено мало внимания. В сущности, лишь доклады проф. В. Кршистека (ЧССР) и проф. А. Г. Широковой (СССР) были попытками синтетической оценки достижений в этой области.

Проф. В. Кршиstek рассказал о семи основных направлениях изучения чешского языка в ЧССР за последние годы: о создании учебников чешского языка, возникновении новых богемистических центров в Брно, Остраве, Усти над Лабой и др., о научных конференциях, выпуске больших словарей, о научном исследовании разных уровней языка, о популяризации достижений богемистики и, наконец, о координации учебно-методической работы.

В докладе проф. А. Г. Широковой был сделан обширный анализ достижений советской богемистики. Чешский язык, ставший в СССР одним из самых популярных славянских языков, изучается и преподается во многих научных и педагогических центрах: Москве, Ленинграде, Киеве, Львове, Минске, Одессе, Самарканде и др. Докладчик наметила четыре основные области изучения чешского языка в СССР: научно-исследовательская работа, научно-методическая работа (создание учебников), педагогическая деятельность, популяризация и пропаганда языка, литературы и культуры Чехословакии.

Доклады ст. преп. МИМО Е. Р. Роговской, канд. филол. наук А. И. Неруш, доц. Львовского университета В. А. Моторного и доц. ЛГУ В. М. Мокниенко были конкретными дополнениями к обобщающему докладу А. Г. Широковой. Е. Р. Роговская рассказала о принципах и структуре 2-й части нового учебника чешского языка, создаваемого совместными усилиями советских (Т. И. Константинова, Е. Р. Роговская, А. Г. Широкова) и чехословацких (П. Адамец, Й. Влчек) лингвистов. А. И. Неруш сообщила о достижениях украинской богемистики и изложила принципы составления первого большого чешско-украинского словаря, который готовится сотрудниками Института им. А. А. Потебни в Киеве. В. А. Моторный дал развернутую характеристику богемистических исследований во Львове, а

В. М. Мокиенко информировал участников симпозиума о богемистике в ЛГУ. Два последних докладчика освещали как литературоведческую, так и лингвистическую проблематику, изучаемую в их университетах.

История богемистики в Московском университете в XIX — начале XX в. была темой содержательного доклада проф. Л. П. Лаптевой (СССР). Обширный фактический материал этого доклада позволил продемонстрировать активные научные контакты ведущих русских славистов (Калиновского, Бодянского, Новикова, Гильфердинга, Дювернуа, Лаврова и др.) с чешскими и словацкими учеными (Ганкой, Шафариком, Палацким и др.).

Во многих докладах симпозиума давалась общая оценка богемистики в разных странах. Проф. Г. Вытршенс подробно осветил традиции научной и педагогической богемистики в Австрии и ее современное состояние. Проф. Р. Оти охарактеризовал развитие богемистики и словакистики в Великобритании за последние 25 лет. Проф. Г. дель'Агата рассказал об изучении чешского языка и литературы в Италии, особенно в университете Пизы. Д. Армстронг сделал доклад о богемистике в США. Д-р Й. Стехли-Панкова остановилась на развитии славистики и особенно традициях изучения чешского языка и литературы в Цюрихе. Доц. Енихи Чино сообщил о современном состоянии богемистики в Японии.

В перечисленных докладах подчеркивалось, что бурный рост интереса к чешскому языку и литературе характерен именно для последнего времени. Он во многом обусловлен как возросшим экономическим, культурным и политическим потенциалом социалистической Чехословакии, так и общим потеплением международного климата.

Об исключительном интересе современных славистов к Чехословакии свидетельствует прежде всего большой успех летних курсов славистов, которые были организованы по инициативе акад. Б. Гавранека. За это время, как сообщил в своем докладе секретарь курсов доц. Я. Порак, в летней школе в Праге обучались 2400 слушателей. Пражские курсы

действительно стали хорошей богемистической школой для многих славистов, школой, имеющей свои традиции и свою специфику. Не случайно Карлов университет специально для слушателей курсов выпустил 16 учебников, ориентированных на различную степень подготовленности к чешскому языку. Лекции известных чехословацких ученых, прочитанные на курсах, регулярно публикуются в специальных ротационных сборниках.

Кроме насыщенных научных заседаний участники симпозиума имели встречи с чешскими писателями в замке Добжиш, беседы с научными сотрудниками Института чешской и мировой литературы, Института чешского языка АН ЧССР и работниками издательства «Альбатрос». Интересны были встречи с рабочими крупнейшей швейной фабрики Чехословакии в г. Простейове и посещение сельскохозяйственного кооператива в д. Пршемисловице (Северная Моравия), где участники симпозиума смогли насладиться колоритом ганацкого диалекта.

Высокий уровень докладов, богатая программа и хорошая организация симпозиума сделали его настоящим международным форумом богемистов. В ходе обсуждений докладов, носивших дружеский и коллегиальный характер, было внесено немало предложений, принятие которых во многом сможет улучшить как научные разыскания в области чешского языка и литературы, так и их преподавание в вузах многих стран. Симпозиум позволил богемистам разных стран оперативно обменяться опытом своей научной и методической работы.

Известно, что идея летних курсов славянских языков, воплощенная именно пражскими славистами, оказалась исключительно плодотворной. Уже давно основаны и успешно работают славянские летние школы в Братиславе, Варшаве, Софии, Белграде и Загребе, Любляне и других славистических центрах. Хочется пожелать, чтобы и новая традиция международных симпозиумов по славистике, основанная в этом году учеными Карлова университета, стала столь же популярной, как и традиция летних семинаров.

В. М. Мокиенко

НА 23 КОНГРЕССЕ ФОЛЬКЛОРИСТОВ ЮГОСЛАВИИ

Созданный в 1955 г. Союз обществ фольклористов Югославии ежегодно созывает фольклористические конгрессы, в которых наряду с многочисленными югославскими специалистами в области народного искусства принимают участие и фольклористы других стран.

Конгрессы фольклористов Югославии заметно стимулируют научно-исследовательскую деятельность югославских ученых. Здесь широко обсуждаются актуальные проблемы фольклористики, в специальных фундаментальных «Трудах» издаются материалы конгрессов. Стало традицией проводить конгрессы поочередно в каждой республике Югославии, причем всякий раз избирается новое место, интересное в культурно-историческом и этнографическом отношении. В связи с этим в программе каждого конгресса присутствует тема, связанная с изучением народного искусства местного края. К конгрессам приурочены фестивали и смотры фольклора данного этнографического региона. Таким образом, югославские фольклористы и гости конгрессов имеют возможность систематически знакомиться с традиционным искусством народов Югославии, производить стационарные и полевые записи произведений фольклора.

Последний, 23 конгресс фольклористов Югославии состоялся 17—21 сентября в Хорватии, в небольшом городке на Саве — Славонском Броде. Соответственно первой темой конгресса было народное творчество населения Славонии и Барании. В цикле докладов были охарактеризованы народное прикладное искусство этого края (М. Матич — Белград, Е. Радауш-Рибарич — Загреб, З. Толди — Славонски Брод), народная музыка (Д. Рихтман-Шортич — Сараево), народные музыкальные инструменты (К. Галин — Загреб), народные обычаи и обряды (Н. Бонифачич-Рожиц — Загреб, Г. Саросач — г. Мохач, Венгрия), народные танцы (И. Иванчан — Загреб).

Основная тема конгресса, в связи с 35-летием антифашистского восстания народов Югославии, была посвящена отражению в фольклоре народно-освободительной борьбы. Основной теоретический доклад — «Восстания и революция в нашем народном творчестве» — сделал акад. Д. Неделькович (Белград). Некоторые доклады освещали особенности фольклора антифеодалных крестьянских восстаний. Доклад о хайдуцком фольклоре сделал М. Стоянович (Белград), о песнях Градашчевичева восстания 1830/31 г. — Дж. Бутурович (Сараево), о песнях Илинденского восстания 1903 г. — Л. Каровски (Скопье), И. Котев (Скопье), Л. Манчевски (Скопье). Большая часть докладов была связана с

проблематикой антифашистских песен второй мировой войны, возникших в разных местах Югославии — Сербии (М. Златанович — Вране), Черногории (С. Вукманович — Цетине), Хорватии (И. Рудан — Пула, В. Костелник — Вуковар), Боснии и Герцеговине (Н. Кнежевич, Х. Половина, Н. Людвиг-Печар, И. Милакович — Сараево), Македонии (С. Младеновский, Г. Бицевски — Скопье). Необходимо отметить, что фольклор народно-освободительной борьбы не впервые оказался в центре внимания югославских фольклористов и доклады на 23 конгрессе дополняли и конкретизировали наблюдения и выводы, содержащиеся в «Трудах» предыдущих конгрессов.

Другая важная проблема, обсуждавшаяся на конгрессе, сформулирована следующим образом: «Опыт наших фольклорных смотров, фестивалей, представлений, радио- и телепередач фольклора — в их связи с народными традициями, в аспекте их аутентичности и инновации». Уже сам факт постановки такой проблемы на специальном научном конгрессе свидетельствует о большом внимании югославской фольклористики к практическим нуждам современной культуры. На материалах областных фольклорных фестивалей и «саборов», радио- и телепередач участники конгресса анализировали процесс освоения фольклора в социалистическом обществе. В дискуссии выявились две противоположные тенденции: одни настаивали на культивировании лишь традиционных форм фольклора, большинство же признавало закономерность трансформации и актуализации фольклора в системе современной культуры. Но и те и другие единодушно критиковали случаи опошления и «модернизации» фольклора некоторыми ансамблями и обнаружившую тенденцию «коммерческого» отношения к фольклору в угоду вкусам туристов из капиталистических стран. В задачи конгресса входило обратить внимание общественности на необходимость бережного и тактичного отношения к ценностям народной культуры. Автор настоящего сообщения ознакомил конгресс с различными методами и формами внедрения фольклора в художественную самостоятельность, с характером «этнографических концертов» в Москве и Ленинграде.

На заключительном заседании конгресса было заслушано два методологических доклада: о значении комплексного изучения фольклора в единстве его словесных и музыкальных элементов (акад. Ц. Рихтман — Сараево) и о различных направлениях в исследовании фольклора (проф. Г. Чубелич — Загреб). Последний, справедливо критикуя ряд буржуазных «школ» и идеалистических

концепций, высказал спорную идею о целесообразности так называемого методологического плюрализма, т. е., по сути дела, — эклектического соединения различных методов. Это вызвало дискуссию, в которой прозвучала мысль о преимуществах целостного марксистского метода.

Участники конгресса имели возможность познакомиться с народным искусством Славонии во всех его проявлениях. В Народном музее Славонского Брода была открыта новая экспозиция народной одежды, в витринах магазинов были широко представлены произведения прикладного искусства. Этнографическая выставка была открыта и в селе Глоговица. Более двадцати сельских фольклорных

коллективов исполняли песни и танцы. Демонстрировались диапозитивы и звукозаписи, отражавшие полевую работу югославских фольклористов и использование ее материалов в радиопередачах.

После конгресса состоялось общее собрание членов Союза фольклористов Югославии, где был заслушан отчет о его деятельности за год, состоялись перевыборы руководства. Председатель Союза фольклористов З. Пальчок (Загреб) передал свои полномочия люблянкой фольклористке З. Кумер в связи с тем, что предстоящий конгресс намечено провести в Словении.

В. Е. Гусев

CONTENTS

<i>V. S. Parsadanova.</i> Soviet-Polish economic co-operation. 1944—1949. <i>I. V. Mikhutina.</i> On the role of the wright-wing opposition groupings in the political system of Central and South-Eastern European countries in 1930. <i>Yu. F. Ivanov.</i> The formation of Marxian conception of the Husits' heritage in the inter-war Czechoslovakia. <i>A. A. Titova.</i> The Agrarian reform in the Polish diet, Yune—December 1923. <i>A. Ulunian.</i> To the sojourn of Ch. Botev in Russia on the eve of Starozagora uprising of 1875. <i>A. S. Mylnikov.</i> V. N. Tatishchev and V. Hajek's «The Czech Chronicle». <i>S. Urbańczyk</i> (Poland). The Polish language of the XVI-th century	3
--	---

PEOPLE, EVENTS, FACTS

<i>S. Kolafa</i> (Czechoslovakia). Vladimir Kryvoš and Albert Skarvan in Petersburg and their touch with L. N. Tolstoy	78
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>B. M. Rukol.</i> Zdeněk Nejedlý. Má vlast. Symfonie doby, života a díla. <i>I. A. Voronkov.</i> Б. С. Попков. Польский ученый и революционер Иоахим Левель. <i>N. Bogomolova.</i> J. Kwiatkowski. Poezja Jarosława Iwaszkiewicza na tle dwudziestolecia międzywojennego. <i>I. K. Gorskii.</i> «Studia polono-slavica-orientalia». <i>G. Pokrovskaja.</i> «Branko Gavella — drama i teatar». <i>K. Gutschmidt</i> (GDR). <i>Г. П. Клепикова.</i> Славянская пастушеская терминология (ее генезис и распространение в языках карпатского ареала)	84
--	----

B i b l i o g r a p h y

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1976. The contents of foreign periodicals	94
---	----

SCIENTIFIC LIFE

<i>V. K. Moroz.</i> The scientific conference of the historians-polonists in Lvov. <i>V. M. Mokienko.</i> The International symposium on the Bohemian studies. <i>V. E. Gusev.</i> At the 23d Congress of folklorists of Yugoslavia	106
--	-----

Технический редактор *Е. В. Сеницына*

Сдано в набор 10/ХІІ-1976 г.	Т-03241	Подписано к печати 23/ІІ-1977 г.	Тираж 1240 экз.
Зак. 1475	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆	Усл. печ. л. 9,8	Вум. л. 3 ¹ / ₂ Уч.-изд. л. 11,1

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

№ 17

Б ОРДИНКА 34/38 КВ 40

ТОЛСТОМУ И И

70891

1-12

Цена 1 руб.

Индекс 70891

К